DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/novyizhivopisets31pole_0

BRITISH
7 JUN 34
MUSEUM

No 32 [illegible].

[illegible]

Pauvre enfant ! [illegible]

[illegible]-17

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ,

составленный

Николаемъ Полевымъ.

Тщеславной юности оставимъ блескъ веселій:
Пускай безстыдный Клишъ, слуга вельможъ, Корнелій
Торгуючъ подлостью, и съ дерзостнымъ челомъ
Отъ знатныхъ къ богачамъ ползутъ изъ дома въ домъ!

. . . . . .

Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,
Въ сатирѣ праведной порокъ изображу
И нравы сихъ вѣковъ потомству обнажу!...

А. Пушкинъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Въ Типографіи П. Степанова,
при Императорскомъ Театрѣ.
1832.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Іюля 27 дня, 1831 года.

Цензоръ и Кавалеръ *Иванъ Снегиревъ.*

ПИСЬМО КЪ ЖИВОПИСЦУ

ВЪ НОВЫЙ ГОДЪ

(1830-й).

ПИСЬМО КЪ ЖИВОПИСЦУ

ВЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

Честь имѣю поздравить васъ, почтенный господинъ Живописецъ, съ наступившимъ Новымъ годомъ, и не знаю: чего вамъ пожелать? Исправленія-ли слабостей и пороковъ людскихъ, или умноженія ихъ? Послѣднее было-бы не худо, для того, чтобы ваши статейки были тѣмъ болѣе занимательны и ѣдки. Но, съ удовольствіемъ читая ихъ, и понимая добрыя ваши намѣренія, я твердо увѣренъ, что вы скорѣе пожелаете совершенной безцвѣтности и скуки своимъ статейкамъ, нежели захотите улучшить ихъ на счетъ добрыхъ людей. Такъ, М. Г.! Шутя только сказалъ я вамъ, что не худо-бы для васъ пожелать умноженія мутной воды въ мірѣ общественномъ и лит-

перапуриомъ, дабы вашъ ловъ былъ удачнѣе. Къ горю нашему, хвастать нечѣмъ: и безъ всякой прибавки, какъ есть, не такъ-то еще свѣтло на бѣломъ свѣтѣ, чтобы Сапира могла отчаяваться въ находкѣ манерiяловъ, и еще много палитръ изведутъ добрые живописцы, пока ихъ картины придется писать одною бѣлою краскою.

Не подумайте, М. Г., чтобы въ день Новаго года вздумалъ я писать къ вамъ, для пожеланiя вамъ только добраго здоровья, и для привѣтствiя за ваши старейки. Нѣтъ! я имѣю въ предметѣ, къ нашимъ писаньямъ, портретамъ, или снимкамъ, какъ угодно — присовокупить мои кой-какiя замѣтки и совѣты.

Увѣренный, что вы трудитесь единственно для пользы людей, что пишете ваши картинатуры для того, чтобы возбуждая смѣхъ ими, заставлять совѣститься порока и слабости, думалъ я, и неоднократно, что-бы такое и мнѣ приложить къ вашему доброму писанью? Хочется мнѣ на старости извлечь изъ науки, ко-

торой посвятилъ я всю жизнь свою, пользу положительную. Наконецъ, долго думавъ, попалъ я, кажется, на приложеніе моей науки, весьма замѣчательное, на счастливую мысль, и препровождаю къ вамъ краткое начертаніе моей мысли. Для сего именно избралъ я *Новый годъ*, день, въ который многіе отдѣляютъ нѣсколько времени на размышленіе и обдумываніе прошедшаго и будущаго. Я осмѣливаюсь полагать, что мысль моя можетъ дать поводъ поразмыслить и пораздуматься, еслибы кому либо хотѣлось подумать, *да не о чемъ*. Не по слуху, а по точному изслѣдованію, М. Г., знаю я, что отъ сей важной причины многіе *ни о чемъ* не думаютъ. Подаримъ-же добрыхъ людей въ Новый годъ — не желаніемъ богатства, славы, знатности, исполненія прихотей и страстей разнородныхъ и разномодныхъ — подаримъ ихъ желаніемъ, чтобы они научились повѣрнѣе *считать*, начавши съ 1-го дня Января, и продолжая черезъ цѣлые 365 дней 1830-го года, а потомъ и далѣе, хоть 80, хоть 100 лѣтъ, чѣмъ больше, тѣмъ луч-

ние. Вотъ предметъ, достойный размышленія въ Новый годъ!

— Съ новостями выѣхалъ! закричатъ, можетъ быть, многіе. Учить насъ считать? За кого вы насъ принимаете? Кто вы сами таковы? Видно вы сами недавно еще не умѣли *трехъ перечесть*, и теперь кое-чего не досчитываетесь.

На всѣ сіи предполагаемыя мною, вопросы и восклицанія буду я отвѣчать, касательно себя немногими словами: я старый ученикъ Ариѳметики, и знаю ее твердо, слѣдственно, въ неумѣньи считать меня никто не упрекнетъ. Касательно-же моего желанія и добраго совѣта: *учиться считать*, то, право, не за что сердиться никому. Опытомъ долголѣтней жизни убѣдился я, что едва-ли не двѣ трети зла и худа происходитъ отъ того, что люди не *хотятъ* или не *умѣютъ* считать. О, считанье, считанье! О, счетъ, счетъ! Блаженъ, кто понимаетъ вашу важность! Будетъ такое время, что всѣ важнѣйшія истины приведутся въ числа, и тогда-то наступитъ

вѣкъ, не золота, а *цыфръ;* этотъ вѣкъ будетъ истинно-блаженный, и получше хваленаго *золотаго*, когда люди вовсе считать не умѣли....

Оставя мечты, обратимся къ существенности, оглянемся кругомъ, и пусть мои противники сообразятъ: не на счетѣ-ли основывается все на бѣломъ свѣтѣ? Собственно, что дѣлаютъ люди? Только считаютъ. Что дѣлаютъ: Министръ, канцельмейстеръ, канцоръ, купецъ, баринъ, богачъ и бѣднякъ, старикъ и юнота? Считаютъ безпрерывно.

Кто лучше умѣетъ считать, тотъ и правѣе, тотъ и лучше другихъ дѣлаетъ. И *безсчетныя* головы, и люди *съ недочетомъ* (недостаткомъ счета) и *перечетомъ* (излишкомъ счета, что опять худо) проигрываютъ, или, говоря собственно, *просчитываютъ*.

Не затрудняя себя счетомъ прихода съ расходомъ, иной живетъ безъ счета цѣлый годъ, цѣлый вѣкъ, и при концѣ года, или жизни — глядь: недосчитывается многаго, а кредиторы его насчитываютъ на немъ громаду долга. Не думаю, что-

бы нашелся такой сумасшедшій, который, высчитавъ вѣрно, когда онъ промотаетъ свою послѣднюю копѣйку, не вздумалъ-бы остановиться. Онъ не умѣетъ считать, или не хочетъ: беретъ изъ кучи, пока что нибудь въ ней есть еще.

Жены раззоряютъ своихъ мужей не отъ того-ли, что мужья не хотятъ считать съ ними своихъ доходовъ, или что женщинъ не учатъ Ариѳметикѣ? Онѣ часто останавливаются на *сложеніи; вычитаніи* вовсе не знаютъ, или употребляютъ его, когда дѣло идетъ о доходахъ; *умноженіе* прилагаютъ только къ расходамъ, а *дѣленія* не понимаютъ, пока добрый мужъ не умретъ, и не оставитъ имъ что нибудь дѣлить.

Научите ихъ наукѣ счисленія во всѣхъ отношеніяхъ: пусть онѣ считаютъ не однѣ петли на чулкахъ; потомъ занимайтесь съ ними почаще счисленіямъ, и лѣтъ, и доходовъ и расходовъ — увидите, сколь благія отъ сего произойдутъ слѣдствія.

Приложите науку счисленія къ жизни

нашей, и увѣрьтесь, что никакія наставленія не могутъ доказать намъ разительнѣе важнѣйшихъ истинъ человѣческой жизни. Напримѣръ: положимъ средній счетъ продолженія жизни — 60 *лѣтъ:* болѣе нельзя. Вычитайте послѣ сего:

Время, отъ дня рожденія до 10-ти лѣтъ, исключимъ изъ жизни, ибо живемъли мы въ это время? Остается 50.

Вычтемъ сонъ. Иной спитъ 18, другой 6, положимъ среднее число, 8 часовъ въ сутки; треть изъ $50 = 16\frac{2}{3}$, положимъ круглое число 17, остается 33. Вычтемъ на обѣдъ и ужинъ, на время, когда мы голодны, когда мы сыты (и въ томъ и другомъ случаѣ, мы едва-ли живемъ) по 6 часовъ въ день, ровно $\frac{1}{4}$ дня и жизни — остается $20\frac{1}{2}$. На проѣзды, переходы, приходы, выходы, по 3 часа въ день: остается $14\frac{1}{4}$.

Дальнѣйшіе вычеты:

На болѣзни свои и чужія. 5

На досады, печали и огорченія, свои и чужія. 5

На смѣхъ. 1

На глупости, хотя по часу въ день,

но для круглаго счета уменьшимъ, и положимъ. 2

Остается $1\frac{1}{7}$ года изъ 60 лѣтъ. — Куда прикажете ихъ прикинуть? Кого не заставитъ подумать такой разсчетъ? Кого не принудитъ онъ дорожить жизнью? Могутъ оспоривать приложенный мною вычетъ; но, повѣрьте, что какъ-бы ни складывали — разсчетъ невеселящій все таки останется въ книгѣ. Запасы для вычетовъ ужасны. Что если придется вычитать на карты, на ссоры, на балы, на визиты, или прибавить къ болѣзнямъ, къ сну, печалямъ?

Но поблагодаримъ Провидѣніе, и узнаемъ всю пользу счисленія въ разсчетахъ противоположныхъ. Если хоть часъ въ день мы посвятимъ добрымъ дѣламъ, часъ въ день семейственнымъ наслажденіямъ, часъ въ день молитвѣ, по десяти минутъ станемъ отнимать у теряемыхъ нами дней, по минутѣ у часа — какіе огромные счеты выходятъ! Годы цѣлые будутъ у насъ посвящены истинной жизни человѣка. Рѣшеніе запроса: что такое разумѣю я подъ этою жизнью, можетъ состо-

вишь большое метафизическое разсужденіе; но я разрѣшаю сей вопросъ для себя очень легко: жить человѣчески, значитъ для меня то время, въ которое мы удаляемся отъ физической стороны, и когда душа берегъ перевѣсъ надъ тѣломъ.

Почитывайте въ день по страничкѣ, и въ годъ вы прочитаете большой томъ; удѣляйте бѣдному по копѣйкѣ отъ рубля, и вы передадите черезъ руки бѣдныхъ, для будущей жизни, капиталъ, въ нѣсколько тысячъ рублей, на который проценты щедро будутъ вамъ выданы. Считайте, ММ. ГГ., дорожите счетомъ, и вы увидите, сколько принесетъ вамъ это добра!

Множество словъ, которыхъ изъяснить невозможно, изъясняются единственно счетомъ.

Дорого, дешево: вотъ слова странныя! Не слушайте, если станутъ вамъ хвалить *дешевизну* чего-либо, а сосчитайте, какъ по вашему карману оно приходится; не вѣрьте, если станутъ говорить, что вы *дорого* дали, и — укажите на разсчетъ вашего кармана.

Я не кончилъ-бы, господинъ Животи-

сецъ, если-бы сталъ приводить вамъ всѣ практическія доказательства выгоды, необходимости считать. Гдѣ не полезенъ счетъ? Кстати, на примѣръ: хотите-ли узнать честность судьи! Сведите у него приходъ съ расходомъ, и—честность его выйдетъ на свѣжую воду.

Пора мнѣ, какъ хорошему счетчику, вспомнить, что понимающимъ дѣло не надобно говорить много, а не желающихъ понимать нельзя убѣдить количествомъ словъ. Желая вамъ, Г-нъ Живописецъ, насчитать въ грядущемъ году болѣе счастья и радости, нежели несчастья и горя, честь имѣю быть,

ВАШЪ ПОКОРНЫЙ СЛУГА,

Остапонтъ Рожковъ.

ПИСЬМО

КЪ

ЖИВОПИСЦУ

ОТЪ Г-НА ТИМОѲЕИЧА, И ОТВѢТЪ ЖИВОПИСЦА НА ПИСЬМО Г-НА ТИМОѲЕИЧА.

ПИСЬМО КЪ ЖИВОПИСЦУ ОТЪ Г-НА ТИМОѲЕИЧА.

Милостивый Государь, высокопочтенный господинъ Живописецъ!

Заблагоразсудилось вамъ, государю моему, послѣдовать примѣру вашего дѣдушки (вѣчная ему память!), и, подобно обвеншалому, и нынѣ, за давностью лѣтъ, мало чтимому и читаемому остроумнику семидесятыхъ годовъ, забавлять и научать поколѣніе, къ XIX столѣтію принадлежащее; о каковомъ намѣреніи вашемъ, весьма красивымъ и четкимъ шрифтомъ, на 104-й стр. 13-й книжки Московскагѳ Телеграфа, за подписью вашею: *Живописецъ*, и подъ виньеткою, хромоногаго бѣса изображающею, напечатано, свѣдѣнія ради всей читающей публики и, вѣроятно, съ намѣреніемъ устраститъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся, ими-же преизобилуетъ міръ нравственный, едва-ли не болѣе физическаго. — Сицевое ваше, го-

сударь мой Живописецъ, предпріятіе, не токмо великія хвалы достойно, но и благодарность вамъ заслуживаетъ отъ современниковъ, ибо дознано, что искусная и тѣнкая сатира иглами своими уязвляетъ тѣ чувствительныя мѣста пороковъ, предразсудковъ и злоупотребленій, кои отъ самыхъ перуновъ громовержцевъ и отъ меча правосудія, съ помощію гибкости своей, укрываются. Но успѣшно-ли будетъ сіе ваше намѣреніе? И дѣйствительно-ли вы достаточное искусство имѣете, для изощренія новаго оружія, вами избраннаго? Сіе подлежитъ сомнѣнію и тщательному разсмотрѣнію.

Все сіе не краткое вступленіе къ рѣчи моей, слогомъ нѣсколько устарѣвшимъ писанное, да не устрашитъ васъ, и паче да возбудитъ вашу аттенцію, нижеписанныхъ ради причинъ. Я былъ во дни оны превесьма въ большой дружбѣ съ покойнымъ дѣдушкою вашимъ, Живописцемъ, коего произведенія въ типографіи Г. Новикова тисненію преданы были. По толикой пріязни съ достославнымъ предшественникомъ вашимъ, имѣлъ я вѣр-

нѣйшую окказію узнать весь секретъ его наблюденій. Но не мало вы подивитесь, когда узнаете, что оный состоялъ въ Россійской поговоркѣ: *дѣло мастера боится!* Вѣдомо намъ старожиламъ, что повсемѣстно распространяющееся просвѣщеніе влечетъ за собою такую увѣренность, что люди, кои въ наше время съ указкою сиживали и, за неумѣнье чиненія, по пальцамъ безщадно битты бывали — нынѣ мнятъ быти зѣло свѣдущими и даромъ наблюденія преисполненными. Не включая васъ въ такое число превозносящихся, дерзаю вопросить васъ, государь мой, господинъ Живописецъ! въ полномъ-ли смыслѣ одарены вы тѣмъ *остроуміемъ*, которое управляло перомъ незабвеннаго и хвалы достойнаго вашего дѣда? И не слишкомъ-ли великому риску вы подвергаетесь, полагая, что выше писанная способность пріобрѣтается посредствомъ чиненія, или тщательнаго изученія чужихъ сочиненій? Признаете-ли вы ту оспориванію неподлежащую, истину, что остроуміе даръ природы есть, подобный лѣпотѣ нашего бреннаго тѣла, и

ни въ какихъ прикрасахъ ниже малѣйшія нужды не имѣетъ?

Не безызвѣстно мнѣ, что нѣкто, превесьма ученый мужъ настоящаго времени, задумалъ составлять словы или синонимы языка Россійскаго, и въ образецъ таковыхъ постыдныхъ трудовъ и изысканій своихъ, представилъ на судъ публикѣ слова: *острота* и *остроуміе*. И сльпописывующій можетъ узрѣть, что *острота*, какъ физическое свойство тѣлъ, не можетъ быть словомъ или синонимомъ съ *остроуміемъ*. Будучи-же принято въ отношеніи къ уму, являетъ въ себѣ не синонимъ, а токмо корень другаго мнимаго слова, ибо *остроуміе* есть сокращенное выраженіе: острота ума. Ergo, синонимами сіи два рѣченія именоваться не могутъ.—Взирая на сицевыя мои мудрствованія, столь удачныя и хвалы достойныя, дозволительно мнѣ, яко знатоку истиннаго остроумія, имъ-же преобладалъ хвалы достойный дѣдъ вашъ, усомниться въ вашихъ способностяхъ, и, прежде нежели вы къ многотрудному подвигу приступите, услужить вамъ нѣкими урока-

ми и назиданіями, сопровождаемыми ревностнѣйшимъ желаніемъ, да послужатъ оные вамъ въ пользу.

Сѣдина есть мудрость, гласитъ пословица; а я провозглашу: старина есть источникъ мудрости. Сколь многіе примѣры видимъ мы тому, что убогія достоянія, стяжанныя трудами предковъ, были ключами къ богатству ихъ потомковъ. Правда, нынѣ сіе подлежитъ измѣненію, и богатства предковъ бываютъ причиною раззоренія и нищеты потомковъ; но не о семъ рѣчь идетъ. Новомодные кощуны не рѣдко издѣваются надъ обычаями отцовъ своихъ, и думаютъ, что вся опытность, ими пріобрѣтенная, не годится для новѣйшаго поколѣнія. О, заблужденіе!... Но вѣроятно вы, господинъ Живописецъ, къ числу таковыхъ не принадлежите и вѣдаете, что опытность старинныхъ уподобляется иждивенію, или капиталу, въ тотъ лица пріобрѣтенному, и могущему принести обильную лихву умѣющему онымъ воспользоваться. Сего ради, предлагаю вамъ небольшую частицу капитала моихъ наблюденій на

сченъ остроумія, мною онъ достопочтеннаго дѣда вашего заимствованнаго.

Зѣло ошибаются тѣ, кои мнятъ, что остроумное должно быть изыскано и изобрѣтено. Не рѣдко случается, что сатиры, Ювеналовыхъ жесточайшія, и эпиграммы, всѣхъ Парижскихъ остроумниковъ злѣйшія, раждаются безъ всякаго усилія ума. Сему единый примѣръ могу вамъ, господинъ Живописецъ, представить. Въ старые годы Россійскій Осиръ имѣлъ не менѣе любителей, какъ и нынѣ, а можетъ быть, и болѣе. Единый изъ таковыхъ самозванцевъ-знатоковъ возмнилъ быти непогрѣшительнымъ судьею сценическаго искусства, и не мало досаждалъ лицедѣямъ своими выходками неосновательными и неразумными, за что и былъ уподчиванъ эпиграммою единаго изъ нихъ:

«Любитель Русскаго Осиара не знатокъ,
Немного въ немъ ума, хоть ростомъ и высокъ,
и проч.

Надлежитъ вѣдать, что упомянутый самозванецъ-знатокъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, кои, по пословицѣ, *велики выросли, да мало вынесли*. Сей-то самый

Осаиара любитель, печатная свои велемудрыя сужденія въ еженедѣльномъ того вѣка изданіи, навлекъ на себя негодованіе другаго посѣтителя храма Таліи, и былъ имъ угощенъ зѣло жестокимъ возраженіемъ. О! какое бѣснованіе воспослѣдовало! Самозванецъ-знатокъ не замедлилъ отвѣтомъ, толико-же тяжелымъ, какъ и собственная его тучная корпуленція.—Лицедѣи, знать желая, какіе плоды принесетъ сія новая выходка ихъ грознаго судіи, собрались у одного изъ своихъ собратовъ и, во ожиданіи книжицы, по старинному обычаю занялись поставленною на закуску, домашней работы, ветчиною. И вотъ появилась книжица! И хозяинъ долгомъ себѣ поставилъ потчивать гостей чтеніемъ пресловутой статьи, и всѣ внимательно слушали его, за исключеніемъ одного, кой болѣзную аттитюдію обратилъ на завтракъ. По прочтеніи, хозяинъ вопросилъ сидящаго и исправно кушающаго: Что, какова? — »Хороша,« отвѣчалъ сей, мня, что дѣло идетъ не о статьѣ, а о ветчинѣ. »Только мало въ ней соли, и отзывается свининою!«

Въ исторической вѣрности сего анекдота, вамъ, Государь мой, достопочтенный Живописецъ, ручаюсь. А изъ сего моего описанія можете вы заключить, что остроуміе безъ приготовленія нерѣдко удачнѣе бываетъ самыхъ обдуманныхъ выходокъ. Желая вамъ симъ первымъ урокомъ воспользоваться, готовъ продолжать мою объ остроуміи трактацію, всегда историческими фактами подкрѣпляемую. Да послужитъ оная въ назиданіе вамъ и потомству. — Пребыть честь имѣю, вамъ,

Господинъ Живописецъ,

всепокорнѣйшій слуга,

Тимоѳеичъ.

ОТВѢТЪ ЖИВОПИСЦА Г-НУ ТИМОѲЕИЧУ.

На грамату вашу, съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшу вамъ, почтеннѣйшій Господинъ Тимоѳеичъ, отвѣтствовать. Знакомецъ дѣдушки моего (вѣчная ему память!) всегда будетъ для меня, свято чтущаго старцевъ, уваженіе заслуживающихъ, предметомъ особеннаго почтенія. Тѣмъ болѣе не могу не отвѣчать вамъ, что мысли, вами изложенныя, требуютъ небольшаго изъясненія, которое дѣлается для меня необходимымъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Вопросъ *о необходимости остроумія*, и о томъ, *имѣю-ли я его* въ достаточномъ количествѣ, довольно важенъ. На немъ основано, говорятъ добрые люди, достоинство внучка, коего дѣдушка столь пресловутно гремѣлъ, полстолѣтіе тому, въ нашей матушкѣ Россіи. Знаете-ли, что я съ этимъ несогласенъ?

Вѣроятно, господа мои судьи, и, позвольте прибавить — вы сами, почтенѣйшій Господинъ Тимоѳеичъ, не читали письма моего къ Изданелю Телеграфа, которымъ я началъ, въ которомъ означилъ все, что предполагаю дѣлать. Загляните въ № 13-й Телеграфа, стр. 104-109, и вы увидите, что по предположенной мною цѣли, мнѣ не надобно ни остроумія, ни высокоумія. Я не предполагаю писать философскихъ *статей о правахъ*, не хочу быть Русскимъ Жуи; нѣтъ: *я Живописецъ*, и это названіе показываетъ, что я не вымышляю, но списываю, не выдумываю, но беру съ натуры. Мое остроуміе въ запасѣ глупостей, нелѣпостей общества и лицемѣрности; моя философія въ житейскомъ быту; моя цѣль—показывать пороку и глупости простое зеркало, въ которое видѣли-бы они уродливыя свои хари.

Не остроумія пожелайте мнѣ, почтенѣйшій Господинъ Тимоѳеичъ, но твердости духа, смѣлости, которыя дали-бы мнѣ средства срывать съ порока и невѣжества ихъ размалеванныя маски, и не страшились вопля, крика и писка малѣ-

тыхъ моею кистью уродовъ. Это дѣло нелегкое, почтеннѣйшій Г-нъ Тимоѳеичъ! Скажу вамъ старинную сказочку.

Въ одномъ чуланѣ развелись мыши; хозяинъ впустилъ кота, и опустошеніе, произведенное котомъ, ужаснуло подпольныхъ обитателей. Собрался мышиный совѣтъ; судили, рядили, спорили; наконецъ одна мышь предложила: навязать на шею кота колокольчикъ. «Онъ будетъ звенѣть,« сказала мышь, »и каждая изъ насъ, издалека слыша приближеніе кота, спасется отъ когтей его.« — Прекрасно, вскричали мыши; — но кто навяжетъ колокольчикъ? — Всѣ, всѣ и въ сторону! «Ты, которая предлагаешь такой прекрасный совѣтъ, исполни его, навяжи сама колокольчикъ.» Мышь-совѣтница поглядѣла туда, сюда, и — отказалась. Почему? *Лапка дрожитъ!* отвѣчала она смиренно.

Такъ и мнѣ. Надобно кошу-пороку навязать колокольчикъ на шею. Лапка у меня не дрожитъ; но, если вы соглашаетесь въ пользѣ моихъ стратегемъ, то помолитесь богинѣ истины, почтенный-

ній Господинъ Тимоѳеичъ, чтобы котъ не откусилъ у меня лапки.

Дѣло въ томъ, что всякому Жуи предоставлено пространное поле писать свои сатиры о нравахъ; но съ условіемъ, чтобы онъ нападалъ на пристрастіе къ Французскому языку, брюзгливость старыхъ дѣвушекъ, и учителей приходской школы, охоту ѣздить въ магазины на Кузнецкій мостъ и Невскій Проспектъ, молодыхъ франтиковъ, новыхъ охотниковъ—и все это приправлялъ нравственными посылками, Подобная, *классическая*, сатира никого не оскорбляетъ; но *романтическая*, если позволено такъ сказать, сатира, гдѣ будетъ эпиграфомъ:

Могущему пороку брань,
Безсильному — презрѣнье;

гдѣ смѣло высказываютъ истину глупости вельможи, безсмыслію судьи, развращу и низости знатнаго фиглярства, гордости профессора и невѣжеству Академика, украшенныхъ титуломъ Превосходительства, поэтамъ, которыхъ друзья прокричали великими — о! такая сатира много найдетъ противниковъ, и только

смѣлая надежда, что мудрое Правительство умѣетъ цѣнить доброе намѣреніе, умѣетъ отличать голосъ правды среди вопля задѣтыхъ невѣждъ и дураковъ, только эта надежда можетъ ободрить смѣлыхъ живописцевъ. Иначе.... у кого не задрожитъ лапка?

Вы скажете, что правило: *знатность, богатство, чины не всегда порукою за умъ и добродѣтель*, что это правило есть истина извѣстная; что никто не узнаетъ себя въ портретахъ, выставленныхъ на осмѣяніе народное; слѣдственно, никто не вправѣ жаловаться, ибо жалоба обличитъ сознаніе; что сатира общая не есть личность, когда притомъ сокрыты всѣ признаки лицъ, и только остается безобразіе, съ своимъ лицомъ безъ образа.

Все это такъ; но изъ многихъ головъ не выбьетъ закоренѣлой мысли, что чины, знатный родъ и богатство даютъ право избѣгать сатиры. Дурачится старикъ, дурачится и юноша; подличаетъ мѣщанинъ, подличаетъ и Статскій Совѣтникъ; воруетъ подъячій, воруетъ и Предсѣдатель....

*

Не все-ли равно? Изъ всѣхъ этихъ людей начнише уличать юношу, мѣщанина, подьячаго: въ добрый часъ! Начнише уличать старика, Сенатскаго Совѣтника, и Предсѣдателя... Боже милостивый! Люди и заговорятъ: »Да какъ, да что это! Какъ »задѣвать почтеннаго старца, знатнаго »чиновника, Сенатскаго Совѣтника, какъ »уличать ихъ! И *кто* уличаетъ, и *что* »такое?... Нѣтъ, *ужъ лучше этимъ писателямъ воли давать.*»

Замѣчаете-ли, почтеннѣйшій Г-нъ Тимоѳеитъ, смыслъ послѣднихъ словъ? Этотъ смыслъ, гибельный для просвѣщенія, всегда употребляемый невѣждами для устрашенія другихъ, для изображенія писателей людьми опасными, есть ужасное орудіе людей глупыхъ и порочныхъ. Бичъ сатиры, хлещущій пороки, они изображаютъ орудіемъ безначалія, безвѣрія; стрѣлу критики, пущенную въ невѣжество, они представляютъ нарушеніемъ всѣхъ правъ и обязанностей общественныхъ.

Казалось-бы, что весьма легко отличить злоупотребленіе Литературы отъ употребленія, позволяемаго законами и

полезнаго; но невѣжество умѣетъ сдѣлать вопросъ объ этомъ затруднительнымъ. Какъ Христіанской Религіи приписывали всѣ злодѣйства Испанцевъ въ Америкѣ, Варѳоломеевскую ночь и Тридцатилѣтнюю войну, такъ и писателямъ приписываютъ всѣ ужасы безвѣрія и безначалія. Нелѣпость явная! Но не будь на тронѣ Государя мудраго, не будь тронъ его окруженъ вельможами опытными и благоразумными, не будь Правительство отцомъ своихъ подданныхъ, желающимъ только добра и блага, и презирающимъ стремленія невѣжества и оскорбленнаго честолюбія.... можетъ-ли тогда голосъ писателя возвыситься изъ мрака, и не быть задушенъ толпою невѣждъ, бѣшеныхъ и разъяренныхъ? —

Слава Богу! Смѣлость писателя, громко говорящаго истину, у насъ на святой Руси, безопасна: голосъ его слышитъ Монархъ, сидящій на престолѣ величія, гдѣ никакія мѣлкія страсти не возмущаютъ его души великой. Одно разсматриваетъ умъ его свѣтлый и обширный: полезно-ли то, что говорятъ въ

его царствѣ писатели, смѣлые, вѣрные цѣли своей: быть полезными?

Мнѣ пришелъ на память Арабскій апологъ, и я скажу его вамъ, ибо онъ здѣсь кстати.

Съ смущеннымъ и насмурнымъ лицомъ приблизился однажды къ трону Халифа Аль-Мамума Визирь его. »Государь!« воскликнулъ онъ, »прикажи умолкнуть дерзкимъ, проклятымъ писателямъ Багдада: они вышли изъ всѣхъ предѣловъ.—Какъ? спросилъ Халифъ; что они дѣлаютъ? — »Они пишутъ обо всемъ, бранятъ, порицаютъ, ничего не хвалятъ, возмущаютъ народъ, тревожатъ умы.«—Это слишкомъ много—отвѣчалъ Халифъ—но я требую доказательствъ. Мнѣ кажется, что они радуются моимъ правленіемъ, прославляютъ мои побѣды, говорятъ съ истиннымъ умиленіемъ о благости моихъ законовъ; изъясняютъ мои намѣренія, ко благу подданныхъ стремящіяся; стараются учить добродѣтели, поддерживать вѣру, поучать ближнихъ свѣтомъ познаній. — »Все это такъ, Государь! Но они въ то-же время нападаютъ на твоихъ судей: уличаютъ ихъ въ порокѣ, лѣности,

ябедничествѣ, неправосудіи, и хоть никого не называютъ по имени, но такъ вѣрно обрисовываютъ, что теперь, на примѣръ, весь Багдадъ смѣется надъ Эмиромъ Мустафою, Муфтіемъ Абдаллою и Ичогланомъ Ибрагимомъ, которыхъ какой-то писака изобразилъ какъ живыхъ. Вели ихъ судить, но смѣяться надъ ними запрети.« —Зачѣмъже Мустафа, Абдалла и Ибрагимъ даютъ поводъ списывать съ себя смѣшные портреты? — »Такъ, Государь; но этого мало. Писатели твои смѣются надъ щегольствомъ, роскошью, прихотями знатнѣйшимъ вельможъ твоихъ.» — Пусть исправятся тѣ, которые чувствуютъ себя виноватыми. — »Государь! они.... они *даже и меня* изобразили въ своихъ сатирахъ, представили меня дремлющимъ надъ бумагами, лѣнивымъ въ Диванѣ, дѣятельнымъ въ гаремѣ — меня, столпъ твоего правосудія!» — Аль-Мамумъ задумался. »Не уже-ли они тебя назвали по имени?« спросилъ онъ.— Нѣтъ, Государь! — отвѣчалъ Визирь.—Они описали меня подъ именемъ какого-то Индійскаго Визиря. — »Отъ чего« спросилъ Аль-Мамумъ, »они

не описываютъ судью Гуссейна и полководца моего, Абдуль-Хамида? « — Не знаю, Государь! видно нечего описывать: Гуссейнъ всегда хлопоченъ въ судѣ, а Абдуль-Хамидъ вѣчно занятъ въ станѣ воинскомъ. — « Онъ чего-же узналъ ты себя, Визирь, въ портретѣ Визиря Индійскаго?» Онъ того, Государь, онъ того.... что....— Тутъ онъ остановился и не умѣлъ докончить рѣчи. Халифъ улыбнулся, и сказалъ ему: » Довольно; я понимаю, и вижу, что писатели Багдадскіе *для тебя и тебѣ подобныхъ* точно опасные люди, но право не они въ этомъ виноваты.«

Извините, почтеннѣйшій Г-нъ Тимофеичъ, что я обременилъ васъ моимъ длиннымъ отвѣтомъ. Желаю вамъ долгоденствовать и благоденствовать.

Живописецъ.

ЭТОМУ, СУДАРЬ,

ВЫ НАУЧИТЕСЬ

ПОСЛѢ!

(Разговоръ ученика съ учителемъ.)

ЭТОМУ, СУДАРЬ, ВЫ НАУЧИТЕСЬ ПОСЛѢ!

Ванюша, *мальчикъ двѣнадцати лѣтъ, сынъ Луки Ефремовича Пустякова, сидитъ за учебнымъ столомъ.* Викулъ Юрьевичъ Долгоуховъ, *учитель его, сидитъ подлѣ учебнаго стола.*

Долгоуховъ. Ну, сударь, Иванъ, Лукичъ, и такъ продолжимъ-те! Хмъ! *Реппа, реппае, реппае....*

Ванюша. (*зѣваетъ*) Трала, лалла!...

Долгоуховъ. Ну, сударь! *реппат, реппа, реппагит....* Да, что-же это такое, сударь, Иванъ Лукичъ, вы не изволите слушать?

В. Да, помилуйте, что мнѣ тутъ слушать? Я сто разъ уже слышалъ и повторялъ вамъ.

Д. Repetitio est mater studiorum, т. е., сударь: *повтореніе есть мать ученія.*

В. Стало быть, папенькинъ попугай есть самый ученый человѣкъ: онъ уже три года безпрестанно повторяетъ одно и то-же.

Д. Какъ-же, сударь, можете вы равнять попугая съ собою? Онъ животное, а вы человѣкъ!

В. Не сами-ли вы сказывали мнѣ, что какой-то мудрецъ называлъ человѣка двуногимъ животнымъ, безъ перьевъ?

Д. Это, сударь, была ошибка его.

В. А кто-же увѣритъ меня, что и вы не ошибаетесь?

Д. Хотя извѣстно мудрое правило: *ошибки суть свойственны человѣку*, но, что я не ошибаюсь, свидѣтелемъ столько вѣковъ и столько поколѣній.

В. Вы сами сказывали, что этимъ-же самымъ оспоривали мнѣніе человѣка, открывшаго Новый Свѣтъ?

Д. Да,... то.... то Новый Свѣтъ, а то....

В. А то Латинскія склоненія? Какъ вамъ не стыдно ставить мнѣ въ примѣръ такую добродѣтель, въ которой попугай меня превосходитъ?

Д. И попугая не худо превзойдти въ хорошемъ, и попугаю не худо подражать въ добромъ.

В. Добраго-то я не вижу! Вы сказывали мнѣ, что мудрое самое правило: *познай* самаго *себя?*

Д. Точно такъ!

В. Чтобы познать себя, прежде всего надобно спросить: *для чего* я это дѣлаю? Спрашиваю такимъ образомъ, и не понимаю, за чѣмъ мучите вы меня надъ Латынью?

Д. О, сударь, наслажденіе величайшее читать писателей Латинскихъ!

В. Да развѣ нѣтъ хорошихъ переводовъ ихъ на Русскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ языкахъ?

Д. Есть превосходнѣйшія: Квинтъ-Курцій переведенъ Г-мъ Крашенинниковымъ, Саллюстій Г-мъ Озерецковскимъ, Энеида, Г-мъ Петровымъ; Буколики....

В. И такъ далѣе, и такъ далѣе.... Слѣдовательно, переводы есть; давайте-же мнѣ ихъ—за чѣмъ мучите вы меня Латынью?

Д. О! вы не понимаете сладости читать по Латинѣ!

В. Вы говорили мнѣ, что совершенное знаніе Латини требуетъ цѣлой жизни; что понимать автора труднаго и за тѣмъ нельзя; что какого-то Историка вы и сами донынѣ не понимаете....

Д. Тацита, Тацита! Но на нихъ написаны горы поясненій. Есть изданія, гдѣ двѣ трети занимаютъ поясненія, а треть самый текстъ, и всѣ поясненія на Латинскомъ....

В. А помните, когда вамъ Профессоръ Соломоновъ доказалъ, что теперь въ цѣломъ свѣтѣ едва-ли трое умѣютъ писать по Латинѣ, и что во всѣхъ вѣкахъ едва-ли найдется десятокъ людей, которые писали хорошо? Такъ это-то наслажденіе чтеніемъ по Латинѣ? Спасибо!

Д. Но вамъ должно учиться....

В. Объясните—почему, и я стану учиться. Между тѣмъ, я еще не знаю Русской Грамматики, *Французскій языкъ говорю* по навыку отъ дядьки. А говорятъ и пишутъ всѣ, либо по Русски, либо по Французски....

Д. Этому, сударь, вы научитесь послѣ!

В. Покорно благодарю! (*молчаніе*) Скажите мнѣ еще, Викулъ Юрьевичъ, почему вы набиваете мнѣ въ голову, что надобно учиться, надобно просвѣщаться, надобно знать Исторію и Географію?

Д. Чтобы заслужить отъ людей почтеніе и уваженіе, быть полезнымъ....

В. А кто былъ полезенъ, тому даютъ и награжденіе?

Д. Разумѣется! Того любятъ и хвалятъ.

В. Какъ-же это на трехъ дѣтскихъ балахъ этою зимою, когда собрались дамы и множество людей, папенька сталъ со мною говорить о наукахъ, и другіе вмѣшались. Я и трое товарищей славно отвѣчали на всѣ вопросы, а гости зѣвали, дамы говорили, *что за педантство, ученые мальчишки!* Начались танцы: я и товарищи мои, всѣ плохо танцовали, а тѣ, которые отвѣчали плохо, танцовали славно, и ихъ всѣ ласкали, имъ давали конфектовъ, и когда Петруша Фалелеевъ плясалъ гавотъ, всѣ кричали отъ восторга, обнимали его....

Д. Ну, можно-ли одобреніе такого общества почесть чѣмъ нибудь важнымъ!

В. Какъ *такого* общества? Да это было лучшее общество! Папенька не могъ нарадоваться, что тамъ было три Графини, двѣ Княгини, два Генерала....

Д. Оно такъ, но.... (*тихо*) Проклятый мальчишка! Вотъ всегда онъ мучитъ меня такимъ образомъ!

В. Я видаю у папеньки много людей. И знаете-ли что? Всѣ, которыхъ уважаютъ папенька и маменька, совсѣмъ не учились, знаютъ плохо Исторію и Географію, а у нихъ есть чины и звѣзды; всѣ, которымъ говорятъ: *ты*, которые ходятъ въ худыхъ фрачишкахъ, сидятъ въ уголку — я самъ съ ними говорилъ — знаютъ много, очень много!

Д. Ну, этому, сударь, этому вы научитесь послѣ!

В. Помилуйте, Викулъ Юрьевичъ, я вамъ пересказу вѣрить! Вотъ вы мнѣ говорили, что никогда лгать не надобно, а я самъ слышу, какъ весь разговоръ состоитъ у папенькиныхъ гостей въ томъ, что они лгутъ. Дѣвушкамъ лгутъ, что онѣ прекра-

сны, играютъ на фортепіано и танцуютъ превосходно, дѣвушки лгутъ другъ другу, старички старушкамъ, старушки старичкамъ....

Д. Почему вы знаете, что всѣ они лгутъ?

В. Какъ-же? Отвернутся другъ отъ друга и смѣются другъ надъ другомъ; а когда кто нибудь уѣдетъ, такъ послушайте, что говорятъ остальные: все не то, что говорили при немъ!

Д. Но, будто за то ихъ и хвалятъ!

В. Вотъ еще хорошо! Вчера цѣлый вечеръ просидѣлъ у папеньки Пузырьковъ, лгалъ безъ милости, всѣ хохотали, и когда онъ уѣхалъ, всѣ говорили, что это прелюбезный молодой человѣкъ, что умъ у него блестящій....

Д. Хмъ! Ну, сударь, вы научитесь этому послѣ!

В. Вы еще не велите мнѣ кривляться, косить глаза, горбиться, класть локти на столъ?

Д. О! это неучтиво, неблагопристойно!

В. А почему-же всѣ тѣ, которыхъ на-

зываютъ ловкими, кривляютъ ноги и глаза, облокачиваются на столы, путаются въ танцахъ, едва таскаютъ ноги? Это все я самъ видѣлъ.

Д. Вѣрно они не знаютъ правилъ учтивости.

В. Стало быть *учтивость* и *ловкость* два дѣла разныя? А! теперь я понимаю, почему Прыгунова называютъ: *милый неучтивецъ*, а васъ.... а васъ.... Ха! ха! ха

Д. А меня? Продолжайте!

В. А васъ — *учтивою статуею!*

Д. Меня? Меня статуею? (*успокоившись*) Зачѣмъ-же вы открываете тайны другихъ, сударь?

В. Это совсѣмъ не тайна: это было было сказано при двадцати человѣкахъ, и никто не говорилъ, чтобы этого не сказывать другимъ.

Д. Будьте всегда откровенны.... (*тихо*) Статуею!

В. Нѣтъ, покорно благодарю! Я ужъ стоялъ въ углу за то, что сказалъ правду одной дѣвушкѣ, которую всѣ увѣряли, что она хороша, когда она обернулась ко

мнѣ и спросила: »Ну, скажи, мой другъ, хороша-ли я?«

Д. Что-жъ вы сказали?

В. Что она ряба, коса, и неловко кривляетъ глазами. Она повела глазами самымъ смѣшнымъ образомъ, а меня увела маменька, и поставила въ уголъ.

Д. И дѣльно! Не болтайте!

В. А не сами-ли вы велите говорить правду? Развѣ правда не всегда бываетъ правдою, и есть различіе въ словахъ, смотря потому, кому говоришь?

Д. Ну, этому, сударь, вы научитесь послѣ!

В. Вотъ вы каковы, Викулъ Юрьевичъ! Я право вѣрить вамъ перестану! Мало-ли вы мнѣ говорили о книгахъ, глобусахъ, карандашахъ, циркуляхъ, что это драгоцѣнности; а когда хотятъ меня наградить, то даютъ мнѣ конфекты, куколъ, лошадокъ. Еслибы они не были драгоцѣннѣе вашихъ книгъ и глобусовъ для чего-бы *награждать* меня ими?

Д. Надобно различать полезное отъ пріятнаго.

В. Для чего-же полезное не пріятно, а пріятное не полезно?

Д. Это, сударь, потому, что пріятное пріятно....

В. А полезное полезно? Да едва-ли пріятное всегда пріятно. Сестры мои радехоньки ѣхать на балъ, и дня за три онѣ хлопочутъ, бѣгаютъ, сердятся; папенька хмурится, маменька бранится; пріѣдутъ сестры съ бала, и на другой день бываютъ такія худыя, блѣдныя; почти всегда пріѣзжаетъ послѣ того Докторъ, и папенька опять хмурится, а маменька бранится.

Д. Это.... хмъ!...

В. Викулъ Юрьевичъ! Начните учить меня играть въ карты!

Д. Какъ въ карты?

В. Да я вижу, что взрослые половину жизни проводятъ за картами — стало быть, это дѣло важное.

Д. Это, сударь, забава, а не дѣло.

В. Стало быть, люди болѣе забавляются, нежели дѣло дѣлаютъ? Для чего-же вы мучите меня надъ тѣмъ, что

всего менѣе должно занимать меня потомъ?

Д. Да, что вамъ вздумалось говорить такіе пустяки? Умный долженъ заниматься важными разговорами, поучительными....

В. Вотъ! Не уже-ли у папеньки все собираются дураки, потому, что говорятъ только о забавномъ, о смѣшномъ, о собакахъ, лошадяхъ, о балахъ, о картахъ; а если зайдетъ разговоръ о томъ, что вы называете *важнымъ*, то всѣ зѣваютъ, молчатъ, уходятъ?

Д. Я, сударь, вашъ учитель, а не разскащикъ.

В. Стало быть, послѣ васъ будетъ у меня еще учитель особый, называемый разскащикомъ?...

Д. Этому, сударь, вы научитесь послѣ!

В. Когда-же *послѣ?*

Д. Извольте твердить свой урокъ.... Хмъ! Penna, въ родительномъ pennae....

В. Да скажите-жъ мнѣ. ..

Д. Что я вамъ скажу? Будете въ свѣ-

тѣ, будете взрослымъ, тогда научитесь....

В. Не стану-же я вамъ вѣрить послѣ этаго.... Ну, Викулъ Юрьевичъ, именительный penna, родительный pennae — (*тихо*) Ахъ, Боже мой! Для чего мучать меня теперь, и когда придетъ время, въ которое учатся совсѣмъ другому!

СУМАСШЕДШІЕ

И НЕ

СУМАСШЕДШІЕ.

СУМАСШЕДШІЕ и НЕ-СУМАСШЕДШІЕ.

Только тогда зрѣлище несчастія мучительно, когда видимъ, что человѣкъ *чувствуетъ* свое несчастіе, или падаетъ подъ бременемъ его. Но если усматриваемъ, что напротивъ, онъ не понимаетъ своего бѣдствія, или находитъ силы и средства мужественно переносить его, то несчастіе человѣческое не давитъ, не раздираетъ нашего сердца. Въ первомъ случаѣ, какъ часто величайшее несчастіе можно промѣнять на большое счастіе! Безчувственная улыбка человѣка слабоумнаго — едва-ли не легче горестной зѣвоты богатаго умника. Въ другомъ случаѣ, несчастіе можетъ быть доказательствомъ умственной силы человѣка, который въ твердости духа, въ упованіи на Провидѣніе, можетъ сыскать средства превращать пустыню жизни въ

цѣлиуцій садъ. Только тотъ истинно счастливъ, кто въ несчастіи счастливъ. Велико-ли умѣнье быть счастливымъ при счастьи? И дуракъ будетъ уменъ, когда ему вездѣ удача.... Недаромъ говаривали наши старики: не родись ни хорошъ, ни пригожъ, а родись счастливъ.

Лишеніе зрѣнія, безспорно, есть одно изъ величайшихъ бѣдствій для человѣка. Но, есть у меня одинъ знакомый, молодой, любезный человѣкъ — слѣпецъ отъ рожденія, и — повѣрите ли? Видъ его не только не печалитъ меня, но весьма часто утѣшаетъ и радуетъ, ибо этотъ слѣпецъ показываетъ мнѣ всю силу человѣческихъ средствъ и способностей. Онъ совсѣмъ не знаетъ наслажденій зрѣніемъ — важное дѣло! Чего мы не знаемъ, и чѣмъ никогда не обладали, того и потери чувствовать не можемъ. Кромѣ того, помогая умомъ своему *безглазію*, мой слѣпецъ есть истинный *слѣпецъ ясновидящій*. Почти все, что разсказываютъ о слѣпцахъ, дѣлающихъ по осязанію то, что мы дѣлаемъ съ помощію слуха и зрѣнія, почти все это дѣлаетъ мой слѣ-

нецъ. Онъ прекрасно поетъ по нотамъ, хорошо играетъ на скрипкѣ и фортепіано, различаетъ всякую мѣлкую монету, читаетъ по выпуклымъ буквамъ; память его обширна и богата свѣдѣніями, и даже, съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтенъ *кеко-графъ*, онъ пишетъ очень четко и хорошо.

Всегда веселый, разговорчивый и любезный, довольно богатый и здоровый, мой слѣпецъ всего милѣе тѣмъ, что живымъ воображеніемъ своимъ создаетъ онъ для себя свой, особый, блестящій міръ, живетъ въ немъ и чрезвычайно доволенъ этимъ житьемъ. Однажды, онъ доказывалъ мнѣ, что по его мнѣнію, совершенно справедливъ тотъ Нѣмецкій писатель, который утверждалъ, что все въ мірѣ было бы лучше, еслибы всѣ люди были слѣпые. »Тогда« — говорилъ онъ, »тогда прочь всѣ обольщенія суеты, роскоши и блеска! Я ихъ не знаю, никогда не видалъ; но, увѣренъ, что отъ нихъ у васъ, зрячихъ, всѣ бѣды, весь сыръ боръ горитъ. Ни умъ, ни совѣсть, ни что не выдерживаетъ

напримѣръ, блеска каменьковъ, обдѣланныхъ опредѣленнымъ образомъ, повѣшенныхъ на опредѣленномъ мѣстѣ, съ опредѣленными обрядами. Не гляди на нихъ человѣкъ, не имѣй желанія, чтобы видѣли ихъ другіе—сколько зла прекратилось-бы! Да, просто: тогда никто не захотѣлъ-бы имѣть ихъ и хлопотать объ нихъ. Началась война, и вмѣсто драки, вмѣсто пушечной пальбы, арміи играли-бы въ гулочки. Поймавши одинъ другаго за хохолъ, одолѣлъ-бы тотъ солдатъ, который сильнѣе«.... — Но ты лишишь своихъ слѣпцовъ величайшаго наслажденія природою, искусствами....—Онъ засмѣялся. »Всѣ вы зрячіе, такъ говорите, но желалъ-бы я знать: наслаждаетесь-ли вы этимъ въ самомъ дѣлѣ? Скажи откровенно: кто изъ васъ смотритъ на святое пробужденіе природы отъ сна, и на первыя утренія облака, золотимыя, разцвѣчаемыя первыми лучами солнца? Ваши дворники, ваши повара и служанки — и тѣ мечутъ улицы, бранятся, бѣгутъ на рынокъ, а, право, не наслаждаются вашею расхваленною природою!

Сами-же вы сильно храпите съ затворенными окнами и съ закрытыми глазами, досадуя только, что солнце мѣшаетъ вамъ спать ровно до полудня. Наступаетъ весна, лѣто — въ деревню, въ деревню! Зачѣмъ? Наслажденья природою? Совсѣмъ нѣтъ: старики сѣютъ, косятъ, молотятъ, нахватаютъ масло, выводятъ и ѣстъ цыплятъ; старухи ворчатъ, пятъ, ѣстъ.... А природа, а величественные, зеленые лѣса, а цвѣтистые, радужные луга? Коскогда, дѣвочка какая-нибудь пойдетъ помечтать и поглазѣть на все это, начитавшись поэта, который писалъ обо всемъ этомъ, сидя въ теплой комнатѣ и въ трескучій морозъ на дворѣ. И та, куда какъ мало думаетъ о вашей природѣ, потому, что въ зеркало воды она только собою любуется; на поля и на дорогу смотритъ: не ѣдетъ-ли кто нибудь въ гости; въ лѣсу ищетъ грибовъ и ягодъ....« — Полно — сказалъ я — ты злой насмѣшникъ, и еслибы женщины подслушали тебя, то досталось-бы тебѣ отъ нихъ....— »И совсѣмъ напрасно!« отвѣчалъ онъ. »Онѣ отказались-бы отъ своихъ вы-

годъ, оникакавшись быть гражданками моего міра слѣпцовъ. Посуди самъ: что за счастье насыпало-бы въ міръ, еслибы не глаза рѣшали участь любви и супружества! Прощай, приданое, прощайте, хорошенькія личики, прощай, все наружное! Одна красота души и сердца, одно очарованіе ума плѣнило-бы мужчинъ. Греки были мудрецы, и Купидонъ ихъ былъ — слѣпецъ! Если-бы и для насъ онъ сдѣлался владыкою слѣпцовъ, то ни старость, ни безобразіе не расторгали-бы сердецъ, ибо душа и сердце не старѣются. Нѣтъ! Когда-бы позволили мнѣ поговорить, созвавъ всѣхъ женщинъ на вѣчѣ, я увѣрен, что онѣ тотчасъ выкололи-бы себѣ глаза.«—Богъ знаетъ! Иная не разсталась-бы съ двумя зеркальцами души своей, не смотря на новое красноречіе. — »Много-ли такихъ, а впрочемъ, мы рѣшили-бы большинствомъ голосовъ судьбу каждыхъ прекрасныхъ глазъ, и повѣрь, что вѣче мое не только выкололо-бы ихъ всѣ, но даже выцарапало.... Царапать — женщина никогда не откажется....«

Мой слѣпецъ, разумѣется, шутитъ. Но

надобно сказать, что онъ бываетъ иногда и не шутя чрезвычайно странень и оригиналенъ. Лишенный многихъ, необходимыхъ пособій и пониманій, пріобрѣтаемыхъ зрѣніемъ, онъ часто смѣшиваетъ всѣ идеи и понятія. Въ семъ случаѣ бываетъ онъ похожъ на умнаго ребенка, который, зная кое-что, замѣнивъ кое-что, развиваетъ на этомъ немногомъ свои собственныя идеи и понятія, смѣшиваетъ время, пространство, творитъ такія уродливости и странности, что онѣ походятъ на фантастическія лица Гофмана и Жанъ-Поля.

Недавно застигъ я его въ большомъ раздумьи. »Вчера,« сказалъ онъ мнѣ, »мое самолюбіе было оскорблено самымъ досаднымъ образомъ, и теперь всѣ мои понятія о людскомъ умѣ и безуміи перемѣшались до такой степени, что я ничего не понимаю. Зрѣніе, въ первый разъ въ жизни, почитаю я необходимостью, чтобы умѣть разсматривать невидимые мною предметы.«—Что за нелѣпость?—»Совсѣмъ не нелѣпость. Чувствую, что надобны *глаза*, и надобно *глядѣть* на человѣка,

чтобы различить: сумасшедшій или несумасшедшій онъ.« — Не понимаю! — «Тотчасъ растолкую. Общій нашъ знакомый, N. N., бился со мною объ закладъ, что я не различу сумасшедшаго отъ несумасшедшаго, и вчера, не сказавши мнѣ куда, упросилъ ѣхать съ нимъ. Мы были въ двухъ домахъ. И въ томъ и въ другой пріѣхали мы одинакимъ образомъ; насъ не встрѣчали, не принимали; меня водили по разнымъ комнатамъ, водили тихо, давали вовсе вслушиваться, привезли домой, сказали мнѣ, что я былъ *на вечерѣ у богатаго человѣка* и *въ домѣ сумасшедшихъ*. Гдѣ *сперва?* Гдѣ *потомъ?* Повѣришь-ли: я не могъ сказать, и теперь, сколько ни думаю, не могу рѣшить!« — Вотъ твоя, сказалъ я, а это опять сатира твоего изобрѣтенія.

»Сатира? Совсѣмъ нѣтъ, и я прошу у тебя наставленія въ томъ, какъ мнѣ выиграть закладъ.»

Помилуй, другъ мой! Много-ли тутъ надобно смысла и толку, чтобы отличить собраніе людей умныхъ отъ собранія сумасшедшихъ...

»Понимаю, понимаю! Собраніе *умныхъ*— легко сказать: этого не найдешь и въ иномъ собраніи ученыхъ. Хоть-бы *несумасшедшихъ*-то собраніе найдти и отличить отъ толпы людей, совсѣмъ ума лишенныхъ.

— Что-жъ за трудность? Устройство дома, мѣсто, гдѣ собираются, одежда, поступки, занятіе собравшихся....

»Ты забылъ, что я слѣпой, и ничего этого видѣть не могу.

— Правда, что я и забылъ это; но....

»Что, *но?* Прошу продолжать.

— Какъ не различить потому, что можно услышать?

»Въ этомъ прошу меня извинить. Я опишу тебѣ свои впечатлѣнія.

»Разумѣется, что для меня, какъ слѣпца, не существуетъ никакая *внѣшность*. Великолѣпіе и обширность комнатъ, яркое освѣщеніе, фарфоръ, бронза, зеркала— мнѣ все темнота и мракъ! Далѣе, всякія одежды, всѣ признаки богатства и знатности — мнѣ незамѣтны и невидны. Одѣнь-ли человѣкъ, какъ безумецъ, въ шиковый халатъ и холстинный калпакъ,

или, какъ умникъ, въ мундирѣ съ шпиньемъ — я не вижу; я могу только *чувствовать* человѣка.

»Оба дома, которые посѣтили мы съ N. N., равно огромны, какъ я могъ это замѣтить по шороху шаговъ, по звуку отпираемыхъ дверей. Въ обоихъ домахъ толпился народъ въ большихъ комнатахъ, или залахъ, и сидѣлъ въ разныхъ комнатахъ отдѣльными собраніями; наконецъ, въ обоихъ мы входили и въ такія комнаты, гдѣ находили по одному, по два человѣка.

»Въ небольшой комнатѣ одного изъ домовъ услышалъ я жалобный голосъ человѣка, который судилъ и рядилъ о политикѣ, о внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ, государственной экономіи, прибавляя, что онъ умѣлъ-бы устроить все это къ добру и благу, еслибы враги ему не помѣшали, еслибы онъ попалъ въ Министры, чего онъ несомнѣнно надѣялся. Слова его были такъ глупы и несвязны, что я почелъ его сумасшедшимъ, и кто-то подлѣ меня шепнулъ: »Онъ сумасшедшій!«

Въ другомъ домѣ то-же явленіе. Чей-то

голосъ произносилъ горькія жалобы на жестокость, безчеловѣчіе людей, которые лишаютъ средства быть полезнымъ Человѣчеству, сдѣлавшись Генераломъ и Сенаторомъ. За тѣмъ слѣдовало исчисленіе добра, которое хотѣлъ этотъ человѣкъ сдѣлать, и это исчисленіе было не глупѣе жалобъ и прозиковъ человѣка, мѣтившаго въ Министры. »Какъ онъ умно говоритъ!« сказалъ подлѣ меня кто-то. »Знаю, что сумасшедшій, а заслушаешься по неволѣ.«

»Въ залѣ одного изъ домовъ, гдѣ толпилось много народу, я слышалъ, какъ одинъ человѣкъ, сидя въ углу, читалъ прегдупые стихи, а другой говорилъ нелѣпости ученыя. Нѣсколько человѣкъ въ полголоса толковали, что и поэтъ и ученый съ ума сошли. И я повѣрилъ-бы этому, еслибы нѣсколько человѣкъ не захлопали руками поэту, и не стали хвалить его. — Въ залѣ другаго дома я услышалъ тоже: и стихи читаютъ, и о наукѣ говорятъ. Повѣрь мнѣ, что разницы въ сущности

стиховъ и ученаго разсужденія обѣихъ залъ, я никакой не замѣтилъ. Всего-же непонятнѣе, что и въ другой залѣ также, одни называли поэта и ученаго сумасшедшими, а другіе хвалили ихъ и хлопали руками.

»Услышавъ, что кто-то прескверно и преошибочно играетъ на арфѣ, я подумалъ, что это сумасшедшій; еще болѣе, когда къ нестройнымъ звукамъ прибавился дурной голосъ, фальшиво вытягивающій звуки и ноты.

»Вотъ человѣку охота пѣть!« — сказалъ подлѣ меня кто-то. »Не сумасшедшій-ли онъ? Впрочемъ, чему и дивиться: у него вся семья на музыкѣ помѣшана!«

»Въ другомъ домѣ, также услышалъ я музыку. Кто-то игралъ на скрипкѣ, и скрипка была разстроена. »Онъ сумасшедшій« — подумалъ я. Но въ это мгновеніе, изъ разстроенной скрыпки полетѣли звуки дивные; казалось, что смычокъ водили по сердцу человѣческому. Это не были звуки обыкновенные, вымѣренные, стройные: адажіо мѣшалось съ аллегро, смычокъ исчезалъ въ звукахъ, которые то-

пули одинъ въ другомъ, и уже не звучали, но сливались въ какую-то дикую, приводящую въ трепетъ, гармонію. Музыкантъ забылъ всѣ правила, всѣ законы, за то и слушатель не могъ судить его по опредѣленнымъ правиламъ, и, слѣдовательно, долженъ былъ подчинить свое сужденіе волѣ музыканта.

»Наконецъ, услышавъ ссору и крикъ, я обрадовался, думая, что теперь узнаю, гдѣ я. Причиною ссоры былъ толчокъ; голоса были пресердитые, слова безъ связи, оправданія не слушали. Это сумасшедшіе, подумалъ, я, тѣмъ болѣе, что многіе говорили тоже подлѣ меня.

И въ другомъ домѣ, на бѣду мою, такое-же явленіе. Причиною ссоры былъ щелчокъ; кричали и шумѣли не менѣе, говорили не умнѣе, связи въ словахъ и рѣчахъ, и вниманія къ тому, что говорено, было не болѣе и не менѣе.«

Слова и примѣры моего слѣпца привели меня въ замѣшательство. Въ самомъ дѣлѣ, мы только не посмѣемъ, постыдимся сознаться, а иногда — невольно думаешь, что какъ онъ великаго до смѣшна-

го одинъ только шагъ, такъ онъ ума до безумія — одинъ только прыжокъ....

» Ну! распологуй-же мнѣ: который былъ домъ сумасшедшихъ? Тотъ-ли, гдѣ я слышалъ кандидата въ Министры, дурнаго игрока на арфѣ и ссору за щолчокъ, или тотъ, гдѣ слышалъ кандидата въ Генералы и Сенаторы, скрипача виртуоза и ссору за щелчокъ? О поэтахъ и ученыхъ не говорю: слышанныхъ мною въ томъ и въ другомъ домѣ не различилъ-бы по слуху и самъ премудрый Соломонъ.

— Положимъ, что это, въ самомъ дѣлѣ, вопросъ трудный; но общее отношеніе людей одного къ другому.... Оно замѣтно.

» Тамъ и здѣсь — люди называли другъ друга сумасшедшими.

— Но общность разговора?

» Я напомню тебѣ анекдотъ, случившійся съ Свифтомъ. Онъ былъ въ обществѣ нѣсколькихъ умныхъ людей, и послѣ сытнаго обѣда сѣлъ въ сторонѣ; другіе собесѣдники занялись жаркимъ разговоромъ, кричали, шумѣли, и наконецъ вдругъ замѣтили, что Свифтъ не участ-

вусить въ разговорѣ, сидящъ и пишущъ. »Что вы дѣлаете, Г-нъ Свифтъ?«—Я записывалъ ваши разговоры — »Покажите.«—Боюсь, вы подумаете, я налгалъ на васъ. — »Нѣтъ, нѣтъ! покажите.«—Если вамъ угодно. — Свифтъ прочиталъ — и собесѣдники удивились, какой вздоръ и нескладица выходитъ изъ всего, что было говорено ими!

»Всѣ вы жалуетесь, что *пишутъ и печатаютъ* бездну глупостей, и весьма немного умнаго. Но *говорятъ* тѣ-же люди, которые пишутъ и печатаютъ. Пишутъ и печатаютъ они еще съ размышленіемъ, думая, стараясь *показаться умными*, а въ разговорѣ имъ нѣкогда, и не до того: надобно импровизировать, думать и обдумывать на лету. Послѣ сего суди самъ, по вѣрной посылкѣ отъ глупостей *печатныхъ*, каковъ многъ будетъ глупостей *словесныхъ?*

— Все однакожъ, ты услышишь глупости и — немного ума отъ не-сумасшедшаго, а сумасшедшій заговоритъ, и ты услышишь сумасбродство.

»Я самъ такъ думалъ, но этому мѣ-

шалъ проказникъ N. N. Точно замѣтилъ я, что въ одномъ домѣ иные начинали говорить довольно складно. N. N. иногда вмѣшивался въ разговоръ, и всегда умѣлъ свести рѣчь на такой предметъ, что весь складъ терялся, и я находилъ, что каждый говорящій на чемъ нибудь былъ помѣшанъ. Въ другомъ домѣ было напротивъ: начинали говорить сумасбродственно; N. N. вмѣшивался, и такъ велъ разговоръ, что рѣчи приходили въ порядокъ, и выходило всегда что-то складное....

»Знаешь-ли ты слова Байрона?« примолвилъ мой слѣпецъ, помолчавши нѣсколько времени. Онъ съ чувствомъ произнесъ потомъ:

The lady of his love.... Oh! she was changed
As by the sickness of the soul; her mind
Had wandered from its dwelling, and her eyes,
They had not their own lustre, but the look
Which is not of the earth; she was become
The queen of a fantastic realm; her thoughts
Were combinations of disjointed things;
And forms impalpable and imperceived
Of others' sight, familiar were to hers.
And this the world calls phrenesy, butthe wise

Have a far deeper madness, and the glance
Of melancholy is a fearful gift;
What is it but the telescope of truth?
Which strips the distance of its phantasies,
And brings life near in utter nakedness,
Making the cold reality too real (*).

»Да!« сказалъ онъ вздохомъ — »если одинъ изъ посѣщенныхъ мною домовъ былъ собраніемъ сумасшедшихъ, а другой несумасшедшихъ, то вся разница, что въ одномъ слышалъ я людей, помѣшанныхъ на чемъ нибудь, и глупо разсуждающихъ о всемъ остальномъ, а въ другомъ домѣ людей, умно судящихъ о чемъ нибудь и также глупо разсуждающихъ о всемъ

(*) Та, которую любилъ онъ.... Ахъ! какъ измѣнилась она бѣдною души!... Погибъ умъ ея, и глаза ея не блистали прежнимъ свѣтомъ: они горѣли чѣмъ-то неземнымъ. Она была царицею міра фантазіи; ея мысли были смѣсью всего несообразнаго, и то, что для другихъ было непримѣтно и неощутительно — было ей знакомо. Это свѣтъ называетъ *безуміемъ;* но мудрецъ еще безумнѣе, и даръ печальный думы — ужасный даръ! Что такое онъ? Телескопъ истины, который приближаетъ къ намъ привидѣнія ужасающія разоблачаетъ жизнь, являя хладную существенность — еще существеннѣе....» Мы желали передать только смыслъ подлинника.

осиальномъ, людей, надъ лбами которыхъ надобно поставить вывѣску: *За отсутствіемъ хозяина, отдается въ наймы.* Какъ думаешь?

Я молчалъ. Слѣпецъ мой распрогалъ меня. — »Вопросъ мудреный«.... сказалъ я наконецъ, »если ты спрашиваешь меня не шутя....«

— Вопросъ *печальный*, скажи лучше. Желалъ-бы я теперь поглядѣть на наружность сумасшедшаго и не-сумасшедшаго; желалъ-бы, для испытанія, переодѣть безумца въ платье умника, а умника въ платье безумца, и испытать: узнаютъ-ли ихъ люди послѣ сего переодѣванья? желалъ-бы испытать: нельзя-ли убѣдить самаго умнаго человѣка, что онъ съ ума сошелъ, разстроить его воображеніе и заставить безумствовать, а сумасшедшаго научить нѣсколькимъ приличіямъ, нѣсколькимъ наружнымъ формамъ и заставить умничать?... Но, нѣтъ, нѣтъ! бѣдные люди! Для чего терзать васъ! И безъ того вамъ довольно достается, и отъ другихъ и отъ самихъ себя...

Онъ засмѣялся. »Что ни говорите, а я проигралъ закладъ....«

Вотъ весь нашъ разговоръ. Не правда-ли, что сѣнецъ мой бываетъ иногда странекъ и оригиналенъ, какъ Гофманова сказка? На что похоже, въ самомъ дѣлѣ: не различить безумія отъ ума! Это, кажется, такъ легко....

БЫТЬ

и

КАЗАТЬСЯ.

ФИЛОСОФИЧЕСКО-МОРАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНИЕ, СОЧИНЕННОЕ

ФИЛИППОМЪ БЕЗСТЫДОВЫМЪ,

БАККАЛАВРОМЪ ГУМАНИСТИКИ, И БЫВШИМЪ УЧИТЕЛЕМЪ ЭЛОКВЕНЦИИ И КОСМОГРАФИИ.

Le paradoxe est comme la pierre d'un monument funèbre. D'abord son éclat vous séduit; vous la soulevez doucement: c'est un poids si légère que vous la soulevez encore; un effort de plus et le marbre est à vous. Mais à l'instant même la pierre retombe de tout son poids; vous voilà enseveli sous le marbre taillé pour un autre, et le passant peut lire sans se douter que c'est vous qui gisez là: *Ci-gît très haut et très puissant seigneur*, et autres formules, précédées de toutes les armoiries d'une grande maison....

Janent.

БЫТЬ и КАЗАТЬСЯ.

Какъ одинъ Философъ—*Аристотель*, помнится — съ удивительною откровенностью говорилъ друзьямъ своимъ: »*друзья мои! нѣтъ друзей на свѣтѣ*» — такъ другой Философъ, и, если не ошибаюсь, *Сократъ*, говаривалъ: »*высшее знаніе состоитъ въ знаніи того, что мы ничего не знаемъ.*« Насмѣшникъ Аристофанъ увѣряетъ, что за это откровенное признаніе, Ксантиппа окатила своего мудраго супруга не весьма учтиво. »Стоило-ли, плѣшивый старичишка,« кричала она, »посвящать цѣлый вѣкъ свой труду и размышленію, для убѣжденія въ своемъ незнаніи? Ты-бы давно спросилъ объ этомъ у меня: вѣдь я давно знала, что ты ничего не знаешь!«

Не желая представлять роль Ксантиппы для Философовъ нашего времени, я

почелъ однакожъ необходимымъ: начать мое разсужденіе указаніемъ — прямо на Философію! Люди, не смотря на безпрерывные обманы ума, никакъ не могутъ отстать отъ этого стараго и прихотливаго шалуна. Имъ вездѣ и всегда надобенъ *умъ*, надобна *Философія*. Умничанье и умствованье губитъ ихъ. Подобно тому, какъ всякій старается быть знакомъ съ человѣкомъ, который прослылъ богачемъ, такъ всякій изъ насъ старается подбиться къ уму. Авось-либо этотъ скупой богачъ дастъ хоть въ займы, на вексель, называемый *Философіею*. Но напрасны труды! Умъ и даетъ въ займы, да такою плохою и неходячею монетою, что ее почти не принимаютъ на биржѣ свѣта.

Въ самомъ дѣлѣ, ММ. ГГ., скажите: заплатила-ли хоть одному изъ васъ Философія ваша по векселямъ монетою, напримѣръ, счастія—этѣми звонкими гинеями, которыя въ странномъ ходу у дураковъ и умныхъ, бѣдняковъ и богачей, Королей и нищихъ?

Говорятъ, что о *счастьи* было около десяти тысячъ мнѣній еще въ старые

годы, у пресловутыхъ Грековъ. Сколько явились ихъ послѣ того? Счетъ не легокъ! А на что сводили всѣ Философы счастье людское? Какой нибудь Зенонъ, страдая подагрою, завернутый въ лоскутья, говорилъ другимъ чудакамъ, къ нему собравшимся: «*Жить-то, жить-то какъ хорошо!*» — Хорошо, въ самомъ дѣлѣ! Слуга покорный!

Долговременное размышленіе убѣдило меня наконецъ въ томъ, что вся наша Философія, не умѣя научить насъ *быть*, учитъ насъ только *казаться* тѣмъ, чѣмъ мы хотѣли-бы *въ самомъ дѣлѣ быть*.

Вотъ тайна, которую извлекъ я изъ глубокихъ моихъ наблюденій и изслѣдованій. Я самъ, Мм. Гг., довольно сжегъ масла въ Философской лампадѣ, довольно посидѣлъ за пыльными книгами Философовъ. Съ другой стороны, довольно шлялся я въ мірѣ, и спучался въ сердца человѣческія, довольно и пересмотрѣлъ мозгомъ моимъ о мозгѣ другихъ моихъ собраній! Всѣ хотятъ *быть*, и всѣ оканчиваютъ тѣмъ, что *кажутся*, чѣмъ хотѣли они быть.

Не подумайте, чтобы я проповѣдывалъ вамъ Скептицизмъ. Всего далѣе отъ меня такая глупая мысль! Напротивъ: правила для самой положительной жизни рѣшаюсь я представить вамъ, Мм. Гг.

Основаніе моей мысли состоитъ въ томъ, что если все кончится тѣмъ, чтобы *казаться только*, то, слѣдовательно, яснѣе солнца, что все только и *должно казаться* на бѣломъ свѣтѣ, а не *быть въ самомъ дѣлѣ*. Въ слѣдствіе сего, если мы рѣшительно, систематически употребимъ всѣ душевныя и тѣлесныя способности, чтобы *только казаться*, не достигнемъ ли мы совершенно того, чего ищутъ уже болѣе семи тысячъ лѣтъ во всѣхъ уголкахъ міра? Я увѣренъ, что всякій истинный мудрецъ скажетъ: *Да!* Иной съ усмѣшкой, иной съ досадой, иной громко, иной тихо, а иные, если не скажутъ, такъ подумаютъ. Не смотря на такое общее и согласное *да*, спѣшу убѣдить доказательствами.

Прежде всего мимоходомъ укажемъ на Природу. Не все-ли въ ней только *кажется* намъ? Яркіе цвѣта неба и земли, лю-

щіяся голубыми извивами рѣки, свѣтлая радуга — все это либо черно, либо бѣло, а нашему глазу угодно, чтобы тутъ являлось и зеленое, и красное, и желтое, и фіолетовое.

Возьмите послѣ того людей. Но остерегитесь: не вѣрьте этому молодому вѣтреннику, съ голубыми или съ черными, горящими глазами, и съ русыми или черными кудрями. Онъ, пожалуй, наговоритъ вамъ всякой всячины, о томъ, что *будетъ* для него. Не вѣрьте и Философу на его каѳедрѣ, когда, въ жару вдохновенія, онъ кричитъ вамъ о томъ, что *есть*. Нѣтъ Вѣтренника спросите, когда волосы его побѣлѣютъ, глаза потухнутъ, а спина сгорбится подъ тягостью шестидесяти или семидесяти лѣтъ; Философа, когда онъ задумчиво сидитъ въ своемъ уголкѣ, и съ трудомъ самъ понимаетъ то, о чемъ увѣрительно говорилъ слушателямъ. Тогда, повѣрьте мнѣ, одинъ скажетъ: »Охъ! *казалось*,» а другой примолвитъ: *Кажется!*

Посмотрите на дѣла и разговоры люд-

скіе. Что говорите вы, когда спрашиваете у купца товаръ? *Покажи мнѣ.* Видите-ли? Вы не говорите: «*Есть-ли у тебя?*« — Кто выигрываетъ и постигаетъ умѣнье: тотъ-ли, который просто говоритъ: *Такъ*, или тотъ, кто говоритъ: *кажется*, что такъ? — »Онъ другъ мнѣ; она любитъ меня!« кричитъ какой нибудь юнона. Опытность говоритъ ему: »Съѣшь съ ними бочку соли, и тогда скажи.« Знаете-ли, Мм. Гг. что съѣвши только половину бочки, тотъ-же юнона закричитъ: »Онъ *казался* мнѣ другомъ; мнѣ *казалось*, что она любитъ меня!

»Нѣтъ великаго человѣка для его камердинера» — сказалъ, не помню кто. Сущая правда! Вдалекѣ всѣ кажутся великанами, а въ самомъ дѣлѣ это карлики. — Читайте поэта и восхищайтесь имъ; но не подходите къ нему самому близко. Прощай Поэзія! — Знаете-ли, какое утѣшеніе выдумываютъ наконецъ для себя люди? Вспомните слова героя одной Шиллеровой трагедіи. Увѣренный въ измѣнѣ своей любовницы, онъ становится передъ нею на колѣни, и умоляетъ ее: »Ту-

изъ! солги, солги, ради Бога! Обмани меня, увѣрь, что все это клевета; скажи только, что ты меня любишь, что ты мнѣ не измѣняла, и я повѣрю, и я буду счастливъ!« Сколько разъ приходилось каждому изъ насъ, кто жилъ подолѣе другихъ, говорить такимъ образомъ, и людямъ, и судьбѣ и—даже самимъ себѣ?

Послѣ такихъ доказательствъ, надобно-ли еще, Мм. Гг., убѣждать васъ, чтобы вы не слишкомъ довѣряли существенности того, что только *кажется*, будто *существуетъ*. Совсѣмъ не будучи скептиками, невольные говорите чаще: *можетъ быть*, а не *есть*, ибо тутъ вы ничего не теряете, а выигрываете всегда, когда можно выиграть. Латинская фраза: ab posse ad esse non valet consequentia, должна быть въ семъ случаѣ вашимъ девизомъ. Фраза философическая, логическая и, притомъ, Латинская — не уже-ли вы не убѣждены въ словахъ моихъ, даже послѣ этой фразы? Я укажу вамъ сверхъ того на всѣ правоучительныя книжки, которыя вы долгомъ поставляете давать вашимъ дѣтямъ. Въ нихъ написано, что од-

но изъ первыхъ правилъ, какія должны дѣти наблюдать, есть слѣдующее: »Не говори никогда утвердительно: *такъ*, *точно*, *знаю*, а всегда: *кажется*, *вѣроятно*, *думаю*.» Какъ жаль, что гордость наша заставляетъ насъ забывать всѣ доказательства, всѣ правила, всѣ наставленія дѣтскихъ книженокъ! Пересмотрите ихъ: тамъ все изъяснено, все установлено, все опредѣлено. Самые важнѣйшіе метафизическіе вопросы рѣшены въ этихъ книженкахъ немногими словами, и рѣшены окончательно. Но мы вырастаемъ и начинаемъ думать, думать и думать, дѣйствовать и изыскивать, изыскивать и дѣйствовать, пока опять приходимъ на старое мѣсто, сдѣлавшись сѣдоволосыми дѣтьми, и знаемъ только то, что давно мы читали и затверживали въ дѣтскихъ книженкахъ.

Не всѣ таковы изъ насъ. Есть люди, которые очень хорошо понимаютъ, что *кажущееся* не есть истинно-существенное въ мірѣ; а *существенное* — собственно только кажется намъ. Эти люди суть истинные и великіе Философы; но какъ

эгоизмъ долженъ быть основаніемъ Философіи, то сіи люди тщательно скрываютъ свою тайну, и пользуются ею одни, не сказывая объ ней другимъ.

Замѣчая, что нынѣ число такихъ Философовъ размножается, я совершенно согласенъ, что люди становятся просвѣщеннѣе, а Человѣчество часъ отъ часу болѣе совершенствуется. Въ древнія времена люди были простѣе и откровеннѣе. Аристиппъ, величайшій Философъ, умничалъ съ умниками, шалилъ съ дураками, и добродушно высказывалъ свою Философію. Послѣдователи Эпикура откровенно говорили о своей Философіи наслажденій. Сократъ прямо сказывалъ, что онъ ничего не знаетъ. Аристотель объявлялъ своимъ друзьямъ, что нѣтъ друзей. Эмпедоклъ не думалъ скрывать, что съ досады на незнаніе свое, бросился въ Этну: онъ оставилъ потомству туфли подлѣ жерла Этны. Теперь, все это также дѣлаютъ, также чувствуютъ, только *не говорятъ*. Наши Аристиппы представляютъ намъ постныя рожи; послѣдователи нашихъ Эпикуровъ притворяются нищими и безсре-

бренниками; наши Сократы клянутся, что проглотили всѣ тайны знаній; современные Аристотели едва не задушаютъ друзей въ своихъ объясненіяхъ, а наши Эмпедоклы сперва бросаютъ въ Этну туфли, а потомъ думаютъ: »Не лучше-ли показать только, что и я туда бросился? Вѣдь повѣрятъ моего скачка никто не пойдетъ, а если пойдетъ, такъ не воротится!»

Все умно и прекрасно, однакожъ производитъ весьма важныя неудобства въ обществѣ, въ наукахъ, знаніяхъ, искусствахъ, занятіяхъ, словомъ: во всемъ рѣшительно.

Съ одной стороны, мы почти всѣ съ начала жизни думаемъ *быть*, вмѣсто того, чтобы *казаться*. Легко-ли потомъ каждому изъ насъ переупрямливать свои привычки, склонности, страсти; да и когда? Велика-ли вся жизнь человѣческая? До двадцати лѣтъ мы все еще учимся и учимся тому, какъ намъ *быть*; потомъ до сорока разучиваемся и убѣждаемся, что *быть не можемъ*. Но человѣкъ *въ сорокъ лѣтъ* едва-ли лучше Вольтерова человѣ-

ка *въ сорокъ талеровъ!* Едва успѣешь убѣдиться, оправиться, образуминься — посмотришь,

Колдунья Старость, шагъ за шагъ,
Пришла Яга съ клюкой!

А кто-же не знаетъ, что

Подъ старость жизнь.... какая гадость!....

Спрашиваю: когда-жъ жить? — Съ другой стороны, разрушается вся гармонія общества. Дорога къ *быть* совершенно противоположна дорогѣ къ *казаться*. Смиренное *быть*, ежели является въ видѣ ученаго, то зарывается въ свой уголокъ, отказывается отъ міра, тушитъ порывы страстей, работаетъ, живетъ съ идеалами Платоновъ и Морусовъ. Великолѣпное *казаться* лезѣтъ въ первыя мѣста, навязывается на людей, выходитъ въ люди, разжигаетъ свои страсти, ничего не дѣлаетъ, и, живетъ не только съ людьми, но даже на сценѣ людей. Таже разница между практическимъ *быть* и *казаться*. Бѣдное *быть* долго учится, долго не довѣряетъ себѣ, осмѣливается наконецъ, объявляетъ свои требованія, и дѣлаетъ это робко, скромно; получаетъ желаемое, и

что-же? Въ видѣ Судьи, оно сидитъ неподвижно на судейскомъ стулѣ, работаетъ, трудится, и довольно тѣмъ, что достанется ему случайно; въ видѣ Воина, оно лѣзетъ на штыки и батареи, и если уцѣлѣетъ, то укрывается въ свою палатку, читаетъ, изучаетъ Юлія Цезаря, Тюрена, Жомини; заботится не о томъ, что ждетъ его впереди, а что находится около него, ожидая награды, а не дожидаясь ее, молча, когда не получаетъ, будучи довольно, когда получаетъ. Но милое, великолѣпное *казаться*, ничему не учась, все знаетъ; кричитъ о томъ, что вовсе не принадлежитъ ему; увѣренное въ себѣ, не вѣритъ никому—и выигрываетъ, получаетъ, находитъ. Засѣвши Судьею въ Приказѣ, оно не думаетъ тюрчать указкой другимъ, уступаетъ всякому, только-бы и ему всѣ уступали; но за то, какъ живая ртуть, перекатывается оно изъ переднихъ въ залы, изъ залъ въ переднія. Въ видѣ Воина, оно всего болѣе бережетъ свой лобъ въ военныхъ дѣлахъ, а всего болѣе дѣйствуетъ и шумитъ при мирныхъ занятіяхъ воина, читаетъ не

Юлія Цезаря, но страсти своего командира, не Тюрена, а донесеніе о наградахъ, изучаетъ не Жомини, но то, чѣмъ можетъ подслужиться начальнику; смотритъ не назадъ, а впередъ, не проситъ а требуетъ; недовольно тѣмъ, что дали, хочетъ чего не дали. Кончится, что существенное начнетъ другимъ *казаться*, а кажущееся *быть*.

Однимъ словомъ сказать можно: Существенное съ Кажущимся такъ противоположны, что рѣдкій разъ не сталкиваются они одно съ другимъ, и не упибаютъ одно другому лба. Вообразите: сколько замѣшательства, шуму, волненій, извиненій, ссоръ, и даже дракъ при подобныхъ случаяхъ! Но, такъ какъ большая часть людей въ зрѣломъ возрастѣ, опытныхъ, умныхъ, сильныхъ, идетъ по направленію *казаться*, то другая часть, составленная изъ молодежи, неопытной, легкомысленной, безсильной, съ прибавкою немногихъ чудаковъ зрѣлаго возраста, вся эта меньшая часть, идущая по направленію *быть*, производитъ одно замѣшательство, и, не будучи въ состоя-

нія поворотишь своихъ противниковъ назадъ, только разстроиваетъ ихъ, и препятствуетъ имъ идти свободно, сама впередъ не подаваясь ни сколько, или подвигаясь весьма медленно. Сколько безплоднаго раскаянія о томъ, что могли быть впереди, мы смиренно принуждены идти сзади, потому, что поздно повернули въ противную сторону! И въ самомъ дѣлѣ, много-ли такихъ счастливцевъ, которые въ юности предпочтутъ *казаться*, а не *быть*, которымъ счастливый случай дастъ хорошаго руководителя на семъ пути? А безъ руководителя и безъ системы—дорога нигдѣ не надежна....

Надобно всему этому пособить. Не боясь угрюмыхъ чудаковъ, предлагаю слѣдующее: соглася всѣ наши желанія, убѣдимся въ истинѣ, рѣшимся всѣ, всѣ заодно — *не быть*, рѣшительно — *не быть*, а *только казаться*.

Благія слѣдствія моего совѣта неисчислимы. Кромѣ того, что тогда всѣ мы пойдемъ согласно по одной дорогѣ, слѣдственно, не будемъ мѣшать другъ другу, судите сами, сколько исчезнетъ кривыхъ

неправильныхъ движеній въ обществѣ, сколько дѣйствій вредныхъ, потому только, что они скрыты! Какъ часто теперь мы падаемъ отъ того, что надѣемся идти по твердому полу, а въ самомъ дѣлѣ тутъ яма, которую сосѣдъ вашъ только прикрылъ дощечками. Тогда всѣ ямы будутъ открыты, и если кто станетъ въ нихъ попадаться — пеняй на самаго себя! Если, Мм. Гг. щекотливое внутреннее чувство показываетъ вамъ мое предложеніе въ невыгодномъ свѣтѣ, извольте читать далѣе.

Я покорно прошу оглянуться кругомъ себя, и — что тамъ, любезный читатель, на самаго себя. Признайтесь, что изъ десяти, девятеро и не думаютъ *быть*, а только *кажутся*, и что вы сами изъ десяти мгновеній вашей жизни, девять *казались*, а одно только *были* въ самомъ дѣлѣ тѣмъ, чѣмъ вамъ должно, или надобно быть. Послѣ сего вычета, если вычесть еще тѣхъ людей, которые принуждены *быть* по неволѣ, по робости, по недостатку случаевъ, потому, что игра не стоитъ свѣчь — спрашиваю:

много-ли останется исключеній, а эти *исключенія* стоятъ-ли труда, чтобы за ними слѣдовать?

И объ этихъ исключеніяхъ я разскажу вамъ одну небольшую сказочку. Послушайте.

Вамъ конечно извѣстно, что въ Азіи являлось много чудаковъ, которыхъ Богъ знаетъ какъ и назвать должно: *разбойниками* неприлично, *Государями* совѣстно, *завоевателями* стыдно! Одинъ изъ такихъ безыменныхъ людей шелъ опустошительною грозою по благословеннымъ странамъ Азіи, билъ, рѣзалъ, грабилъ, складывалъ пирамидами головы, садился на коня, ставя ногу на спину какого нибудь плѣннаго Хана, любовался пламенемъ зажженныхъ городовъ, и проч. и прочее, все, что дѣлается иногда и въ Европѣ, только немного поучтивѣе. Вотъ, этотъ чудакъ сидитъ однажды въ золотомъ шатрѣ своемъ, поставленномъ среди биваковъ милліона воиновъ, которыхъ велъ онъ самъ не зная куда, и вдругъ видитъ, что къ нему приближается старичокъ, дряхлый, сгорбленный, бѣлый,

какъ лунь. Грозно, молніевидно блеснули глаза чудака; но старичокъ не испугался, подошелъ, облокотился на костыль, и внимательно началъ глядѣть на страннаго человѣка, предъ которымъ преклонялись и трепетали милліоны. »Что ты смотришь на меня, незнакомецъ? Какъ ты не трепещешь предо мною? Чего ты хочешь?« спросилъ чудакъ. — Я ничего не хочу — отвѣчалъ старецъ — я не трепещу, ибо никогда не учился ни передъ кѣмъ трепетать; пятьдесятъ лѣтъ живу я здѣсь, въ ближней пещерѣ, и теперь пришелъ только за тѣмъ, чтобы видѣть тебя, и спросить: чего ты ищешь, куда ты стремишься, и не безумецъ-ли ты, ибо ненасытнаго твоего честолюбія ничѣмъ другимъ, кромѣ безумія, изъяснить невозможно? — »Дерзкій! я велю умертвить тебя....«— Но не испугаешь! — »Велю тебя мучить....« —Но я не преклоняюсь однакожъ предъ тобою. — Тутъ померкъ взоръ тирана; онъ наклонивъ голову, смутился. — »Кто ты, старецъ безстрашный и мудрый, скажи мнѣ?« —Я пустынникъ Низамъ—отвѣчалъ ста-

рецъ. — »Ты Низамъ,« воскликнулъ грозный повелитель, вскочивъ съ мѣста, »ты перлъ мудрости, святой, великій мужъ, примѣръ отверженія суеты, котораго славитъ весь Восторгъ?« — Я презираю славою — отвѣчалъ старецъ. — »Великій мудрецъ! что тебѣ угодно: вотъ золото, вотъ дѣвы, прекрасные Гурій....« — Мнѣ ничего ненадобно: знай, что отецъ мой былъ человѣкъ не бѣдный, и оставилъ мнѣ два пуда золота въ наслѣдство: я презрѣлъ это богатство! — »Самъ Пророкъ Мугаммедъ прислалъ тебя ко мнѣ; я не отстану отъ мудраго Низама. Внимай, перлъ мудрости, мѣсяцъ кротости, солнце ума! я отдаю тебѣ половину всѣхъ моихъ владѣній, то есть семнадцать царствъ съ четвертью, притомъ 10,000 верблюдовъ, нагруженныхъ золотомъ, а въ остальной половинѣ будь ты вторымъ мною!« — Тиранъ снялъ дорогой перстень, и надѣлъ на руку старца: половина войскъ упала передъ нимъ на колѣни, раздался звукъ трубъ, подвезли богато-убранную колесницу, принесли драгоцѣнную одежду. — »Все

это новое, Низамъ! Пріемлешь-ли ты мой даръ?« Старецъ поглядѣлъ кругомъ, улыбнулся, угрюмое лицо его прояснилось, и онъ сказалъ: »Пріемлю, Государь!« — Смиренно поклонился онъ потомъ грозному шираку, и обратясь къ принесшимъ одежды, горделиво промолвилъ: »Надѣвайте ихъ на меня!« — Постой, Низамъ! — сказалъ ширакъ, задумываясь — я боюсь, не тягостна-ли будетъ тебѣ власть: ты старъ, дряхлъ, привыкъ къ уединенію.... — »О, я еще не слишкомъ дряхлъ, Государь! не бойся, управлюсь.« — Если такъ, то подиже, испытай себя: завоюй себѣ царство, и у тебя будетъ восемнадцать съ четверть.— »Изволь, Государь!« воскликнулъ Низамъ, сѣлъ въ колесницу, и... въ это мгновеніе загремѣлъ голосъ стараннаго ширака: »Долой, бездѣльникъ, лицемѣръ, ханжа!« — Какъ! — воскликнулъ Низамъ, ты обманулъ меня? — »Ты самъ себя обманулъ, негодяй! Ты пришелъ ко мнѣ браниться, ибо не могъ надѣяться быть славнѣе меня; но я знаю васъ, негодяевъ, называемыхъ мудрецами! Вы мудры потому, что нѣтъ у васъ средства быть великими безумцами,

а показать себя маленькими безумцами, вы слишкомъ горды. Два пуда ошцовскаго золота казалось тебѣ мало: ты презрѣлъ ихъ; но онъ 18 царствъ и 10,000 верблюдовъ твоя мудрость разлетѣлась прахомъ! Ты пришелъ узнать: куда, для чего и зачѣмъ я иду съ моимъ милліономъ — теперь ты знаешь! Довольно! Гоните прочь этого негодяя!«

Мнѣ кажется, что многіе *Клитычи* станутъ кивать на *Петровъ*, читая сказочку. Впрочемъ, всякій пойметъ, что когда рѣшительно всѣ скинутъ маски, всѣ станутъ безъ закрытки дѣлать, что теперь дѣлаютъ тихонько, то выйдетъ еще слѣдующее важное обстоятельство.

Положимъ, что человѣку точно надобно *быть*, а не *казаться*, положимъ, что *казаться* есть зло. Когда всѣ устремятся на это поприще, тогда зло дойдетъ до своей послѣдней степени, и всѣ бросятъ его по неволѣ, ибо не изъ чего будетъ хлопотать. На плута надобно полтора плута; тогда плутъ не опасенъ, когда есть средство переплутовать его; по моей методѣ, на плута придется по два съ половиною уче-

ныхъ плутовъ. Безстыдство, бездѣльничество, обманъ, все что теперь стараются скрывать, сдѣлавшись открыто, будетъ также мало опасно людямъ, какъ мало опасны были Митридату всякіе яды.

Всячески выходитъ, что мое предложеніе полезно обществу, и что оно есть самая высокая идея, которую многіе знали, но скрывали. Почтемъ-ли *благомъ* — и спорить нечего; почтемъ-ли его зломъ — оно можетъ довести до блага. И такъ остается только одно: составить планъ, по которому великая идея моя легко и скоро могла-бъ быть развита. Это я не замедлю представить вамъ вполнѣ, въ слѣдующей статьѣ моей.

ВѢНЕЦЪ ПЕДАГОГІИ,

ИЛИ

ПРОЭКТЪ

ТАКОГО ВОСПИТАНІЯ,

КОТОРОЕ МОЖЕТЪ ДОВЕСТИ КЪ ИСТИННОМУ СЧАСТІЮ И БЛАГОДѢНСТВІЮ ОБЩЕСТВО ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ.

СОЧИНЕНІЕ

Филиппа Безстыдова,

ВАККАЛАВРА ГУМАНИСТИКИ, И БЫВШАГО УЧИТЕЛЯ ЭЛОКВЕНЦІИ И КОСМОГРАФІИ.

ВѢНЕЦЪ ПЕДАГОГІИ, ИЛИ ПРОЭКТЪ НОВАГО ВОСПИТАНІЯ.

Я былъ увѣренъ, предавая суду публики мое разсужденіе о *быть* и *казаться*, что сіе разсужденіе, сей плодъ многолѣтняго обдумыванія, подвергнется обыкновенной участи всѣхъ великихъ идей, коихъ не могутъ обнять умы обыкновенные. Такъ — предчувствіе меня не обмануло!

Одни изъ читателей моихъ говорятъ, что они ничего не понимаютъ въ философическомъ раздѣленіи предмета на *быть* и *казаться*. Съ этими и говорить нечего: кто не понимаетъ самъ, тотъ слушай другихъ и соглашайся съ ними. Не хочешь? Оспорь ихъ; но какъ-же ты станешь оспоривать, когда говоришь, что ничего *понять не можешь?* На этомъ-то и основывается важность Философіи, что ее

не понимаютъ, и по неволѣ должны соглашаться. — Другіе утверждаютъ, что я напечаталъ сатиру на современниковъ. Какая ложь, какая клевета! Люди, такимъ образомъ говорящіе, суть тѣ, которые понимаютъ дѣло, но хотятъ остаться въ добрыхъ. Наконецъ, есть еще люди, которые утверждаютъ, что мое разсужденіе самая негодная вещь, ибо я хочу привести въ систему пороки и зло, и, слѣдственно, я большой негодяй. Такимъ людямъ буду отвѣчать, что я не негодяй, а *аптекарь*, ибо толку, варю, смѣшиваю и составляю пилюли, микстуры и пластыри изъ того, что вижу вокругъ себя: коренья, и другіе аптекарскіе матеріялы пригоновили мнѣ именно эти самые люди, которые меня называютъ негодяемъ. Все заставляетъ однакожъ меня изложить здѣсь *самократчайшимъ* (какъ говорятъ подьячіе) способомъ основанія разсужденія моего о *быть* и *казаться*, дабы избѣгнуть всякихъ недоразумѣній.

Быть умнымъ, быть полезнымъ, быть счастливымъ — вотъ три положенія, на

которыхъ всѣ мы основываемъ свои надежды и планы; чего желаемъ своимъ дѣтямъ, своимъ друзьямъ. *Умъ, польза, счастіе*, составляютъ, говоримъ мы, сущность нашей жизни. Далѣе, мы знаемъ, что сіи три предмета одинъ безъ другаго существовать не должны, или они будутъ недостаточны для насъ.

Но, вотъ уже насчитали мы теперь 7338 лѣтъ, какъ человѣкъ гоняется за умомъ, пользою и счастіемъ, а все не найдетъ ни того, ни другаго, ни третьяго; если-же и находитъ онъ ихъ, то отдѣльно, и, по большой части, маленькими кусочками, какъ зеркало Истины, которое, говорятъ, бросила она, уставая съ земли, разбила, и кусочки котораго находимъ мы разбросанными по всему бѣлому свѣту, не умѣя сложить ихъ вмѣстѣ.

Между тѣмъ, приготовляясь къ исканію, или утомясь исканіемъ, одни изъ людей рѣшаются *отдохнуть*, засыпаютъ, и спятъ все время, называемое *жизнью* ихъ, спятъ спокойно, не думая ни объ умѣ, ни о пользѣ, ни о счастьѣ. Такихъ людей милліоны, и ихъ состояніе спокой-

но и прекрасно! Но, къ сожалѣнію, у иныхъ бываетъ природная безсонница, и они заснуть не могутъ; другихъ пробуждаетъ слишкомъ пріятный, или слишкомъ непріятный сонъ; третьимъ не даютъ заснуть окружающіе ихъ.

Кромѣ спящихъ, есть еще люди, которые нашедши, или получивши въ наслѣдство, по немногу ума, пользы и счастія, рѣшаются быть немножко умны, немножко полезны, немножко счастливы. И это состояніе не дурно; но вотъ бѣда: человѣкъ не довольствуется немногимъ; давай больше! До сихъ поръ, рѣдкіе примѣры умѣренности извѣстны людямъ. Притомъ, другіе люди не даютъ покоя. Всячески — обманомъ, воровствомъ, даже грабежемъ, отнимаютъ у собранія своей маленькіе кусочки ихъ ума, пользы и счастія. сами себѣ не дѣлаютъ добра, а хозяевъ лишаютъ ихъ собственности.

Наконецъ, третій разрядъ людей состоитъ изъ тѣхъ, которые увидѣли, что не только умъ, польза и счастіе не составляютъ удѣла людей, но и о томъ

еще, что такое суть, и въ чемъ состоятъ умъ, польза и счастіе, идутъ странные споры; что самые поставщики ума — философы; записные подрядчики на пользу — дѣловые люди; краснорѣчивые описатели счастія—поэты, ничего не сказали еще намъ донынѣ положительнаго. Но легко было замѣтить, что обладаніе однимъ чѣмъ нибудь, даже двумя, полноты не составляетъ. Для полноты надобно —

быть быть быть

умнымъ, полезнымъ, счастливымъ.

Въ мірѣ встрѣчаются разныя смѣшенія, только всегда неполныя, на примѣръ:

1, уменъ, полезенъ, несчастливъ,

2, уменъ, безполезенъ, несчастливъ,

3, уменъ, безполезенъ, счастливъ,

4, не уменъ, полезенъ, несчастливъ,

5, не уменъ, безполезенъ, счастливъ,

6, не уменъ, безполезенъ, несчастливъ,

и такъ далѣе, смѣшеніямъ конца нѣтъ; но—блаженнаго: въ одно время *уменъ*, *полезенъ*, *счастливъ*, едва-ли были примѣры, и именно отъ того, что еслибы такой

человѣкъ и нашелся, что другіе что нибудь у него украдутъ, или опинимутъ. Слѣдовательно—поставянъ его въ одинъ изъ шѣхъ разрядовъ, коихъ выше сего мы вычислили шесть, а могли-бы вычислить еще милльонъ сто шестидесятъ принимая дроби.

Отъ всего этого, пропала наконецъ увѣренность въ полноту. Умный не вѣритъ пользѣ и счастью; полезный не вѣритъ уму и счастью; счастливый не вѣритъ уму и пользѣ. Слѣдствія того были, что стали утверждать, будто *всякій по своему* уменъ, полезенъ и счастливъ; вошло въ повѣрье, что *нѣтъ ничего совершеннаго* на бѣломъ свѣтѣ. Это просто былъ языкъ обманутой гордости, оскорбленнаго самолюбія. Но другіе, хитрѣе своихъ собратій, выпустили монету новаго чекана, именно: *казаться*. Нѣкоторые изъ нихъ начали дѣлать ее такъ хорошо, что трудно стало различать оную отъ настоящей монеты: *быть*.—Для чего такой обманъ? Для того, что за фальшивую монету можно было вымѣнивать монету добрую. И когда она вошла во

всеобщее употребленіе, такъ, что истребить ее значило-бы рѣшительно заставить обанкрутиться цѣлый родъ человѣческій, когда притомъ она перемѣшалась, была переливаема, подновляема настоящею, словомъ: когда обладаніе тою и другою монетою дѣлало равно богачемъ, ибо число знатоковъ, не принимавшихъ фальшивой, было менѣе числа тѣхъ людей, которые брали ее въ полный курсъ, то все перемѣшалось, и явился новый порядокъ вещей. Для достиженія полноты сдѣлалось все равно: *быть*-ли чѣмъ, или только *казаться*. *Бывши* умнымъ, *казаться* полезнымъ и счастливымъ; бывши полезнымъ, казаться умнымъ и счастливымъ; бывши счастливымъ, казаться умнымъ и полезнымъ — не все-ли равно, что быть всѣмъ этимъ, когда всѣ люди съ вами согласны, и только зоркій глазъ знатока можетъ отличить вашъ поддѣлъ? Но и для знатоковъ это становится день отъ дня труднѣе, ибо люди такъ хорошо стали поддѣлывать умъ, пользу и счастіе, машина общественная такъ сдѣлалась отъ этого слож-

на, что нашъ вѣкъ рѣшительно перевѣшивается на *казаться*, а *быть* оставляетъ весьма немногимъ. И Богъ съ нимипусть гонятся за мечтою! Если большинство голосовъ на сторонѣ *казаться*, привержемся къ этой сторонѣ.

Я и привериываюсь. Вотъ и вся сущность моей Философическо-Моральной диссертаціи. Въ слѣдствіе всего мною сказаннаго, составляю слѣдующіе силлогизмы:

1-е, Утверждаютъ, что полному жизни для человѣка составляетъ умъ, польза и счастіе;

2-е, Но какъ умъ, польза и счастіе, донынѣ нигдѣ не отыскались вмѣстѣ, да и самая идея ихъ еще не опредѣлена положительнымъ образомъ, то слѣдовательно,

3-е, Въ мірѣ они существовать не могутъ, и полному жизни, конечно, составляетъ нѣчто другое.

Далѣе —

1-е, Собственное убѣжденіе человѣка и согласіе другихъ съ его мнѣніе, опредѣляютъ всему сущность и достоинство.

2-е, Если мы убѣдимся сами и убѣдимъ другихъ, что все равно *быть* или *казаться* умнымъ, полезнымъ и счастливымъ, то — слѣдовательно —

3-е, Мы дѣйствительно *будемъ умны, полезны* и *счастливы*, хотя-бы въ самомъ дѣлѣ были дураки, безполезны и несчастливы; ибо тогда, что прежде почиталось умомъ, пользою и счастіемъ, будетъ почитаться безуміемъ, безполезностью и несчастіемъ, а безуміе, безполезность и несчастіе будутъ почитаться умомъ, пользою и счастіемъ.

Повторяю: стоитъ только всѣмъ намъ рѣшиться; большинствомъ голосовъ и безъ того скоро побѣдятъ меньшее число. Не останемся въ дуракахъ передъ другими.

Мое мнѣніе, что для совершеннаго успѣха, надобно непремѣнно составить курсъ воспитанія, подъ названіемъ: *Энциклопедія познаній, для усовершенствованія рода человѣческаго, или полная система казаться умнымъ, полезнымъ и счастливымъ.*

Потомъ надобно приняться за воспитаніе юношества по сей Энциклопедіи

Такъ и быть: мы сами останемся съ старыми предразсудками; по крайней мѣрѣ, дѣтямъ нашимъ будетъ лучше насъ.

Воображаю, что мнѣ уже поручено составлять планъ воспитанія, что я уже завелъ образцовый пансіонъ, что ко мнѣ присылаютъ своихъ дѣтей дворяне, купцы, военные, старшіе. Я, каждому изъ отцовъ, богатъ-ли онъ или бѣденъ, глупъ-ли его сынъ или уменъ, обѣщаю умъ, пользу и счастіе. Какъ-же я это исполню? — Весьма легко. Я замѣню умъ, пользу и счастіе чѣмъ нибудь другимъ. — Чѣмъ-же однакожъ? — Тѣмъ, чѣмъ замѣняютъ ихъ обыкновенно: умъ — ловкою *ученостью*; пользу — хитрымъ *эгоизмомъ*; счастіе — *искусствомъ наслаждаться*.

Не подумайте, чтобы я сталъ развращать ввѣренное мнѣ юношество; напротивъ: древо познанія Добра и Зла будетъ представлено имъ съ полнымъ систематическимъ изъясненіемъ зла отъ зла происходящаго, и добра изъ добра слѣдующаго. Я не волшебникъ, не чародѣй: не могу въ самомъ дѣлѣ сдѣлать дурака умнымъ; но моя тайна заключается въ пол-

номъ и совершенномъ развитіи *науки казаться тѣмъ, что не есть въ самомъ дѣлѣ.*

Воспитаніе раздѣляя на три части: *ученое*—въ отношеніи ума; *нравственное*—въ отношеніи общей пользы; *физическое* въ отношеніи счастія жизни.

Основаніемъ всему послужатъ нѣсколько главныхъ идей, которыя войдутъ въ сущность всѣхъ трехъ частей воспитанія. Исчисляю важнѣйшія изъ сихъ главныхъ идей.

1-е, Я внушу ученикамъ, что ничего положительнаго, вѣрнаго, нѣтъ въ мірѣ; что они не должны ничему довѣрять, и ни на что не должны полагаться; что все въ мірѣ мгновенно, ничтожно, одновременно.

2-е, Я внушу имъ, что въ мірѣ ничего нѣтъ общаго, къ одной цѣли стремящагося. Противъ жизни поставлю имъ смерть; противъ возрожденія разрушеніе; въ веснѣ покажу имъ зародышъ зимы, и колыбель младенца представлю гробомъ.

3-е, За тѣмъ, разрушивъ всѣ идеи о Человѣчествѣ, о единствѣ въ мірѣ, покажу, что каждый изъ насъ есть центръ самъ

себѣ, и всему, что его окружаетъ; что чѣмъ обширнѣе у кого средства наслаждаться, продолжать наслажденія и умножать, разнообразить ихъ, тѣмъ тотъ изъ насъ счастливѣе; но,

4-е, Поелику каждый изъ людей имѣетъ право объявлять требованіе на участокъ счастія, какъ объявляетъ ты самъ, то идея общей пользы состоитъ въ искусствѣ уживаться съ людьми, и дѣйствовать ими въ свою пользу, такъ, что бы они думали, будто ты живешь и дѣйствуешь въ ихъ единственно пользу, забывая о себѣ самомъ. Для сего —

5-е, Я разоблачу людей отъ всѣхъ мнимыхъ добродѣтелей, которыя помнимъ мы по преданію, но которыя въ самомъ дѣлѣ уже не существуютъ. Для сего я разстрою въ основаніи самую идею о добрѣ, показавъ, что одинъ почитаетъ добромъ то, что другому кажется зломъ; что благо одного бываетъ зломъ для другаго; что нѣтъ двухъ человѣкъ, которые рѣшительно согласились-бы во всемъ, и что если вы не раздражаете людей, и, напротивъ, умѣете поладить съ

ними, показать каждому отдѣльно, что вы *ему* не мѣшаете, то въ общности можете дѣлать, что вамъ угодно. Изъ сего извлеку я понятіе объ общественномъ человѣкѣ, или гражданинѣ, которымъ всѣ будутъ довольны. Для уравненія-же сей идеи,

6-е, Составлю понятіе, каковъ долженъ быть человѣкъ вообще. Я докажу, что онъ долженъ, поставивъ себя всему основаніемъ, казаться равнымъ всѣмъ и каждому, и считать всѣхъ равными, поколику можетъ онъ употреблять каждаго для своей пользы. Въ слѣдствіе сего, долженъ онъ отказаться отъ всякаго первенства умомъ и добромъ надъ подобными себѣ, отказаться отъ своего мнѣнія, своихъ страстей, и порывовъ къ тому, къ чему порывовъ не находитъ онъ въ окружающихъ его. Онъ долженъ быть рѣшительно орудіемъ другихъ, пока не можетъ сдѣлать ихъ своимъ орудіемъ, долженъ самъ слушаться, когда не можетъ заставить слушаться. Но, какъ —

7-е, Цѣлью жизни должно быть наслажденіе, то для доставленія къ сему средствъ

долженъ онъ превышать другихъ во всѣхъ отношеніяхъ, тщательно это скрывая, хотя и безпрерывно о томъ думая. А какъ все равно, въ самомъ-ли дѣлѣ *быть*, или *казаться* превышающимъ, то и должно пріобрѣсть возможныя удобства и средства казаться всѣмъ, чѣмъ только будетъ потребно.

Такимъ образомъ, Мм. Гг., сими общими идеями достигну я великой цѣли: уравненія общаго, безмолвія пылкихъ страстей, погашенія сильныхъ характеровъ, превосходной мысли — не мѣшать никому, только-бы тебѣ не мѣшали, и всѣмъ жертвовать для самаго себя, когда можетъ это сдѣлать. Я не буду учить пороку и злодѣянію. Кто имѣетъ цѣлію жизни наслажденіе, тотъ злодѣемъ не будетъ, ибо злодѣйствовать не дадутъ вамъ безнаказанно, а наказаніе не есть уже наслажденіе. Сверхъ того, пороки не даютъ спать спокойно, и наслажденіе ихъ соединено съ большими неудобствами. Моя цѣль — охлажденіе ко всему, выходящему изъ общаго порядка, эгоизмъ тихій,

спокойный, думающій только о себѣ. Все это я украшу цвѣтами. Напримѣръ:

ПРАВОУЧЕНІЕ I.

Не противорѣчь никогда и никому, ибо ты ни въ чемъ не можешь быть увѣренъ; самоувѣренность есть глупая гордость, а гордость порокъ, и оспоривая ближняго, ты оскорбляешь его невинное самолюбіе, не будучи увѣренъ въ своей правотѣ.

ПРАВОУЧЕНІЕ II.

Никогда не вмѣшивайся въ ссору другихъ, хотя-бы тебѣ и казалось, что одинъ правъ, а другой виноватъ; ты не можешь быть въ этомъ увѣренъ, и можешь невинно оскорбить праваго, ибо наружность обманчива.

ПРАВОУЧЕНІЕ III.

Старайся быть со всѣми въ мирѣ, а для того не вмѣшивайся ни во что, что до тебя не касается. Кротость есть добродѣтель. Кто со всѣми соглашается, съ тѣмъ только нахалъ и глупецъ не согласится.

ПРАВОУЧЕНІЕ IV.

Избави тебя Богъ, въ какомъ-бы то ни было случаѣ, противиться тому, кто

тебя сильнѣе и богаче. Помни пословицу нашихъ стариковъ: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тягайся.

НРАВОУЧЕНІЕ V.

Что и какъ у людей дѣлается, пусть такъ и дѣлается. Когда ты принялся исправлять, не значитъ-ли это, что ты осуждаешь поступки ближняго, а осужденіе другаго есть порокъ. И почему ты знаешь, что лучше другихъ вздумалъ? Такое самолюбіе не извинительно.

Спрашиваю, Мм. Гг., что худаго, или предосудительнаго, въ сихъ правилахъ? А между тѣмъ, они истинныя правила *казаться*, а *не быть*. Ихъ украшу я, примѣнивъ къ баснямъ, апологамъ, и проч. и проч. Всѣ люди слѣдуютъ имъ, только не сказываютъ этого. Моя-ли вина, что я откровененъ?

Теперь, слѣдовало-бы мнѣ изложить подробности моего курса воспитанія. Но, такъ какъ онѣ составляютъ у меня большую книгу, то я могу представить только самую краткую выписку. Кто понялъ

главныя мои идеи, тотъ угадаетъ и подробности.

Казать я, а *не быть* — основаніе. Изъ сего слѣдуетъ, что охолодивъ, уравнивъ общими идеями моихъ воспитанниковъ, я поведу ихъ слѣдующимъ образомъ.

Образованіе умственное. Недостатокъ своего ума замѣнять умомъ другихъ. По поелику безъ ума быть ученымъ невозможно, а приномъ ученіе требуетъ трудовъ, трудъ-же не есть наслажденіе, то —казаться ученымъ. А для сего —

Ученіе должно начинать только средствомъ, а не цѣлію жизни. Здѣсь главное: должно казаться *просвѣщеннымъ* человѣкомъ.

1, Ученикамъ представлять Энциклопедическое обозрѣніе всѣхъ наукъ и знаній.

2, Имъ открываютъ слабую сторону каждой науки и каждаго знанія, чтобы они могли привести въ затрудненіе, и посмѣяться надъ знаніемъ, какъ надъ суетою.

4, Имъ растолкуютъ техническія слова каждаго знанія и каждой науки, чтобы они говоря, напримѣръ: *индивидуально*, *субъектъ*, *объектъ*, *поляризація*, *синусъ*,

таньенсъ, потребленіе, торговый балансъ, могли показать, будто они знаютъ Философію, Физику, Математику, Политическую Экономію.

4, Имъ покажутъ важнѣйшіе пункты несогласенія ученыхъ; научатъ искусству говорить много, не сказавши ничего; искусно уклоняться, когда они попались на знатока. Потомъ дадутъ имъ выучить имена знатнѣйшихъ людей по каждой наукѣ, и въ книгахъ этихъ людей укажутъ замѣчательнѣйшія мѣста.

5, Въ высшемъ классѣ научатъ ихъ составлять, въ случаѣ нужды, разсужденія и диссертаціи изъ чужаго; особливо изучать ихъ важному искусству пользоваться чужими цитатами.

6, Наиболѣе приложатъ стараніе учить ихъ всему блестящему, какъ сорокъ, на память. Обогащеніе памяти стихами, сказками, цитатами, годами важнѣйшихъ событій по Исторіи, и проч., будетъ однимъ изъ главныхъ предметовъ заботы.

Образованіе физическое. Оно должно быть устремлено къ тому, дабы доставить

всевозможные способы для собственнаго наслажденія, и для того, чтобъ быть пріятнымъ для другихъ. Здѣсь главное: должно казаться *образованнымъ* человѣкомъ.

1-е, Научать воспитанниковъ, *по рутинѣ*, безъ книгъ и бумаги, говорить на нѣсколькихъ языкахъ.

2-е, Научать Музыкѣ, безъ всякой идеи о семъ Изящномъ Искусствѣ; но такъ, чтобы они могли сыграть трудную пьесу, аккомпанировали, умѣли что нибудь спѣть, и особенно умѣли-бы судить о Музыкѣ, не зная оной.

3-е, Выучать ихъ танцовать, стрѣлять въ цѣль, биться на рапирахъ, плавать, прыгать — словомъ: пройдутъ съ ними весь курсъ модной Гимнастики.

4-е, Выучать ихъ играть во всѣ возможные роды карточныхъ игоръ. Профессоры нарочно будутъ сидѣть съ ними по нѣскольку часовъ, чтобы пріучить ихъ играть въ вистъ съ старухами и стариками. Въ высшемъ классѣ покажутъ имъ главнѣйшіе карточные обманы. Билльярдъ кегли, колечко, и другія игры, будутъ важ-

ными предметами уроковъ. Верховая ѣзда только до такой степени, чтобы ученикъ могъ красиво проѣхать на лошади.

5-е, Заставять учениковъ изучатьея декламаціи, и посему театръ будетъ важнымъ ихъ упражненіемъ. Попеременно станутъ заставлять ихъ играть разныя роли, такъ, чтобы потомъ ученикъ въ совершенствѣ игралъ роль любовника, печальнаго, веселаго, друга, брата, отца, сына, и проч.

6-е, Покажутъ имъ множество фокусовъ и увеселительныхъ штучекъ, которыми можно занять общество. Мимика покажется имъ особенно, чтобы они могли потомъ, глазами, лицомъ и всѣмъ тѣломъ, принимать такое выраженіе, какое имъ надобно. Сущность шарадъ, каламбуровъ, омонимовъ, будетъ показана имъ вполнѣ.

Касательно образованія Нравственнаго, не почитаю за нужное распространяться, ибо изъ общихъ идей и изложенія воспитанія умственнаго и физическаго, можно видѣть,

1-е, что ученикамъ растолкуютъ

истинное основаніе философическаго эгоизма;

2-е, научать ихъ казаться чѣмъ угодно;

3-е, внушать, что они должны подчиняться другимъ, съ цѣлью подчинить потомъ себѣ другихъ, и употреблять ихъ, какъ средства;

4-е, задушать въ нихъ всѣ неопредѣленные порывы души, всѣ страсти; представлять имъ міръ въ погонѣ его, и располагать временность и неопредѣленность всего, кромѣ сущности собственнаго наслажденія.

Въ слѣдствіе того, между многимъ другимъ, что составитъ опредѣленіе Нравственнаго образованія —

Научать воспитанниковъ вникать въ характеры другихъ, со всею тонкостію, и преподадутъ имъ теорію угодливости, ласкательства, подлаживанія, искусства сторонъ, для того, чтобы согласиться, и науки управлять страстями и склонностями другихъ въ свою пользу. Все сіе раздѣлится на части, напримѣръ: въ отношеніи начальниковъ, ровни и подчиненныхъ, стариковъ и старухъ, людей бо-

ганныхъ, людей знатныхъ, людей разбогатѣвшихъ. Множество подраздѣленій явится само собою. Спаруха, напримѣръ, будетъ философически и физіологически разсматриваема—

1-е, *Въ отношеніи лѣтъ.* Чѣмъ она можетъ быть: женою, или покровительницею, или другомъ?

2-е, *Въ отношеніи званія.* Кто она: жена начальника, или родня знатнаго, или мать богатой невѣсты?

И такъ далѣе. — Не будутъ забыты приномъ и практическіе уроки. Чтобы воспитанники не могли быть обмануты въ послѣдствіи, ихъ станутъ изучать искусству лгать безстыдно, притворяться скучными, когда имъ весело, веселыми, когда имъ скучно, искусству занимать и не отдавать, и проч., во что попадаются неопытные молодые люди, вступая въ свѣтъ, безъ предварительнаго приготовленія въ училищахъ, подобныхъ предполагаемому мною.

Таковы, Мм. Гг., основанія приведенной мною въ систему великой *науки казать-*

ся, науки, которая болѣе и болѣе начинаетъ внѣдряться между людьми. Таковъ планъ воспитанія, извлеченный мною изъ долговременнаго наблюденія надъ людьми. Повѣрьте его собственнымъ опытомъ, повѣрьте, и — вы конечно воскликнете: «

Онъ правъ: »се общество, котораго я членъ! «

Почитаю излишнимъ оправдываться и дѣлать выводы, изъ всего мною говореннаго. И если даже кто нибудь станетъ утверждать, что я не то думаю, что говорю, и не то я самъ, чѣмъ кажусь — спорить не стану. Это будетъ новымъ доказательствомъ, какъ по неволѣ должно *казаться* не тѣмъ, что есть въ самомъ дѣлѣ.

Добраго вамъ здоровья, почтенный читатель! Въ этомъ отношеніи, я искренно желаю, чтобы вы въ самомъ дѣлѣ *были*, а не *казались* только здоровымъ.

ТРИ ДНЯ

ВЪ

ДВАДЦАТИ ГОДАХЪ.

СЦЕНЫ ИЗЪ ОБЫКНОВЕННОЙ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЖИЗНИ, ВЪ РАЗГОВОРАХЪ ПРЕДСТАВЛЕННЫЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Громовъ, Флеровъ, Козельскій, Леоновъ, Мыслинскій, Тирскій,	*ровесники и соученики, бывшіе вмѣстѣ въ одномъ училищѣ.*

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ.

Громовъ, Флеровъ, Мыслинскій, Леоновъ, Козельскій, Тирскій, *сидятъ за однимъ столомъ; передъ ними бутылки, стаканы и рюмки.*

Флеровъ. И такъ, Громовъ, твои дѣла теперь идутъ ладно?

Громовъ. Какъ нельзя лучше. Дядя все простилъ мнѣ. Снова шкатулка моя набита деньгами; ремонтъ мой будетъ чудо! Я приведу его, получу благодарность, чинъ, крестъ — далѣе, далѣе....

Флеровъ. И ты даешь рѣшительный зарокъ....

Громовъ. Не дурачиться, сколько гусаръ, лихой и удалый, можетъ это сдѣлать—даю, и вотъ тебѣ рука моя!

Козельскій. Послушай, душа моя! Ты не понимаешь важности того, что требуетъ отъ тебя другъ нашъ, Флеровъ, и всѣ мы, друзья твои. Послѣ всего, что

здѣсь было говорено, не такого отвѣта доспрашиваюсь я у твоего сердца.

Громовъ. Да, послѣ того, что здѣсь выпито, и не такая голова, какова моя, будетъ разпорѣчитъ съ сердцемъ.

Тирскій. Ты оспориваешь старую истину: in vino veritas.

Громовъ. Я подтверждаю эту истину собою.

Тирскій. Сердце не противорѣчитъ головѣ, когда она говоритъ правду.

Громовъ. Ахъ! какъ часто—чортъ побери, какъ часто сердце не любитъ холодныхъ истинъ головы.... Да безъ этого и жизнь не была-бы наукою тяжелою

Флеровъ. Не для тебя должна она быть тяжелою, а для другихъ твоихъ товарищей.

Громовъ. Нѣтъ, именно не для другихъ, а для меня! Вамъ надобно только оставаться тѣмъ, что вы есть, а мнѣ представляетъ она тысячи обольщеній. Хорошо, еслибы всего себя можно было также закручивать по волѣ, какъ крутитъ свой гусарскій усъ....

Тирскій. Ты съ трудомъ сражаешься

пронивъ удобствъ жизни, но другіе должны сражаться съ неудобствами; ты жалуешься на силу, другіе на бѣдность силъ....

Громовъ. Только не силъ души, надѣюсь, а при всякой, другой бѣдности добро легче, друзья мои! Мы собрались здѣсь, товарищи, можетъ быть, въ послѣдній разъ.... Кто знаетъ: кому изъ насъ суждено еще разъ видѣться съ друзьями? Здѣсь смѣло указываю я на васъ, и говорю: Вотъ пятеро друзей моихъ — они всѣ благородны, всѣ назначены для добра въ свѣтѣ!

Козельскій. Такъ, такъ, Громовъ! Дай обнять себя.

Флеровъ. Онъ перебилъ мою рѣчь. Вы упрекали меня всегда, и говорили, что я *боленъ системами*; но повѣрьте мнѣ, товарищи, что безъ системъ въ жизни, дѣло плохо. Если-бы Громовъ убѣдился въ этомъ, то, посмотрѣли-бы вы чтобъ онъ могъ сдѣлать....

Громовъ. Что-жъ я такое дѣлаю? Пусть кто нибудь изъ васъ упрекнетъ меня — припомнитъ мнѣ....

Флеровъ. Какую нибудь подлость, низость, любою сдѣланныя? Но послѣ того, могъ-ли бы мы оставаться нашимъ другомъ? Ты забываешь, Громовъ, что мы осмѣливаемся причислить себя къ людямъ, *отличеннымъ Зевеса любовію.* Намъ должно не только прожить не дѣлая зла: это участь толпы—Нѣтъ! для насъ впереди завидная судьба: дѣйствовать и быть полезными другимъ, тѣмъ, что дали каждому изъ насъ мать-природа и общая дружба наша, освященная завѣтомъ на прекрасное и великое. Всѣ мы въ одно время вступили въ свѣтъ: дадимъ-же руку, и поклянемся жить для блага ближнихъ!

Всѣ. Клянемся!

Громовъ. И да будетъ тотъ наказанъ общимъ всѣхъ насъ презрѣніемъ, кто измѣнитъ клятвѣ! Не я измѣню ей первый....

Всѣ. И не я, и не я!

Громовъ. Но послушай, Флеровъ, я не умѣю говорить такъ хорошо, какъ ты, и часто не могу даже изъяснить себѣ того, что чувствую. Скажи, что я дол-

жень по своему дѣлать? Рубишься, служишь — я буду славно; бездѣльникомъ никогда не буду, или пусть поперхнусь иногда первою клятвою *той*, которую не отдамъ за цѣлый вѣкъ славы и счастія!

Флеровъ. Для этого всѣ мы условились провести сегодня вечеръ вмѣстѣ. Завтра мы ѣдемъ; Тирскій и Леоновъ ѣдутъ послѣ завтра; я пробуду еще съ недѣлю здѣсь — и такъ, судьба опять разбросаетъ насъ *по всѣмъ дорогамъ міра*. Пусть же каждый изъ насъ унесетъ съ собою память нынѣшняго вечера, какъ обѣтъ на добро и честь!

Мыслинскій. Да никогда не коснется бокала дружескаго съ такимъ наслажденіемъ, съ какимъ я беру его теперь въ руку, тотъ, у кого въ душѣ изгладится сегодняшній вечеръ!

Всѣ. Браво!

Флеровъ. И такъ, друзья мои, слушайте.

Леоновъ. Говори, нашъ будущій Пиринъ! Господа, hear, hear!

Флеровъ. Судьба свела насъ съ разныхъ концовъ земли, изъ разныхъ состояній

соединила дружбою характеры разнообразные; но всѣ мы питали другъ къ другу одинакое чувство, всѣ мы были добры одинаково, презирали низкое одинаково — и ты, мечтатель мой, Мыслинскій, и ты, разсудительный Козельскій, и ты хитрый Тирскій....

Громовъ. И ты, краснорѣчивый Флеровъ, и я, вѣтреникъ Громовъ.

Флеровъ. Теперь мы оставили счастливый пріютъ училища, гдѣ жили всѣ вмѣстѣ. Юные и бодрые, вступили мы на поприще жизни. Нечаянно, черезъ два года, мы опять здѣсь столкнулись.... Говорите: кто что началъ? Всѣмъ-ли вамъ улыбалась судьба въ эти два года?

Мыслинскій. Я первый начну вамъ мою исповѣдь. Разставшись съ вами, я уѣхалъ въ свой уголокъ. Маленькое имѣніе мое настоящій рай, а она, которая оживляетъ этотъ рай — моя прелестная сосѣдка — истинный ангелъ! Сколько прекрасныхъ плановъ для твореній великихъ запало въ душу мою! Товарищи! Мыслинскій не посрамитъ васъ. Счастливый тихимъ жребіемъ, онъ будетъ вамъ напоминать

своими творениями о себѣ. Я любимъ, друзья, а кто мечтаетъ о славѣ и блаженъ любовью — тотъ....

Тирскій. Тотъ будетъ поэтомъ великимъ. И знаешь-ли, что твои отрывки, Мыслинскій, приводятъ всѣхъ въ восхищеніе? Желтяковъ, читая стихи твои, увѣрялъ, что ты превосходно понимаешь духъ нѣмецко-классическихъ созданій, и что переводъ твой изъ Лукреція гораздо лучше Понжервилева.

Громовъ. И ты любимъ, счастливецъ?

Мыслинскій. Любимъ. Ахъ! если-бы вы видѣли слезы, которыя украдкою катились изъ глазъ ея при разлукѣ, изъ этихъ глазъ....

Громовъ. Голубыхъ, или черныхъ?

Мыслинскій. Тѣмъ! цвѣтъ ихъ походитъ на цвѣтъ бурнаго облака.... въ нихъ таится буря Поэзіи!

Флеровъ. Довольно, поэтъ! Говори, Тирскій: ты также избралъ для себя литературу предметомъ занятій?

Тирскій. И до сихъ поръ вижу только увеличивающіяся надежды — быть чѣмъ нибудь достойнымъ всѣхъ васъ, друзья мои! Я учусь безпрестанно; поприще

обширное! Наши Баннё, наши Лагарпы— гдѣ они? Карамзины показали намъ образцы, но еще работы бездна. И что странно, друзья мои: я совсѣмъ не встрѣтилъ убійственнаго равнодушія въ людяхъ ученыхъ; всѣ рады подкрѣплять, одобрять меня. Послѣднюю статью мою о Лагарповомъ разборѣ Заиры, и другую о нелѣпости Англійской Драмы, всѣ они читали съ восторгомъ. Теперь я началъ статью о Россіядѣ.

Козельскій. Ты мнѣ читалъ ее — прелесть! Особливо гдѣ ты сравниваешь Генріяду съ Россіядою, и доказываешь превосходство Русской эпопеи.

Флеровъ. О себѣ и Леоновѣ, я могу разсказать вамъ, друзья мои. Мы оба пріѣхали съ нимъ въ Петербургъ вмѣстѣ, и вмѣстѣ вступили въ службу. Онъ, по своему состоянію и связямъ, могъ выбрать службу блестящую, и крестъ, къ которому онъ уже представленъ, докажетъ вамъ, какъ удачно служилъ онъ. Награду эту получаетъ онъ — обнимите его, друзья! — за то, что вывелъ наружу плутни старшаго секретаря. Я не

могъ занять мѣста столь выгоднаго, какъ онъ, но избралъ занятіе довольно тяжелое. Добрый начальникъ скоро отличилъ меня однакожъ между другими подчиненными, и я всего могу надѣяться отъ моего трудолюбія, моей умѣренности, моей скромности.

Леоновъ. Словомъ: ты стоишь того, чтобы каждый изъ насъ крѣпко пожалъ твою руку.

Козельскій. Пожми-же и мою. Нетерпѣливо жду войны, которую намъ давно обѣщаютъ, а между тѣмъ я смѣло гляжу на друзей моихъ. Въ полку, гдѣ теперь служу я, меня считаютъ отличнымъ офицеромъ; производства у насъ не легки, но общество офицеровъ прекрасное и всего ожидать можно въ будущемъ.

Флеровъ. Громовъ! теперь твоя череда. Что-жъ ты молчишь?

Громовъ. Меня едва не выгнали изъ полка за три дуэля, и передъ вами, друзья, могу ли скрываться? Мечта о славѣ, о пользѣ, душитъ меня; но что мнѣ дѣлать! Я только шалю; миръ для гусара

ночная ржавчина; онъ только порчитъ насъ; дайте мнѣ дождаться войны, и тогда —

Козельскій. Неправда: онъ лженъ на себя! Загляните къ нему—и подъ Грекуромъ вы найдете у него томъ Лойда, а кипы плановъ и бумагъ....

Громовъ. И къ чему все это? Что я, гусарскій корнетъ, могу сдѣлать? Будь война: я вырублю себѣ генеральство, и тогда вы узнали-бы Громова.

Флеровъ. Ты ошибаешься, милый другъ! Надобно приготовиться *теперь: тогда* будетъ поздно. Всѣ мы, что такое? Мыслинскій и Тирскій только начинаютъ дѣло; мы съ Леоновымъ маленькіе чиновники; ты и Козельскій молодые Офицеры; но будетъ время, будемъ только стремиться къ великому и прекрасному, и кто знаетъ будущее! Почему тебѣ и Козельскому не воскресить Суворовыхъ и Румянцовыхъ; почему Мыслинскому и Тирскому не быть новымъ Херасковымъ, или нашимъ Лагарпомъ, нашимъ Блеромъ; почему и мнѣ съ Леоновымъ не сдѣлаться важными чинов-

никами въ государствѣ? Три пути различные, шесть человѣкъ, съ умомъ и душею, людей новаго поколѣнія, на этихъ путяхъ....

Громовъ. Мечта!

Мыслинскій. Этого я не ожидалъ отъ тебя. Можно-ли, при твоей вѣтренности, такъ холодно смотрѣть на жизнь, такъ мало ждать отъ нея?

Громовъ. Ты поэтъ, и долженъ молчать. Все твое въ бурныхъ глазахъ твоей Аминты или Аглаи. Но не уже-ли ты думаешь, что жизнь можно, какъ канву, вышивать какими тебѣ угодно рисунками?

Флеровъ. Но отъ насъ зависитъ заключать въ самихъ себѣ желаніе добра. Люди, вѣрь мнѣ, добрѣе, нежели объ нихъ говорятъ. Они сами хотятъ себѣ и другимъ добра, и вотъ тебѣ пять человѣкъ, которые вступили въ міръ, прожили два года въ разныхъ мѣстахъ, съ разными людьми, и говорятъ тебѣ о людяхъ и о мірѣ, съ улыбкою и съ надеждою.

Громовъ. Благодарите за это судьбу; но я въ эти два года обыгранъ былъ навѣрную людьми, которые называли себя моими друзьями; обманутъ двумя шалуньями, изъ которыхъ по одной вздыхалъ два, а по другой четыре мѣсяца.... Четыре мѣсяца — Великій Боже! это вѣчность любви для гусара! Наконецъ, дядя мой чуть не лишилъ меня наслѣдства, и за что-же? Что надобно было заплатить за меня полсотни тысячъ, а у него двѣ сотни дохода, и я одинъ наслѣдникъ....

Флеровъ. Шутишь-ты, или нѣтъ?

Громовъ. И не думалъ шутить!

Флеровъ. Какъ-же ты не видишь, что всему ты самъ былъ причиною?

Громовъ. Чортъ возьми — *самъ!* Да въ нашемъ полку—по шалостямъ я послѣдній, я настоящій Философъ! Я-ли виноватъ, что люди, и мужчины и женщины, такъ злы, такъ негодны, что безъ совѣсти кокетничаютъ, обыгрываютъ.... (*вынимаетъ медальонъ*) Ангелъ! если и ты меня обманешь, клянусь размозжить себѣ голову,

и оставить друзей моихъ искать добраго и прекраснаго въ мірѣ!

Флеровъ. Въ природѣ свѣтъ и тѣнь необходимы; пусть только мы будемъ хороши....

Мыслинскій. Пусть только сердце наше будетъ всегда горящимъ солнцемъ любви, въ груди будетъ вѣчный полдень добра, а въ головѣ утро надежды!

Громовъ. Но не уже-ли всѣ вы только доброе и хорошее встрѣтили въ эти два года?

Мыслинскій. Кто-жъ это говоритъ! И въ Драмѣ необходимы злодѣи и негодяи; отъ этого интересъ драмы; но мы должны быть выше всего этого, переносить себя въ міръ идеаловъ, и забывать ничтожное, когда при томъ въ существенности всегда найдемъ много истинно-изящнаго.

Леоновъ. Смѣло всегда пойду я на встрѣчу зла и порока, и дикіе глаза его потупятся передъ моими.

Козельскій. Вѣрьте, что человѣкъ самъ создаетъ событія въ жизни. Кому обширное, большое поприще, тотъ оставитъ на немъ эпохи; кому маленькое, тотъ оставляетъ слѣды своего стремленія къ добру.

Громовъ. Что вы хотите доказать мнѣ? Если то, что ни при какихъ обстоятельствахъ мы не должны измѣнять обычу чести и славы, и безъ клятвы нашей, въ которой искренно участвовалъ я — это я всегда докажу вамъ, друзья мои! Но не отъ насъ зависитъ быть счастливымъ, и дѣйствовать для блага другихъ; въ этомъ я — почти увѣренъ!

Флеровъ. Если мы сами не убѣдимся въ противномъ, я согласенъ съ тобою; но, милый другъ, увѣренность въ чемъ нибудь есть судьба наша, и самый геній, какъ говорилъ Бюффонъ, есть терпѣніе въ величайшей степени. Ты встрѣтишь людей двухъ разборовъ: одни выше тебя, другіе ниже.

Громовъ. Черезъ однихъ надобно переступать, а черезъ другихъ прыгать; не такъ-ли?

Флеровъ. Ты все шутишь.

Громовъ. И если-бы я могъ прошутить всю жизнь!

Тирскій. Безъ всякаго другаго, болѣе высшаго направленія жизни — можно-ли?

Флеровъ. Дайте мнѣ ему доказать....

Мыслинскій. Дайте мнѣ: я скорѣе дощупаюсь у него сердца; голова у него всегда сердца слушалась....

Леоновъ. Я не захотѣлъ-бы жить, безъ надежды дѣйствовать, и оставить свѣтъ, не переживши себя въ дѣлахъ своихъ.

Тирскій. Плачь обо мнѣ, какъ объ умершемъ, когда подобное чувство погасне въ душѣ моей. — Но Козельскій уже дремлетъ.... Послушай—

(*Споръ и шумъ.*)

Леоновъ. Съ ними не сговоришь!

Громовъ. Вы всѣ философствуете прекрасно; но право жизнь не стоитъ того, чтобы много толковать. Руку на сердце всегда смѣло положу я, и въ груди моей каждый изъ васъ найдетъ прежнюю душу....

Мыслинскій. Больше и не требуйте отъ него: онъ нашъ душою.... Леоновъ! Гдѣ твоя гитара? Споемъ опять хоръ нашъ.

Козельскій. Настоящій пѣтъ! Даже читать и пѣть свое любитъ.... да и прелестная пьеса.

Мыслинскій. Душа сказалась въ ней.

Всѣ. Споемъ, споемъ!

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Друзья! на радость созданы
И Божій міръ, и сердце наше;
Намъ радость и любовь даны,
Чтобъ міръ прекрасный былъ намъ краше.

На счастье въ мірѣ человѣкъ:
Съ нимъ все привѣтливо дружится,
И наша жизнь, нашъ краткій вѣкъ,
Стрѣлою счастія здѣсь мчится.

Полюбимъ все, что въ мірѣ есть,
Всѣ люди братья намъ родные....

Леоновъ. Какъ бишь далѣе этотъ куплетъ? Совсѣмъ нѣтъ памяти!

Мыслинскій. Да вѣдь ты давича пѣлъ?

Леоновъ. Забылъ! Какъ бишь.... у тебя былъ списокъ....

Мыслинскій. Въ самомъ дѣлѣ (*ищетъ въ бумажникѣ*).

Тирскій. Ты каждому изъ насъ спишешь?

Мыслинскій. Непремѣнно.... Какая досада, не сыщу!

Громовъ. Ахъ! прочтии твой мадригалъ: они еще не слыхали, а это прелесть! Точно въ духѣ Дорана....

Всѣ. Прочтии, прочтии!

Мыслинскій. И въ какія минуты счастія былъ онъ написанъ! (*читаетъ*).

ХЛОЁ.

О, Хлоя милая! зачѣмъ желать вѣнцовъ,
И славы, и побѣдъ, слезами окропленныхъ?
Нѣтъ! Я не приведу къ стопамъ твоимъ рабовъ,
Не приведу къ тебѣ героевъ, мной плѣненныхъ:
Тобою побѣжденъ, тобой плѣненный самъ,
Я тихую мою и счастливую долю,
За блескъ, и почести, и славу не отдамъ,
И волѣ предпочту блаженную неволю!

Всѣ. Браво!

Громовъ. Ты истинный поэтъ!

Мыслинскій. Поэзія и Любовь, Дружба и Вино!

Громовъ. Слава и сабля! За здоровье Адели!

Мыслинскій. За здоровье Кати! Музы и Граціи благословите ее!

Тирскій. Вѣчная дружба!

Всѣ. Вѣчная дружба!

Тирский. Читай монологъ твой изъ трагедіи, которую ты началъ.

Мыслинский. Изъ моего *Артаксеркса*? Да вѣдь еще не отдѣлано....

Флеровъ. Все равно.

Мыслинский. Помнишь: Камбизъ, Принцъ Мидійскій, приведенъ въ цѣпяхъ передъ тирана.

И ты помыслить могъ, что смѣлою душой,
Тиранъ! я преклонясь, робѣя предъ тобой?
Что трепеща угрозъ, что устрашаясь смерти,
Я! славу и любовь въ душѣ возмогъ-бы стерпти?
Нѣтъ, нѣтъ! скорѣй паденъ во прахъ моя глава,
Чѣмъ душу устрашатъ твои, злодѣй, слова!
Могила славная—славнѣе, чѣмъ корона,
Подобная твоей. И чести, и закона
Ругатель, хищникъ, врагъ и Бога и людей,
Внимай упрекъ моихъ безтрепетныхъ рѣчей:
Меня, на смерть тобой, на гибель обреченна,
Со славой вознесенъ пространная вселенна;
А ты, на тронѣ рабъ страстей и тяжкихъ думъ,
Изчезнешь такъ, какъ вѣтръ Аравіи Самумъ,
Въ пустыняхъ гибелью полетъ свой означая,
И память о себѣ проклятьемъ оставляя....

(*Бьетъ три часа*).

Громовъ. Боже мой! Уже три часа, а мнѣ еще тма дѣла, и завтра ѣхать....

Тирский. И намъ надобно спѣшить....

Леоновъ. Друзья, прощайте! Завтра всѣ къ Громову....

Козельскій. Всѣ, всѣ! Дружба и Честь!

Мыслинскій. Любовь и Поэзія!

Леоновъ. Память о сегодняшнемъ вечерѣ нашемъ! (*прощаются, обнимаются, идутъ*).

Тирскій. (*идя за другими*).

Да свѣтлѣетъ дружба наша
И даритъ друзьямъ покой,
Какъ вино свѣтлѣетъ въ чашѣ,
Осребряемо луной!...

ДЕНЬ ВТОРОЙ,

ЧЕРЕЗЪ ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ПОСЛѢ ПЕРВАГО.

Тирскій и Леоновъ (*ходятъ по комнатѣ*).

Леоновъ. Они нейдутъ.

Тирскій. Видно, что и не будутъ.

Леоновъ. Да кого изъ нихъ ждешь ты къ себѣ?

Тирскій. Козельскій и Мыслинскій хотѣли непремѣнно придти, проводить тебя; Громовъ также хотѣлъ заѣхать.

Леоновъ. Давно-ли ты видѣлъ Мыслинскаго?

Тирскій. Вчера.

Леоновъ. Что онъ?

Тирскій. Здоровье его совершенно разстроивается, и едва можно узнать нашего поэта въ сухой его фигурѣ, съ желтымъ лицомъ.

Леоновъ. Онъ вовсе не бережетъ себя.

Тирскій. «Не для чего» — отвѣчаетъ

онъ мнѣ всегда, когда я говорю ему тоже самое.

Леоновъ. Жаль!

Тирскій. Кого-жъ не жаль, мой другъ, изъ всѣхъ старыхъ товарищей нашихъ?

Леоновъ. Прошу меня однакожъ уволить изъ числа *жалкихъ*. Завидуй мнѣ сколько хочешь, а жалѣть обо мнѣ я не прошу никого.

Тирскій. Не сердись, мой милый, и сдѣлай милость хоть со мною оставайся *прежнимъ* Леоновымъ.

Леоновъ. Я не меняю, и это доказалъ моею жизнію, до сихъ поръ.

Тирскій. Кто-жъ въ этомъ сомнѣвается; но если ты находишь перемѣну въ Мыслинскомъ, то не уже-ли не видишь ее въ себѣ? Ты не дурачишься, какъ Мыслинскій; ты скрываешь, таишь свою скорбь и досаду; но за то вся тяжесть лежитъ у тебя на сердцѣ и давитъ тебя, какъ свинецъ (*вѣсетъ*)....

Леоновъ. Какое-жъ кому дѣло?

Тирскій. Тѣмъ дѣло, кто тебя любитъ.

Леоновъ. (*горестно улыбаясь*) Развѣ есть

еще такіе люди, *такіе глупцы* — хотѣлъ я сказать....

Тирскій. Леоновъ!

Леоновъ. Что еще?

Тирскій. Ты обижаешь меня (*Леоновъ улыбается*). Двѣ недѣли прожилъ здѣсь, и ни однажды еще не открылъ сердца своего мнѣ, твоему другу! Чѣмъ заслужилъ я такую недовѣрчивость? Если другіе охолодили твою душу до такой степени, что ты возненавидѣлъ людей, то меня-ли ты причислишь къ другимъ, къ ненавистнымъ для тебя людямъ?

Леоновъ (*съ жаромъ*). Нѣтъ! я не ненавижу, я люблю этихъ негодяевъ, которые всѣ безъ разбора называютъ себя людьми—и это-то меня и бѣситъ.... Ты простишь меня....

Тирскій. Позволь мнѣ сказать, что все, сдѣланное мною о тебѣ, и о твоихъ дѣлахъ, не показываетъ еще твоего положенія столь отчаяннымъ; тебѣ еще нѣтъ причины ненавидѣть людей, убивать себя грустью.

Леоновъ. Развѣ я Мыслинскій?

Тирскій. Оставь свою гордость, и вѣрь,

что не для оскорбленія твоего говорю я. Вся разница между Мыслинскимъ и тобою та, что онъ весь наружѣ, а ты скрываешь себя....

Леоновъ. Вѣрю еще твоей дружбѣ, твоему участію, и прощаю слова твои. Но могу-ли говорить что нибудь съ людьми, могу-ли открыть имъ себя, когда *ты* равняешь *меня* съ Мыслинскимъ?

Тирскій. Но Мыслинскій....

Леоновъ. Мечтатель и чудакъ, который химерами хотѣлъ жить въ мірѣ существенномъ, страшивался у воображенія, забывалъ, что человѣкъ одаренъ умомъ и умомъ долженъ руководствоваться въ жизни. Женился онъ, Богъ знаетъ, какъ: дѣвчонка — такая-же вѣтренная, мечтательная голова, какъ онъ самъ, попалась ему, и пока онъ и она летали за идеалами, забыто было ими, что міръ живетъ въ существенномъ. Сонъ разсѣялся—они упали съ небывалаго неба своего, и, какъ собаки, грызутся между собою за свою ошибку. И тутъ надобна была рѣшительность — но ея не достало у нашего добраго, но не умнаго мечтателя....

Тирский. Ты слишкомъ строгъ къ нему.

Леоновъ. Нѣтъ, не строгъ, но справедливъ только. Если онъ обрекалъ уже себя жизни совершенно поэтической, что ему было до земли? Что ему до внѣшнихъ наслажденій въ мірѣ? Что ему до людей? Пусть говорятъ и судятъ они объ его твореніяхъ, объ немъ самомъ, какъ имъ угодно: онъ живи въ мірѣ Поэзіи своей, и не спускайся въ нашъ, вещественный міръ. Чего, спрашиваю у тебя, чего искалъ онъ въ этомъ мірѣ, отказавшись отъ него единожды?

Мыслинский. (*входя неожиданно*) Счастія, другъ жестокій и несправедливый, *счастія* просилъ я у людей, въ замѣну тѣхъ высокихъ вдохновеній, которыя могъ я передать имъ! Я не искалъ ни богатствъ, ни славы, ни почестей, удалился отъ свѣта и шума, хотѣлъ жить съ любовію, хотѣлъ, чтобы только *дружба* знала меня, какъ человѣка, а другіе видѣли во мнѣ только поэта.... Но любовь растерзала мое сердце, а дружба холодно анатомируетъ бѣднаго мечтателя, и доказываетъ, что при хронической болѣзни, ка-

кою онъ одержимъ, ему необходимо надобно умерень.... Это исполнится скоро. — Богъ съ вами, благоразумные люди!

Леоновъ. Ты напрасно подслушиваешь, что говорятъ о тебѣ люди, искренно желающіе тебѣ добра.

Мыслинскій. Я не подслушивалъ, но вы громко говорили, и при томъ — для чего было не сказать мнѣ своего мнѣнія давно?

Тирскій. На меня вы не пожалуешься въ этомъ: я всегда былъ съ тобою откровененъ. (*зевает*).

Мысл. Поди вы отъ меня, человѣкъ холодный и разсудительный! Ты, какъ лекарь, приходишь ко мнѣ безпрестанно, то съ пилюлями совѣта, то съ микстурою упрековъ въ моихъ *дурачествахъ!*

Леоновъ. Прости меня, Мыслинскій; но если дѣло дошло до истины—что-же всякій изъ насъ можетъ дать тебѣ, кромѣ этѣхъ пилюль и микстуръ? Ты болетъ, боленъ самъ отъ себя, и неисцѣлимо.

Мысл. Великій Боже! *самъ отъ себя!*

Хорошо! въ такомъ случаѣ мнѣ все таки не легче; но я докажу тебѣ, философъ, *передъ самимъ собою невиноватый*, что ты клевещешь на добрую мою природу! Я-ли виноватъ, что изъ прелестной, милой дѣвушки, доброй, чистой души, какою она мнѣ казалась, вышло злое, несносное творенiе, которое отравило жизнь мою своими требованiями, своими губительными упреками; что люди, ласкавшiе меня за мои первые, небольшiе успѣхи, возстали послѣ того на меня; что потомъ я наживалъ себѣ враговъ при каждомъ новомъ творенiи; что сами люди увлекали меня въ свѣтъ, и дурачились надо мною, какъ надъ шутомъ, горько выкупая каждую похвалу Мыслинскому *поэту* на Мыслинскомъ *человѣкѣ*.... И теперь, когда талантъ мой погибъ, когда самъ чувствую, что я отсталъ отъ вѣка, что все великое и прекрасное сдѣлалось мнѣ чуждо — меня забыли, презрѣли, и даже ненавистью своею не удостоиваютъ!

Тирскiй. И грустно, и радостно мнѣ слушать тебя, Мыслинскiй. Грустны сло-

ва твои; радуюсь тому, что ты говоришь такъ благоразумно.

Мысл. Такъ этѣ-то горькія истины опыта называешь вы *благоразуміемъ?*

Тирскій. Оставь свои колкости. Не видишь-ли ты изъ словъ своихъ, что ты самъ однако жъ былъ главною причиною своихъ несчастій? За чѣмъ такъ безразсудно и совершенно вѣрилъ ты любви? Зачѣмъ потомъ не имѣлъ твердости отказаться отъ мѣлкаго счастія жизни, когда увидѣлъ свою неудачу? Зачѣмъ усиліями труда не догонялъ вѣка, который, какъ ты самъ говоришь, ушелъ отъ тебя? Зачѣмъ ты бросился потомъ въ свѣтъ, къ которому былъ не способенъ?

Мысл. Я зналъ двухъ человѣкъ. Одинъ изъ нихъ, такъ-же какъ я, рѣшился заняться Литтературою; началъ съ успѣхомъ, и теперь уже лѣтъ десять работаетъ неутомимо; онъ учился безпрерывно, *гнался за вѣкомъ*, не щадилъ труда, отличался своими сочиненіями, изсохъ за работою, и что же? Послушайте какъ кричатъ о немъ, его недаписцѣ, его вольнодумствѣ, какъ сыплются

на него критики, сатиры! И не смѣшно-ли, что этотъ человѣкъ изнерзался досадами, огорченіями, постарѣлъ, подряхлѣлъ!

Тирскій. Знаю въ кого ты мѣтишь. Но, по крайней мѣрѣ, этотъ человѣкъ не упрекнетъ себя въ слабости духа, въ упадкѣ души. Онъ держится прямо, смѣло, и не думаетъ о людяхъ, которые платятъ ему за трудъ — забвеніемъ, за работу — насмѣшкою.

Мысл. Пожалуй увѣряй себя, что ты *счастливъ*! Но обратимся къ *другому*, философу практическому. Онъ обрекъ себя пользѣ общества, трудился неутомимо, былъ честенъ и благороденъ, И.... ха, ха, ха! прослылъ тяжелымъ человѣкомъ, безпокойнымъ чиновникомъ, сварливымъ, вздорнымъ, забытъ при производствахъ, и, говорятъ, скоро попаденъ подъ судъ, за то, что вздумалъ вывесть наружу какія-то плутни....

Леоновъ. И за всѣмъ тѣмъ, онъ сохранилъ свою голову здоровою, и смѣется надъ злобою испорченныхъ людей....

Мыслинскій. Полно-те вы меня морочить! Не уже-ли ты, Леоновъ, сдѣлался

молчаливъ, мраченъ, взыскателенъ, недовѣрчивъ онъ счастія? Не уже-ли Тирскій худѣетъ и старѣетъ также онъ того, что слишкомъ счастливъ? И ты, и онъ, и я, мы трое—три измѣненія одного и того-же; только я гублю себя за глупыя надежды на міръ и людей; ты Леоновъ, упрямѣе меня, и хочешь идти на перекоръ всему, хотя уже не вѣришь ни міру ни людямъ; а Тирскій....

Тирскій. Ну, что, шаловливый философъ, что Тирскій, говори? Какъ-же онъ не поэтъ, когда такъ умно разсуждаетъ, и въ то-же время дѣлаетъ глупости?

Мыслинскій. Смѣйся, но не гордись. Люди не любятъ крайностей; они тогда только перестаютъ терзать насъ, когда мы перестанемъ и любить и ненавидѣть ихъ. Люди требуютъ чего-то такого, что не походитъ ни на любовь ни даже на ненависть — и ты близокъ къ этому; потому....

Флеровъ. (*Входя*) »Потому, что люди говоря вообще, неблагодарны, непостоянны, коварны, трепещутъ предъ опасностію, жаждутъ добычь, и когда дѣла-

сить имъ добро — они твои: отдаютъ тебѣ жизнь, имѣніе, дѣтей, видя опасность вдалекѣ; но при ея приближеніи, они тотчасъ тебя оставятъ»... Знаешели, что это сказано было въ началѣ XVI-го вѣка, Маккіавелемъ? Вы, кажется, собрались побранить людей? Полно, друзья мои, полно; все зло объ людяхъ было уже сто разъ сказано и пересказано. Что-жъ вы всѣ замолчали?

Леоновъ. Мы даемъ просторъ твоимъ словамъ.

Флеровъ. Знаю, любезный Леоновъ, что вы на меня сердитеся, но, право, не постигаю этому причины.

Леоновъ. Я не одинъ разъ изъяснялъ ее тебѣ: мы не сходимся съ тобою рѣшительно ни въ чемъ, и если еще такъ продолжится, я попрошу тебя уволить меня отъ своей дружбы.

Флеровъ. Будьте вы судьями, друзья мои. Дѣло все въ томъ, что Леоновъ горделиво думаетъ учить другихъ, и не смотря на то, что уже двѣнадцатый годъ въ службѣ, все еще поступаетъ

какъ школьникъ, дитя едва выскочившее изъ училища.

Леоновъ. Вотъ уже какъ испортилъ тебя свѣтъ! Постоянное стремленіе къ добру, неизмѣнное желаніе преслѣдовать зло, благородную жажду быть полезнымъ, безъ всякихъ разсчетовъ — онъ называетъ школьническими идеями.... И онъ хочетъ, чтобы послѣ этого я любилъ его!

Флеровъ. Прошу извинить: ты хочешь быть умнѣе другихъ—вотъ вся загадка.

Леоновъ. Быть умнѣе дураковъ — не велика честь!

Флеровъ. Не уже-ли во всѣхъ десяти мѣстахъ, гдѣ до сихъ поръ ты находился, были дураки? Десять разъ перемѣнять службу, вездѣ ссориться, вездѣ лезть съ своими проэктами преобразованій, съ своими жалобами—воля твоя, Леоновъ....

Леоновъ. Но такъ хорошо и ловко уживаться съ людьми, какъ ты уживаешься — это.... преступленіе! Не ужели въ двѣнадцать лѣтъ ни однажды не видалъ ты, какъ грабятъ нагло и безсовѣстно, даже и не надѣвая маски?

Флеровъ. Видѣлъ, и смѣло увѣряю, что не участвовалъ ни въ одномъ воровствѣ.

Леоновъ. И только? Нѣтъ! Ты долженъ былъ *обличать* бездѣльниковъ, а не быть ихъ потаичикомъ, долженъ былъ кричать, и, если не слушаютъ тебя—рыть ямки, по крайней мѣрѣ, и шептать въ нихъ о нагломъ бездѣльничествѣ, авось выростетъ тростникъ и станетъ говорить проходящимъ: »*Такой-то мерзавецъ сбездѣльничалъ!* «

Флеровъ. Вотъ будетъ для людей новость! И какая-же польза? Развѣ уймутся?

Леоновъ. Если однимъ бездѣльникомъ меньше сдѣлалось по твоему старанію, ты исполнилъ свое дѣло.

Флеровъ. Но тебѣ-то самому что прибыли отъ этого?

Леоновъ. Положимъ что ничего, если ты *ни во что* полагаешь сознаніе добраго дѣла и душевное спокойствіе.

Флеровъ. Не уже-ли ты спокоенъ душою? Посмотри на себя.

Леоновъ. Но что выигралъ ты уклон-

чивостью и снисхожденіемъ? Ты перегналъ меня по службѣ, но право я тебѣ не завидую....

Флеровъ. Надобно спросить: завидуютъ-ли другіе тебѣ?

Мыслинскій. А ты что такое теперь, Флеровъ?

Леоновъ. Онъ Коллежскій Совѣтникъ а я Коллежскій Ассессоръ; прилагательное одинаково, но въ существительномъ есть разница.

Мыслинскій. А что больше? Вѣдь я право не знаю.

Тирскій. Ха, ха, ха! Невинный поэтъ! Не забудь только различія гекзаметра отъ шестистопнаго амфибрахія, а что тебѣ до Ассессоровъ!

Мыслинскій. Онъ вретъ, какъ оселъ, твой критикъ, а я точно въ этомъ отношеніи правъ. Самъ Гомеръ оправдалъ-бы меня.

Тирскій. Полно спорить; тебѣ ясно доказано.

Громовъ. Здравствуйте, товарищи! Что за шумъ у васъ? Ба, ба, ба! какія сердитыя лица! Вы ссоритесь?

Тирскій. Ничего, маленькіе философскіе споры о счастьѣ и несчастьѣ, гекзаметрахъ и амфибрахіяхъ, честностяхъ и безчестьѣ....

Мыслинскій. Вертушка, флюгеръ, жирузинка соединяется съ моими врагами, и пропивъ меня, человѣка, котораго называетъ другомъ!... Эй, Тирскій! береги душу!...

Громовъ. Ты, Флеровъ, что такъ надулся?

Флеровъ. Я сказалъ Леонову въ глаза то, что давича говорилъ объ немъ тебѣ.

Леоновъ. Такъ вамъ угодно иногда и за-глаза говорить обо мнѣ кое-что?

Громовъ. Всѣ вы чудаки. И сегодня-ли надобно вамъ шумѣть и ссориться? Развѣ вы забыли, что сегодня нашъ завѣтный день, день нашей дружеской исповѣди?

Всѣ. Какъ!

Громовъ. Ровно десять лѣтъ тому, какъ мы съѣзжались вмѣстѣ, и поклялись въ вѣчной дружбѣ. Флеровъ говорилъ иногда, что намъ дѣлать, какъ мы должны бороться съ міромъ, и проч. и проч. — За-

были? Я-бы и самъ забылъ, да иногда-же догадался сдѣлать вотъ это колечко, и на немъ вырѣзалъ годъ, мѣсяцъ, число....

Флеровъ. Да, да, счастливое было время!

Тирскій. Дни юности!

Мыслинскій. Годы любви.... Ахъ!

Громовъ. Выпьемъ-же за эти дни юности, годы любви! Козельскому никакъ не льзя было явиться къ намъ. У него тма дѣла. Генералъ завалилъ его бумагами; я говорилъ ему давно, чтобы онъ бросилъ свою скучную должность. Какой онъ воинъ: вѣчно за письменнымъ столомъ! Не сунція-ли проказы: засѣсть въ приказѣ, когда можешь лихо драться и кочевать на бивакахъ.... (*наливаетъ*) Здоровье мое, друзья! я право всѣхъ васъ люблю такъ-же, какъ прежде любилъ! Что-же вы пьете молча, даже не чокнетесь?

Флеровъ. Ты счастливъ, старый товарищъ, своимъ веселымъ характеромъ; но мы всѣ уже не то, что за десять лѣтъ.

Громовъ. Счастливъ — чортъ побери, тѣмъ только, что не вѣрю въ счастье....

Ваше здоровье, друзья! я пью по Молдавски: шамъ счипаюнъ заздравные кубки ведрами. — Ну, мой поэтъ, что твоя Муза?

Мыслинский. Спитъ и не просыпается.

Громовъ. Ужь не запоемъ-ли пьетъ она небесныя вдохновенія Поэзіи?

Мыслинский. Ты меня перзаешь, Громовъ!

Громовъ. Другъ! это не мое дѣло (*жметъ ему руку*).... Ну, а твоя ученость, Тирский? Твои идеалы истины и блага, Флеровъ? Что ты усмѣхнулся при этомъ словѣ, Леоновъ?

(МОЛЧАНІЕ).

Громовъ. Товарищи! Вы въ самомъ дѣлѣ не то, что были когда-то. — Дивлюсь, что и твое краснорѣчіе, Флеровъ, совсѣмъ пропало.

Флеровъ. Ты все шалишь по прежнему.

Громовъ. Во всѣ эти годы, я почти ни кого изъ васъ не видалъ, и думалъ, что и вы всѣ прежніе. Мнѣ нѣкогда было перемѣняться, потому, что вокругъ меня все безпрестанно перемѣнялось. Я живу

и живу, какъ началъ — и прекрасно, товарищи! Я успѣлъ промотать дядино имѣніе; влюблялся сто разъ; дружился сто разъ; стрѣлялся двадцать разъ; женился на деньгахъ; разстался съ женой; она успѣла умереть, и я, какъ опекунъ, распоряжаю теперь имѣніемъ сына, который будетъ такой-же лихой гусаръ, какъ я.... Жаль, что я оставлю ему много долговъ....

Леоновъ. Думало, что не за эти подвиги получилъ ты Генеральство свое, и всѣ кресты, которыми увѣшена твоя грудь?

Громовъ. Это сдѣлалось мимоходомъ, а я право объ нихъ и не думалъ. Бывало—*ура!* идешь впередъ за другими, съ другими, въ разгульной бесѣдѣ — отъ банка на банкарею, отъ битвы на балъ, и съ бала въ походъ.... Я славно жилъ, друзья мои, и теперь радъ, что опять война.... Если неразсчетливая пуля стукнетъ моей головѣ—хорошо, а не то, не поминайте лихомъ, товарищи! которыхъ я не перестану любить и за гробомъ! Что за нелѣпая мысль пришла мнѣ въ голову? Что

это? На усъ мой слеза канула.... Вотъ каково вспоминать былое, и разсчитываться за эту шалость, за жизнь....

Флеровъ. Да, ты все тотъ-же.

Громовъ. А вы товарищи, право, не тѣ что прежде. И отъ чего? Васъ погубили стенемы проклятыя. Вы подступали къ жизни, какъ старинные рыцари къ дамамъ, а къ ней надобно подходить, какъ къ избалованной кокеткѣ, и не вздыхать, не нѣжничать, а просто звать ее на котильонъ.

Леоновъ. Но какая-жъ цѣль твоей безцвѣтной жизни?

Громовъ. А твоя жизнь развѣ цвѣтнѣе моей? Спроси о Громовѣ у гусаровъ, и они скажутъ тебѣ: даромъ-ли пропала моя жизнь? По моему, всѣхъ умнѣе тотъ, кто совсѣмъ не думаетъ, а *живетъ живой*, предоставляя остальное судьбѣ и другимъ.

Флеровъ. Я осмѣлюсь думать иначе, милый мой герой, и сошлюсь въ томъ на самаго тебя: ты не безъ разсчета жилъ.

Громовъ. А я тебѣ побожусь, что во все ничего и никогда не считалъ — жилъ, какъ жилось мнѣ, бралъ и отдавалъ безъ счета. — Кстати, Флеровъ: говорятъ, что ты, напротивъ, что-то слишкомъ разсчитываешь свою жизнь? Не поплатись, братъ, тѣмъ, за потерю чего я разлюблю тебя!

Флеровъ. Что это значитъ?

Громовъ. Ты не прямо смотришь на друзей своихъ, а если будешь косо смотрѣть на каждаго честнаго человѣка, то гусарское мое сердце отъ тебя отворотится.

Флеровъ. Полно, братецъ! мы ужъ не дѣти!

Леоновъ. Онъ погибъ для насъ! Прощайте.

Громовъ. Куда ты? Постой (*бѣжитъ за нимъ. Мыслинскій уходитъ*).

Флеровъ. Что ты думаешь о нашихъ чудакахъ?

Тирскій. Странные люди!

Флеровъ. Леоновъ просто фанатикъ, а Громовъ славный малый, но слишкомъ гусаринъ.

Тирскій. А Мыслинскому, кажется, не далеко до желтаго дома.... Кстати, Флеровъ, говорилъ-ли ты обо мнѣ Князю?

Флеровъ. Какъ-же.

Тирскій. И онъ обѣщаетъ?

Флеровъ. Непремѣнно. Но скажи мнѣ что у васъ за разговоры были до меня съ Мыслинскимъ и съ Леоновымъ?

Тирскій. Презабавные. Садись; я разскажу тебѣ мизанпропическія выходки перваго и поэтическія бредни другаго....

ДЕНЬ ТРЕТІЙ.

ЧЕРЕЗЪ ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ПОСЛѢ ВТОРАГО

(Великолѣпно убранная зала; молодой чиновникъ перебираетъ бумаги въ портфелѣ; множество просителей стоятъ и сидятъ въ разныхъ сторонахъ. Леоновъ ходитъ съ досадою по залѣ и нюхаетъ табакъ; какоенъ подходитъ къ чиновнику).

Леоновъ. Позвольте мнѣ узнать, М. Г.

Чиновникъ. Что вамъ угодно?

Леоновъ. Вѣрно обо мнѣ не докладывали Г-ну Флерову?

Чин. *Его Превосходительству*, конечно хотѣли вы сказать?

Леоновъ. Да.... Его Превосходительству, хотѣлъ я сказать, но извините мое невѣжество!

Чин. Вѣроятно, докладывали. *(читаетъ бумагу)* «По выпискѣ-же оказалось, что....»

Леоновъ. Я жду его здѣсь болѣе двухъ часовъ.

Чиновн. Извольте спросить у каммердинера.

Леоновъ. Но гдѣ-жъ я найду его?

Чиновникъ. Извините — мнѣ некогда! Онъ вѣрно тамъ, чиститъ платье....

Леоновъ (*про себя*). Я у Флерова въ передней! Каммердинеръ мой покровитель! (*Каммердинеръ несетъ приборъ для бритья*) Послушай, мой другъ!

Камм. Что вамъ угодно?

Леоновъ. Ты вѣрно забылъ сказать барину, что я его дожидаюсь.

Камм. (*мимоходомъ оглядываетъ Леонова съ ногъ до головы*) Докладывалъ....

Леоновъ. Не-ужели онъ не велѣлъ тотчасъ впустить меня?

(*Каммердинеръ уходитъ не отвѣчая*).

Леоновъ (*садится на стулъ, въ сторону*). Подождемъ, но.... (*Молодой человѣкъ, сидѣвшій подлѣ Леонова, съ уваженіемъ отодвигаетъ отъ него стулъ*). Не безпокойтесь; вѣдь я не знатный баринъ.

Мол. чел. Извините: я думалъ, что безпокою васъ.

Леоновъ. Помилуйте; здѣсь мы всѣ равны. Въ переднихъ, никто никого безпо-

конить не можешь, а всякій думаешь о себѣ.

Мол. чел. Да-съ (*улыбается*).

Леоновъ (*съ сторону*). Какое милое лицо у этого молодаго человѣка; я какъ будто его знаю. (*Вслухъ*. Вы конечно здѣсь съ какою нибудь просьбою?

Мол. чел. Да-съ; мнѣ приказали Его Превосходительство придти сего-дня.

Леоновъ. Вы такъ еще молоды, что я удивляюсь, какъ вы очутились въ передней знатнаго барина? Вы рано начинаете *знать передніи*.

Мол. чел. (*оробѣвши*). Что вамъ угодно сказать?

Леоновъ. Вы мнѣ нравитесь, молодой человѣкъ, и мнѣ грустно видѣть васъ здѣсь. Знаете-ли кто ваши собесѣдники? Вотъ эта старуха — попрошайка, у которой со лба шишки не сходятъ, потому, что она безпрестанно стучитъ лбомъ въ землю; вотъ два извѣстные шарлатана, а угрюмой этотъ человѣкъ—опытный воръ, который уже пять лѣтъ подъ отчотомъ, дѣлится и кланяется, и, вѣроятно, будетъ чистъ и правъ по дѣлу.... Вы въ

дурномъ обществѣ, молодой человѣкъ! Зачѣмъ вы здѣсь? Не бойтесь, скажите. Я Леоновъ, чиновникъ, если вамъ угодно, маленькій, такъ, пустой человѣкъ, который добрымъ совѣтомъ радъ однакожъ дѣлиться съ другими, когда для него самаго добрые совѣты уже не ходячая монета.

Мол. чел. Какъ сударь? Не съ Яковомъ-ли Петровичемъ Леоновымъ я имѣю честь говорить?

Леоновъ. Да вы какъ меня знаете?

Мол. чел. Ахъ, Боже мой! позвольте мнѣ вамъ порекомендоваться. Батюшка мой былъ вашимъ другомъ, а маменька вручила мнѣ письмо, чтобы отдать вамъ; но я не зналъ гдѣ вы изволите жить. Извините!

Леоновъ. Ваше имя?

Мол. чел. Я Мыслинскій.

Леоновъ. Какъ! вы сынъ П. П. Мыслинскаго? Другъ мой! обними меня! Гдѣ твой папенька? Что онъ?

Мол. чел. Его нѣтъ уже на свѣтѣ, сударь.... (*Слезы навертываются на глазахъ молодаго человѣка*).

Леоновъ. Ну.... ну, миръ тебѣ, добрый

Мыслинскій! Послушайте молодой человѣкъ: вы меня должны посѣтить.

Мол. чел. Я за честь себѣ поставлю....

Леоновъ. Ради Бога, говорите со мной проще! Берегите эти слова для другихъ. Скажите-же скорѣе мнѣ, за чѣмъ вы здѣсь?

Мол. чел. Маменька просила письмомъ Его Превосходительство, чтобы онъ нашелъ мнѣ здѣсь мѣстечко.

Леоновъ. Ну!

Мол. чел. Я ожидаю; но боюсь, не наскучить-бы мнѣ Его Превосходительству, и если-бы не мои крайнія обстоятельства....

Леоновъ. Какія-же обстоятельства? Говорите, говорите, будьте со мною откровенны.

Мол. чел. Ахъ покорно васъ благодарю; позвольте мнѣ придти къ вамъ и разсказать....

Леоновъ. Говорите здѣсь, скорѣе — я, можетъ быть, еще могу.... Что вамъ, денегъ надобно?

Мол. чел. Здѣсь все такъ дорого....

Леоновъ. Переселись ко мнѣ, мой другъ; этому пособить можно....

Мол. чел. (*сквозь слезы*) Ахъ, сударь, могъ-ли я вообразить! — Ваши ласки.... мое стѣсненное положеніе....

Леоновъ. Дѣла вашего маленьки, я думаю, точно должны быть разстроены; но однакожъ....

Мол. чел. Развѣ вы не изволите знать?

Леоновъ. Ничего не знаю объ немъ; уже нѣсколько лѣтъ я ни съ кѣмъ не переписываюсь, а изъ своей берлоги выползаю рѣдко, очень рѣдко.

Мол. чел. Онъ вѣдь скончался.... въ помѣшательствѣ разсудка, и у насъ все отняли за долги.

Леоновъ. (*соскакивая со стула*) Боже Великій! я не зналъ этого!

Чиновникъ (*отложивъ въ сторону перо, смотритъ на него съ удивленіемъ*) Тирскій (*входитъ и обращается къ чиновнику*) Что вы смотрите, мой почтеннѣйшій? Доброе утро, хе, хе, хе! Не прикажете-ли табачку?

Чин. Здравствуйте, почтеннѣйшій Софронъ Яковлевичъ! А вотъ я смотрю на этого чудака: онъ кажется.... (*водитъ пальцомъ по лбу*)

Тирскій. (*протираетъ очки рукавомъ фрака*)

Пустоголовъ? Будто это новость въ наше время! Хе, хе, хе!

Чин. Нѣтъ-съ, а то есть—немножко.... понимаете? Не знаю: какъ и зачѣмъ онъ здѣсь?

Тирскій. Э! да будто важность видѣть и сумасшедшаго просителя. Тутъ вѣдь надобна спина, а не голова! Вѣдь онъ не кусается?

Чин. Вы все шутите! Но я боюсь, не обеспокоилъ-бы онъ Его Превосходительства.

Тирскій (*всматриваясь въ Асонова*) Ба, ба, ба Да это знакомый народъ!

Чин. Вы его знаете?

Тирскій. Какъ-же! Старый пріятель — этотъ вѣдь, что съ мальчишкою-то говоритъ?

Чин. Да.

Тирскій. Не бойтесь: это чудакъ, оригиналъ, и не знаю, за чѣмъ онъ здѣсь. — Да, кстати: что-же этому мальчишкѣ, Мыслинскому, сыскалось-ли мѣстечко?

Чин. Нѣтъ еще. На ту ваканцію нельзя было: Графъ Пустельгинъ прислалъ своего сына; жалованья не надобно, толь-

ко-бы въ пинанъ записанъ; такъ, знаешь, и самъ Графъ человѣкъ прекраснѣйшій, да и экономія въ канцелярскихъ расходахъ....

Тирскій. Однакожъ напоминаю Его Превосходительству: бѣднякъ надоѣлъ мнѣ, и мать его замучила меня письмами.... (*подходитъ къ Мыслинскому и Леонову*) Здорово Вася.... Это какими судьбами, любезнѣйшій? Что это, какъ это? Вѣка прошли!

Леоновъ. Что за удивленье? Гдѣ ты ползаешь, тамъ я не бываю; какъ-же намъ сталкиваться.

Тирскій (*ласково толкаетъ его*). Экой бранчивый! Чуть на глаза, и пошолъ бранить меня.

Леоновъ. Полно, бранецъ, не касайся меня — ты гадокъ: у тебя гніетъ умъ и тлѣетъ душа.

Тирскій. Ха, ха, ха! Вася, не слушай его: вѣдь это такой шутникъ, какихъ свѣтъ мало производитъ.

Мыслинскій. Я сей часъ имѣлъ честь узнать всю доброту сердца Якова Петровича.

Тирскій (*перемѣнивъ тонъ*) О, да если не

шутя-то говоришь, такъ это, братецъ, чудное сердце. И какъ мнѣ не пришло въ голову давно послать тебя къ нему! Любезный Леоновъ! ты со своей стороны пособи намъ: я хлопочу о мѣстечкѣ ему, и Его Превосходительство уже обѣщалъ. Ты богатъ, и между тѣмъ можешь призрѣть сироту. Ахъ! что за славный малый былъ отецъ твой, Вася!

Леоновъ. И такъ ужасно умеръ! Боже мой!

Тирскій. Поэтически, братецъ, поэтически: подобно Тассу, минута восторга была минутою его смерти! И что всего замѣчательнѣе, то умирая, почти послѣднее слово сказалъ онъ Васѣ: «Если не хочешь чтобы прахъ мой былъ возмущенъ въ могилѣ, то поклянись мнѣ—*не писать стиховъ!*» Отчаяніе поэта!

Леоновъ. Тирскій! Остался-ли у тебя хоть клочекъ души?

Тирскій (*тихо ему*) Развѣ ты не слыхалъ: вѣдь онъ умеръ въ домѣ сумасшедшихъ; изъ деревнишки выгнали его со всею семьею. Теперь жена перебивается работою съ дочерьми, а Васю прислала сюда.

Надобно призрѣть его: мальчикъ, кажется, умный и смышленый.... (*Каммердинеръ идетъ изъ кабинета*). Э! любезный Гриша! что, можно войдти къ Его Превосходительству?

Каммердинеръ. Здравствуйте Софронъ Яковлевичъ! Нѣтъ, нельзя еще: Его Превосходительство занятъ.

Тирский (*тихо*) Кто у него?

Каммерд. (*тихо*) Никого; читаетъ бумаги.

Тирский. Ты отдалъ ему вчерашнюю мою записку?

Камм. Какъ-же.

Тирский. Что-жъ онъ? Смѣялся?

Камм. Какъ-же-съ. Не знаю, что вы такое писали, а они изволили сказать: «Это сущій чортъ, а не человѣкъ!»

Тирский. Тоже-же, ха, ха, ха!

Камм. Право такъ, ха, ха, ха! (*уходитъ*).

Чиновникъ (*подходитъ къ Тирскому*). Что вы смѣетесь, Софронъ Яковлевичъ?

Тирский. Да, вчера я подалъ записочку....

Чин. О! я ужъ подвязалъ ее къ дѣлу.

(*говорятъ тихо*)

Леоновъ (*Мыслинскому*) Скажите, мой любезный другъ, вы какъ знакомы съ этимъ человѣкомъ (*указываетъ на Тирскаго*)?

Мыслинскій. Маменька прислала со мною къ нему письмо, и я у него бываю.

Леоновъ. Она очень дурно сдѣлала. Знакомство съ этимъ негодяемъ самая плохая рекомендація молодому человѣку.

Мысл. Она говорила, что это былъ другъ покойнаго папеньки; но онъ часто до слезъ меня доводитъ тѣмъ, что говоритъ о папенькѣ.

Леоновъ. За чѣмъ-же ты къ нему ходишь? (*Мыслинскій потупляетъ глаза и молчитъ*). А! понимаю! (*тихо*) Бѣдность проклятая! Какъ не называть тебя порокомъ, когда ты чистую душу юноши заставляешь идти въ сообщество порока, по неволѣ — можетъ быть, изъ куска хлѣба! Но я вырву его изъ рукъ Тирскаго.

Козельскій (*входитъ, оправляя мундиръ, и обращается къ чиновнику*) Можно войдти?

Чин. Пожалуйте!

Тирскій. Здравствуйте, любезный мой Полковникъ!

Коз. А, мое почтеніе! Что вы тутъ подѣлываете?

Тирскій. Да вотъ толкуемъ съ старымъ знакомымъ.

Козельскій (*увидѣвъ Леонова*) Въ самомъ дѣлѣ съ старымъ.... Господинъ Леоновъ, здравствуйте!

Леоновъ. Я вамъ кланялся.

Коз. Радъ, что васъ вижу. Мнѣ есть крайняя надобность поговорить съ вами, и вы здѣсь очень кстати. Мнѣ только вчера сказали, что вы живете не въ деревнѣ своей.

Леоновъ. Какъ-же мнѣ быть въ деревнѣ? Вѣдь я все еще подъ судомъ.

Коз. Нѣтъ? Да не уже-ли это еще не кончено?

Леоновъ. Да.

Коз. Жаль, жаль, но вы, мой любезнѣйшій, сами виноваты: погорячились, нечего сказать....

Леоновъ. Погорячился, сказавъ *дурака* дураку? Это значитъ называть всякую вещь ея именемъ.

Коз. Впрочемъ, это до меня не касается. Но скажите, ради Бога, правда-ли, что

вы взяли на себя хлопотать по дѣлу о наслѣдствѣ послѣ нашего пріятеля Громова?

Леоновъ. Правда.

Коз. Помилуйте! Что вамъ мѣшаться въ такіе пустяки?

Леоновъ. Я ни во что не мѣшаюсь. Видя, что хозяинъ ограбилъ сироту, сына друга моего, я не хотѣлъ выдать, и тотчасъ принялъ всѣ хлопоты на себя. Мнѣ дорого стоитъ таскаться по судамъ, и для себя собственно ни за что-бы я не согласился; но сынъ добраго моего Громова....

Коз. Помилуйте! Что-же: *добраго?* Шалунъ, промоталъ все, надѣлалъ долговъ. ..

Леоновъ. Слушайте, Полковникъ-ли, Генералъ-ли вы: не зная чина вашего, я всегда буду видѣть въ васъ прежняго моего товарища и соученика, просто *Козельскаго*, и этому Козельскому скажу, что онъ лжетъ!

Коз. Вы забываетесь!

Леоновъ. Языкъ, какимъ вы теперь говорите, мнѣ незнакомъ, а я не вызывалъ васъ на разговоръ....

Коз. Вы.... (*тихо*) Перестаньте горячит-

ся, любезный Леоновъ, старый товарищъ!

Леоновъ. Если Громовъ былъ шалунъ, за то я не зналъ человѣка его добрѣе; но и безъ того, славно умершій на полѣ чести, онъ выкупилъ всѣ свои шалости, и грабить дѣтей храбраго Генерала, я не допущу!

Коз. Но дѣло вовсе потеряно.

Леоновъ. Не знаю, для чего вы у меня выспрашиваете, но дѣло не потеряно. Для этого я принудилъ себя придти къ Флерову, и торчать въ его передней. Этотъ бездѣльникъ Графъ, мнимый наслѣдникъ, для своей засидѣлой дочери не отниметъ наслѣдства у сына Генерала, умершаго за отечество, и которого смѣло назову я всегда своимъ другомъ.

Коз. Прошу быть осторожнѣе въ словахъ: мы не одни:

Леоновъ. Я не той масти человѣкъ, чтобы наединѣ позволилъ себѣ, и другому, говорить то, чего не скажу самъ и не выслушаю отъ другаго при другихъ. Говорятъ, что Графъ прочитъ свою старую дочь за какого-то Полковника (*хы-*

бается), но если вы знакомы съ нимъ, то скажите ему, что онъ останется въ дуракахъ, и навяжетъ себѣ на шею старую дѣвку, безъ приданаго.

Коз. Возьмите этаго дурака назадъ!

(*Всѣ обращаютъ на нихъ вниманіе*).

Тирскій. Что вы, Полковникъ? Что вы, господинъ Леоновъ? (*тихо Козельскому*) Переставьте: вѣдь бумаги-то у него точно; я все узналъ....

Коз. (*тихо Тирскому*) Какъ?

Тирскій (*тихо*) Да, законную духовную, и все, все оставилъ у него Громовъ при отъѣздѣ въ арміи....

Флеровъ (*отворяя двери кабинета*) Что за шумъ?

(*Просители становятся рядомъ и загораживаютъ Леонова; иные изъ нихъ вынимаютъ бумаги; другіе дѣлаютъ печальныя лица; Козельскій идетъ впередъ; Тирскій низко кланяется; Чиновникъ схватываетъ бумаги и вытягивается*).

Флеровъ. А, Полковникъ, здравствуйте! Прошу.... (*дастъ знакъ, чтобы онъ шелъ въ кабинетъ; Козельскій уходитъ туда*) Bon jour, Тирскій! зайдите! (*Тирскій, согнувшись, ускользаетъ*

въ кабинетъ. Флеровъ хочетъ идти въ кабинетъ, Просители его обступаютъ) Что вамъ угодно? После, после....

Просительница. Батюшка, отецъ, Ваше Превосходительство! Дѣти! падите къ ногамъ единственнаго вашего спасителя! (*Сама она, и трое мальчишекъ, падаютъ на колени*)

Флеровъ. Безъ сценъ, сударыня, безъ сценъ, ради Бога!

Просительница. Нѣтъ, не встану, отецъ! умру на мѣстѣ.... (*Флеровъ отворачивается*).

1-й Проситель. Man hat mir gesagt.... Ich hatte die Ehre....

Флеровъ (*Чиновнику*). Поговорите съ нимъ! (*Обращаясь въ другую сторону*) Что вамъ?

2-й Проситель. Чувствительнѣйшую благодарность долгомъ почитаю принести Вашему Превосходительству, за то величайшее благодѣяніе....

Флеровъ. Что я вамъ такое сдѣлалъ?

2-й Проситель. Милостію Вашего Превосходительства сынъ мой опредѣленъ въ штатъ писарей....

Флеровъ. Да, да, очень радъ!

3-й Проситель. Въ глубочайшей надеждѣ на состраданіе ваше.... Дѣло мое....

Флеровъ. Ахъ! да, принесите мнѣ записку....

3-й Проситель. Я хотѣлъ объяснить на словахъ....

Флеровъ. Дайте, сударь, записку, говорю я вамъ: нельзя-же мнѣ помнить на словахъ!

4-й Проситель. Осмѣлившись препроводить мое издѣліе къ Его Сіятельству, осмѣливаюсь....

Флеровъ. Да, шляпа ваша прекрасна — она понравилась — вы получите письменную благодарность.

4-й Проситель. Посему-то я осмѣлился-бы....

Флеровъ. Что-же вамъ? Привиллегію? Нельзя.

4-й Проситель. Не привиллегію, но чтобы позволено мнѣ было....

Флеровъ (*быстро повернувшись къ кабинету, говоритъ чиновнику*) Возьмите просьбы, узнайте, что надобно имъ всѣмъ — мнѣ нѣкогда (*уходитъ въ кабинетъ*).

(*Просители окружаютъ столъ Чиновника, отдаютъ бумаги, толкаются; Чиновникъ говоритъ им:* Тише, господа, тише)!

Каммердинеръ (*бѣжитъ поспѣшно*). Гдѣ тутъ Г-нъ Леоновъ? Кто тутъ Г-нъ Леоновъ?

Чиновникъ. Леоновъ? Этотъ чудакъ? Онъ на что понадобился?

Камм. Пренужное дѣло! Гдѣ онъ?

Чинови. Онъ сей часъ схватилъ свою шляпу, и ушелъ съ этимъ мальчишкой, который часто сидитъ здѣсь — сыномъ стихотворца.

Камм. Догнать-же его! (*бѣжитъ вонъ*).

Чинови. Да берегись: вѣдь онъ сумасшедшій!

Камм. (*возвращаясь, учтиво шаркаетъ передъ Леоновымъ*) Пожалуйте! Его Превосходительство проситъ васъ....

Леоновъ. (*улыбаясь*) Насилу вспомнили! (*Мыслинскому*) Подождите меня здѣсь (*уходитъ въ кабинетъ*).

(*Вечеръ. Комната Леонова. Тирскій сидитъ у стола; Леоновъ задумчиво ходитъ по комнатѣ*).

Леоновъ (*останавливается противъ Тирскаго*). Кончилъ-ли ты?

Тирскій. Кончилъ, но отъ тебя еще ни-

чего не слыхалъ. Скажи, что-жъ ты думаешь?

Леоновъ. Скажу, слушай. Понимаешь-ли ты, какую бѣдную и жалкую роль играешь ты въ мірѣ? Человѣкъ съ дарованіями, съ умомъ, образованный, ты бросилъ всѣ дары Бога и достоинства Человѣка въ грязь; ты употребляешь преимущества свои предъ другими для ничтожныхъ выгодъ; ступивши на дорогу умственнаго труда, ты увидѣлъ, что награды душевной тебѣ мало: поздно было тебѣ идти на другую дорогу, и ты повлекся за низкими страстями, унизилъ себя, опозорилъ. Правда, ты пользуешься теперь нѣкоторыми выгодами: у тебя есть деньги, связи; но вспомни первые годы твоей жизни....

Тирский. Много дали мнѣ они!

Леоновъ. А теперь ты *много* выигрываешь? Но оставимъ это. Сообрази самъ: чтобы сказалъ ты, когда-бы, двадцать лѣтъ назадъ, у дѣтей твоего друга отнимали имѣніе?... И кто отнималъ!... Люди, называвшіеся *твоими* и *его* друзьями! Ты имѣлъ-бы въ рукахъ средства уни-

чтожишь ихъ козни, и — тренти человѣкъ, также другъ умершаго друга твоего и твой, пришелъ уговаривать тебя уступить грабителямъ-друзьямъ имѣніе сироты. Что-бы ты сказалъ ему? Поставь себя на моемъ мѣстѣ: Козельскій хочетъ ограбить сына Громова; Флеровъ ему помогаетъ; я могу и хочу спасти сироту — а ты пришелъ уговаривать меня отказаться отъ моего дѣла? Неуже-ли твоя душа такъ уже закоптилась, что ты ничего добраго видѣть сквозь нее не можешь?

Тирскій. Все это можно тихонько поладить; но ты вредишь себѣ и друзьямъ своимъ. Козельскій бѣденъ; женитьба поправитъ его, и дастъ средства выдти въ люди; онъ при своемъ Полковничествѣ съ голоду умираетъ.

Леоновъ. Выдти въ *люди*, перестать быть *человѣкомъ!* Несчастный!

Тирскій. Флеровъ теперь въ большомъ ходу, но разстройство этого дѣла повредитъ ему въ связяхъ съ Пустельгинымъ; онъ обѣщалъ, и, не сдержавъ обѣщанія

можешь потерять многое! Подумай о друзьяхъ своихъ.

Леоновъ. Нѣтъ, вы давно уже не друзья мои! Громовъ и Мыслинскій были жертвы: одинъ пошлаго свѣтскаго образованія, другой неосторожнаго сердца и пылкаго воображенія; гробъ примирилъ меня съ ними, и дѣти ихъ — мои дѣти! Можетъ быть, несчастная опытность моя пригодится имъ. Я — былъ жертвою гордой самонадѣянности на себя и излишней довѣренности на добро въ мірѣ. Вижу, что старость застанетъ меня одинокаго, съ средствами счастія, коими я не пользовался, съ обманутою душею, съ разтерзаннымъ сердцемъ. И чѣмъ болѣе были мои надежды, тѣмъ тяжеле ихъ потеря. Пусть такъ будетъ!

Тирскій. Ты говоришь прекрасно; однакожъ, любезный, подумай, что Флеровъ можетъ сдѣлать тебѣ много непріятностей.

Леоновъ. Какихъ? Презрѣнный въ своей знатности, трепещущій за чиновность свою, если не успѣетъ пособить знатному бездѣльнику ограбить сироту — *те-*

перь, когда онъ богатъ и знатенъ: суди, *каково-же* онъ достигалъ до нынѣшняго своего состоянія? Пусть онъ дѣлаетъ, что угодно — я не уступлю, потому — если вамъ надобна другая причина, кромѣ чувства добра — потому, что мнѣ *терять нечего*. Куска хлѣба онъ у меня не отниметъ, чести также, а все прочее я отдаю вамъ на жертву. Прощай!

(*уходитъ въ другую комнату*)

Тирскій. Что за нелѣпый человѣкъ! Пойдти сказать. — Нѣчего дѣлать! (*уходитъ*)

Леоновъ. Ушелъ? Я не хотѣлъ напоминать ему, что сегодня ровно двадцать лѣтъ, какъ всѣ мы, школьные товарищи, съѣхались въ Москвѣ и на Аонскомъ вечерѣ клялись въ дружбѣ и добродѣтели! Я не показалъ ему кольца, которое умирая велѣлъ отослать ко мнѣ Громовъ. Вотъ оно! Обѣтъ мой не нарушенъ. Громовъ пролетѣлъ между людьми метеоромъ сердца; Мыслинскій погибъ, онъ того, что хотѣлъ жить однимъ сердцемъ, не стращиваясь головы; а другіе — неуже-ли не почту ихъ погибшими:

Флерова, продавшаго душу за знатность; Козельскаго, увядшаго душею въ прозѣ жизни; Тирскаго, за душу свою купившаго право пользоваться бѣдными удобствами въ жизни? И всѣ мы считали себя *избранными*, и всѣ мы съ такою гордостью смотрѣли на это стратилище, называемое *жизнью*, съ такими надеждами отчаливали челноки свои отъ берега юности! Кто потерялъ, кто выигралъ? Всемогущій! Неуже-ли нѣтъ средины между добромъ и зломъ, между счастіемъ порока и несчастіемъ добродѣтели? Неуже-ли во все нѣтъ счастія? Жалко ты, счастіе Флеровыхъ, Козельскихъ, Тирскихъ — и тебя надобно купить, бросивъ кольцо избраннаго въ отверстую пасть чудовища — людскихъ страстей и пороковъ!

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЕ

ПИСЬМО.

КОМИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ ИЗЪ ПРОВИНЦІЯЛЬНОЙ И СТОЛИЧНОЙ ЖИЗНИ.

Вопросъ.

Для чего это дѣлается?

Отвѣтъ.

Не понимаю!

* * * *

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

А.
Б. } помѣщики . . . ской губерніи.
Щ.

N. N., Знатный чиновникъ, служащій въ Петербургѣ.

Баронъ Ф. Ф., его пріятель.

Оедька } слуги Г-на А., лица безсловесныя.
Гришка

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО.

А. хлопочетъ около дорожныхъ вещей Б. входитъ.

Б. Здравствуйте, мой вселюбезнѣйшій!

А. Ахъ! добро пожаловать, преочтеннѣйшій Викулъ Демидовичъ! Садитесь-ка, садитесь!

Б. Нѣтъ, я мѣшать вамъ не буду! Совсѣмъ что-ли?

А. Кажется, что совсѣмъ! Только вотъ чемоданишко уклашь, да и запрягать лошадей.

Б. Съ Богомъ, съ Богомъ! А ужъ похлопотали вы, нѣчего сказать!

А. И не говорите! Съ ногъ сбился; дорогой хорошенько одпохну. — Знаете, вѣдь поплетешься на своихъ, на долгихъ.

Б. Вѣстимо, да и какъ-же иначе? Пожалуй, теперь все скачутъ на почтовыхъ, а изъ Москвы такъ завели еще въ дилижансахъ.

А. Оборони Богъ! Да не равенъ случай,

каковы товарищи попадутся — и обкрадутъ пожалуй....

Б. Хоть и не обкрадутъ, такъ, что возмешь съ собой? Двадцать фунтиковъ всей поклажи! Да однихъ пирожковъ, да сухарей со мною всегда бываетъ больше.

А. Мнѣ вѣдь случалось съ вами ѣзжать. Ничего, вы таки запасливы. Какъ-же иначе-то? Вотъ и я теперь ѣду: повозка, знаете, большая, есть гдѣ положить; такъ не лучше-ли взять съ собою всего дорожнаго запаса? Вотъ, напримѣръ, у меня погребецъ....

Б. Какъ! Этотъ сундучище?

А. Экіе вы какіе! Не льзя-же! Вѣдь и чай, и сахаръ, и кизлярочка, и ромикъ, и чашка, и ложка, и плошка.... Одного рому беру три штофа, да чаю фунта три....

Б. Ну, ужъ это не лишнее-ли: вы ѣдете въ Петербургъ — вѣдь тамъ всего этого манка — въ лѣсъ дрова возишь!

А. Нѣтъ-съ, покорнѣйше благодарю! Тамъ все это кусается. Чаёкъ-то, говорятъ, меньше восьми рублей не купишь, а рому маленькая бутылочка цѣлковый! У меня-же здѣсь, главное, на яички, да на

маслицо вымѣнено, и шутъ спалъ ромъ два рубля пинофъ, а чай-то по четыре рубля. А тамъ, нашего брата такъ обдуваютъ, что и Боже упаси! Да, *куръ* имъ и *пекъ!* На парѣ своихъ мужиковъ я послалъ и венчники, и никулей, и полопковъ, и наливочки. . . .

Б. А говорятъ, будто тамъ въ гостинницахъ все хорошо и дешево; вѣдь я самъ въ Питерѣ никогда не бывалъ.

А. А мнѣ ужъ не въ первой, такъ я вамъ доложу — просто бросутъ. Въ Питерѣ, въ гостинницахъ, дешево! Ужъ не въ Лондонѣ-ли? Да, избави меня, Господи! Просто, сударь, раззориться надобно! Шутка-ли: можетъ приведется прожить полгода! Я однажды посѣтилъ тамъ благопріятеля — онъ жилъ на Мойкѣ — какъ бишь прозваніе гостинницы? Изъ ума вонъ.... Да насмотрѣлся я тамъ, нечего сказать: такъ-то обираютъ, что и ушей не досчитаешься. Нѣтъ! пословица не лжетъ, что *Питеръ бока повытеръ.*

Б. Ну, и вамъ, и мнѣ нѣкогда! Вотъ я вамъ принесъ письмецы: къ шешушкѣ, къ

свату, къ бывшему нашему Городничему — пожалуста, повѣрьте отдайте.

А. Извольте, извольте. Разъ, два, три, четыре — вотъ съ вашими будетъ сорокъ восемь писемъ везу, все надобно будетъ раздавать. (*смотритъ адресы*) »На Выборгской стороне, въ домѣ Кокушкина— на Охтѣ....« Охъ! далеко!...

Б. Ну, а вотъ вамъ письма и отъ Его Превосходительства; вотъ и отъ Лаврентья Яковлевича.

А. Благодѣтель вы мой! Ахъ, какъ я вамъ благодаренъ! Отъ Его Превосходительства.... Фу! сколько орденовъ-то на печати! Посмотримъ-ка адресъ.... Вотъ-на! Да по-Французски! Охъ! вѣдь знакая пропасть.... Ну, что тутъ прочтешь— а еще Русскій Генералъ (*осматривается.*)... По Французски! Охо, хо, хо!

Б. Дочь мнѣ прочла. Видишь, написано: *мусье, мусье*, и значитъ: *господину* такому-то. Знаете, во Франціи живутъ безбожники: тамъ всѣ другъ друга называютъ *мусье*, вотъ и наши у нихъ перенимаютъ. Да вотъ его полный адресъ — вы сыщете....

А. Э! Еще-бы не сыскать, когда *рекомендательное* письмо въ рукахъ! Да на днѣ Невы сыщу и вручу. Вѣдь знаете: сильный человѣкъ!

Б. Дѣлами такъ и ворочаетъ въ Питерѣ!

А. Хе, хе, хе! Сыщемъ-съ! Вотъ у Лаврентья Яковлевича подробно означено: »Его Превосходительству, Милостивому Государю, N. N., Главноуправляющему... Директору...., орденовъ... кавалеру, въ С. Петербургѣ, на Пустомъ Рынкѣ, въ домѣ Б. Б.« — Покорнѣйше васъ благодарю!

Б. Помилуйте!

А. Нѣтъ, ужъ что одолжили, такъ одолжили. Скажите: какъ съ нимъ Лаврентій-то Яковлевичъ знакомъ?

Б. Ну, какъ-же! Когда Его Превосходительство проѣзжалъ здѣсь, такъ вѣдь Лаврентій Яковлевичъ съ нимъ за братъ-брата: обѣдали у Губернатора, послѣ къ себѣ позвали, и такой задали, изволите видѣть, пиръ, что небу жарко было. Однимъ пѣвчимъ заплатили 50 рублей! Шутка-ли?

А. Да, да, да! Ну, ужъ жаль, что нѣко-

гда, а то сбѣгалъ-бы, и къ Его Превосходительству, и къ Лаврентью Яковлевичу, поблагодарилъ-бы за неоставленіе своими милостями. Я такъ, нѣчего, счастливъ: вотъ девятое рекомендательное письмо! Хе, хе, хе! И все къ Графамъ, къ Князьямъ, къ Графинѣ одной....

Б. Ну, ужъ будто насъ, провинціяловъ, тамъ и грязью замечутъ! Не бойся, съумѣемъ, сударь, съумѣемъ.... Однакожъ, добрый путь.... (*прощаются*)

Петербургъ. N. N. сидитъ въ шлафрокѣ, за чаемъ. — Баронъ Ф. Ф. ходитъ по комнатѣ.

N. N. И такъ, ты очарованъ?

Ф. Ф. Совершенно! Что за голосъ, что за звуки! (*напѣваетъ*) Chagrin d'amour avait flétri ma vie.... И она меня любитъ! Слушай: понимаешь-ли ты мое счастье?

N. N. (*смѣется*). Понимаю, понимаю!

Ф. Ф. Я обнялъ-бы теперь цѣлый міръ, какъ брата, и сказалъ ему: будь счастливъ, ангелъ мой! Послушай: станемъ счастливить людей, сколько можемъ?

N. N. Недостанешь тебя надолго! Стоятъ-ли эти дураки добраго слова?

Калмердинеръ. Опять тотъ помѣщикъ пришелъ, который былъ третьяго дня.

N. N. Чортъ съ нимъ! Скажи, что я занятъ. . . .

Калмердинеръ. Онъ будетъ ждать; я ужъ ему говорилъ.

N. N. Скажи, что я уѣхалъ, умеръ — соври что нибудь.... Что ты смѣешься?

Калмердинеръ. Да, что-съ.... Онъ мнѣ давалъ дву-гривенный, чтобы я доложилъ вамъ. . . .

N. N. Дву-гривенный! ха, ха, ха! Что-жъ ты?

Калм. Не взялъ-съ.

N. N. Да что ему до меня за дѣло?

Калм. Говоритъ: привезъ къ вамъ рекомендательныя письма, отъ какого-то Генерала, и еще отъ вашего стараго пріятеля...

N. N. Ха, ха, ха! Ну, прогони его!

Ф. Ф. Милый мой! послушай: мы сей часъ хотѣли счастливить людей. . . . пожалуста: осчастливь этого бѣдняка Прими его!

*

N. N. Что за вздоръ! Мало-ли этихъ скоповъ шатается ко мнѣ; гдѣ мнѣ ихъ всѣхъ принимать—мнѣ нѣкогда!

Ф. Ф. Умоляю тебя. . .

N. N. Нѣчего дѣлать! Развѣ для того, что-бы посмѣяться. (*Камердинеру*) Впусти этого чудака.

А. (*входитъ съ низкими поклонами*) Ваше Высокопревосходительство! Имѣя честь и счастіе быть удостоеннымъ высокаго вашего благоговѣнія.... благоволенія — такъ, что.... (*замѣшался и низко кланяется*)

N. N. (*подходя къ нему*). Очень радъ съ вами познакомиться.... Съ кѣмъ я честь имѣю говорить?

А. (*кланяется*) ....скій помѣщикъ, Коллежскій Секретарь Нелепицынъ! (*подаетъ письма*) Удостоенный чести имѣть счастіе быть извѣстнымъ Его Превосходительству... имѣлъ честь получить письмо....

N. N. Какъ вы его знаете?

А. Сосѣди-съ по деревнямъ; всегда изволятъ послѣ охоты заѣзжать (N. N. *читаетъ письма. — А. въ сторону*) Славно, кажется.... (*вынимаетъ синій платокъ, и громко сморкается*).

Ф. Ф. У васъ большое имѣніе въ ....ской губерніи?

А. Шесть сотъ двадцать ревижскихъ. Конечно изволите имѣть также въ нашихъ палестинахъ....

Ф. Ф. Нѣтъ, у меня въ Т. губерніи.

N. N. (*смѣется*). Благодарю васъ! Очень благодаренъ! Не угодно-ли вамъ сѣсть?

А. Помилуйте, Ваше Высокопреподо.... Высокопревосходительство....

N. N. Давно въ Петербургѣ?

А. Уже третій мѣсяцъ пошекаетъ. Извините, простите великодушно — задержалъ письма.... имѣлъ счастіе три раза...

N. N. Ничего, ничего! Здоровъ-ли Генералъ?

А. Слава Богу-съ! А Лаврентья Яковлевича несчастіе постигло недавно....

N. N. (*про себя*) Кто бишь это? Помнится, откупщикъ! (*вслухъ*) Что̀, не по откупу-ли?

А. Нѣтъ-съ, вѣдь онъ откуповъ не держитъ никогда, а въ залоги давалъ....

N. N. Да, да — скажите, что его супруга?

А. Вѣдь онъ вдовъ-съ, уже лѣтъ двадцать....

N. N. Да, да! почтенный человѣкъ!

А. Прекраснѣйшій-съ!

N. N. Скажите: чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ?

А. Да вотъ-съ, Ваше Высокопревосходительство — сына хотѣлось-бы въ Корпусъ отдать, но ваканціи нѣтъ.... если-бы можно было.... И дѣло по Сенату — да, ужъ я не смѣю-съ обременять....

N. N. Радъ вамъ служить; жаль только, что все это не отъ меня зависитъ. Вы-бы отнеслись....

А. Къ Графу Б. Б. я имѣлъ счастіе — тоже было письмецо....

N. N. Да, кажется, Графъ служитъ по Ассигнаціонному Банку?

А. Точно такъ-съ; но все однакожъ милость....

N. N. Прошу васъ ко мнѣ всегда прямо идти, всегда — очень радъ.... благодарю...

А. (*кланяется*) Милостивымъ снисхожденіемъ удостоеннаго, благоволите, если позволите обеспокоить—въ надеждѣ.... (*расклa-*

пивается, пятится къ дверямъ, и толкаетъ спиною въ замокъ) Извините, Ваше Высокопрево....

N. N. Ничего, ничего....

(А. затворяетъ за собою дверь, и уходитъ)

Ф. Ф. Что это за странное явленіе — скажи, сдѣлай милость — чего-же онъ хотѣлъ?

N. N. *(смѣется)* Право не знаю! А хочешь-ли видѣть рекомендательныя его письма? Вотъ одно, отъ стараго моего товарища по гусарству, который теперь въ отставкѣ, въ деревнѣ, разстолстѣлъ, женатъ — и шалунъ вѣчно! Слушай:

«Податель этого письма такъ надоѣлъ мнѣ, милый мой Поль, что я принялся за перо, хоть это мнѣ тяжеле чорта знаешь какаго Турецкаго паѣзда; рекомендую его тебѣ: у него славная рябиновка. Скажу тебѣ, что я люблю тебя по прежнему, живу сытно, ѣмъ, пью, заплываю жиромъ, и еслибы не зайцы, то съ мѣста не пошевелился-бы. Что дѣлаешь? ты Сохнешь за своими бумагами? Когда ты къ намъ? Когда увидимся? Кланяйся отъ меня всѣмъ — даже Петербургскимъ ресто-

раціямъ. — Живъ-ли Андрьё? Я совсѣмъ опровинціялился, но поваръ у меня чудо Прощай! Твой,» и т. д.

Ф. Ф. Ха, ха, ха! Вотъ славная рекомендація! Однакожъ, гусаръ твой долженъ быть лихой малый!

N. N. Восьмое чудо, послѣ Колосса Родосскаго! Слушай другое письмо. Надобно тебѣ знать, что лѣтъ десять назадъ, я ѣхалъ черезъ.... скую губернію. Тамъ былъ тогда Губернаторомъ Шлемгольмъ — знаешь?

Ф. Ф. Ну, какъ-же.

N. N. Я у него остановился, жилъ съ недѣлю, меня закормили, вся тамошняя знать и дворянщина забѣгались за мною. Можетъ быть, тогда я зналъ и этого.... какъ онъ? Вотъ подпись: *Лаврентій Пивоп гутовъ*. Кто-жъ его вспомнитъ! Вотъ письмо:

По пунктулѣ, гдѣ я превращенъ въ «Милостивѣйшаго Государя — «Имѣвъ счастіе быть удостоеннымъ высокаго покровительства и благоволенія Вашего Превосходительства, долгомъ почитаю нижайше донести, что благостію Божіею

имѣю счастіе пребыть въ извѣстности вашей, въ благополучное пребываніе Вашего Превосходительства въ здѣшнихъ краяхъ, честь имѣя предоставить сего письма предложителя высокому вашему, милосердому заступленію, яко почтеннаго чиновника и помѣщика нашего, Анемподиста Ефремовича Пеленицына, каковымъ заступленіемъ окажете отеческую милость сему и его семейству, къ прославленію въ сихъ краяхъ вашего имени, и съ истиннымъ наглубочайшимъ высокопочитаніемъ имѣющаго честь пребыть....»

Ф. Ф. Полно, полно.... ха, ха, ха!

N. N. Доволенъ-ли ты?

Ф. Ф. Очень; но изъясни ради Бога: этотъ чудакъ совсѣмъ не бѣдный; дѣла ни какого къ тебѣ не было; *рекомендательныя* письма Богъ знаетъ отъ кого.... Да развѣ кто нибудь что нибудь по этимъ письмамъ дѣлаетъ?

N. N. Никто. Иногда письмо вымучаетъ отъ какого нибудь нужнаго человѣка. Ну, дадутъ записку — кто получитъ, тотъ ее броситъ. До этихъ-ли намъ болвановъ? И кому нужда за нихъ заступаться, ког-

да и своего дѣла не оберешься! Но пора ѣхать....

(А. торжественно идетъ по улицѣ; съ нимъ сталкивается Щ. —)

Щ. Ба, ба, ба! Анемподистъ Ефремовичъ! куда, откуда?

А. Кого я вижу? Батюшка, Василій Евдокимовичъ! (*съ улыбкою самодовольствія*) Да, что-съ, мы нынче съ знанью, сударь, съ знанью все!

Щ. Какъ?

А. (*хладнокровно хлопаетъ по табакеркѣ*) Были, сударь, у Г-на Дирекпора....N. N.

Щ. (*съ завистью*) Нѣтъ? Да вѣдь онъ всегда занятъ, и никого не принимаетъ!

А. Э! будто ужъ и насъ подъ одну *аллегорію* съ другими! Видѣли, сударь, самаго. (*втягиваетъ табакъ въ носъ, съ большими разстановками*)

Щ. Ну-съ?

А. Изволите, такъ обласкалъ, что даже совѣстно; истинно не зналъ, какъ и благодарить! И еще у него былъ — я у камердинера послѣ спросилъ — Баронъ Ф. Ф.

Щ. И онъ?

А. Ну, и этотъ разговорился, сударь, со мной, такъ, что куда тебѣ: и кто я, и сколько душъ, и за чѣмъ, и давно-ли.... Истинно, облагодѣтельствованъ! Приглашали —

Щ. Ужь-ли обѣдать?

А. Нѣтъ, да и куда намъ — поди они съ своими обѣдами! Нѣтъ, сударь, ходить всегда безъ доклада! Жаль, что скоро ѣду: воспользовался-бы милостью: оно, знаете, все пригодится....

Щ. Да кто это снабдилъ васъ рекомендаціями-то?

А. Да, одно письмо было отъ Его Превосходительства Ч. М., а другое, хоть и не отъ превосходительства, да отъ тяжеловѣснаго человѣка.... бывшій Предводитель, Лавреній Яковлевичъ Пивоплутовъ.

Щ. (*тихо*) Этакій пролаза: вездѣ-то онъ пробьется! (*вслухъ*) Ну, что дѣла ваши?

А. Совсѣмъ! Плохо было, да, знаете, пообдѣлалъ, черезъ секретарей, да черезъ приказныхъ, подмазалъ! Вѣдь нѣчего: не дань, такъ не далеко уѣдешь!... Одно дѣ-

ло было ужъ рѣшено въ мою пользу — ну, лежало, да и шолько....

Щ. (*тихо*) Эпакій проидоха! (*вслухъ*) Желаю вамъ успѣховъ! Прощайте-съ, Анемподисиъ Ефремовичъ!

А. Ну, еще увидимся? Я вѣдь не загоржусь, что съ Графами, да съ Баронами знакомъ — мы свои люди, просные....

Щ. Разумѣется.

А. (*вслѣдъ ему*) Осердился? Этакъ его забрало.... Вонъ и обвинипъ въ гордости! А истинно — я вовсе не горжусь.... Эй! извощикъ! въ Московскую Ямскую!

Извощикъ. Въ кое мѣсто вамъ?

А. Ну, еще въ какое мѣсто! Глупышъ, мужикъ, дуралей!...

(*А., вечеромъ, въ своей квартирѣ, сидитъ и пишетъ*)

Оедька! сними со свѣчи! Ну, ужъ, ей Богу! съ этой перепиской измучился.... Опять пакетъ вышелъ кривой.... Гришка! подай табакерку — вонъ на столикѣ! Скопина! вѣчно дрыхнешь — бросай занятіе, да ходи тебя будить.... Доспань печать, да сургучъ — вонъ въ шкапчикѣ.... Ахъ! бѣда — капнулъ саломъ! Развѣ выскрести.... Ну

ужъ право — эта большая переписка — все пишу, всѣмъ угоди — народъ чиновный; да какъ и не увѣдомишь жены, дѣтей, съ кѣмъ познакомился, какую честь приобрѣлъ.... Прочитемъ-ка еще разъ. Это къ Лаврентию Яковлевичу (*читаетъ*).

«Послѣ письма моего, пущеннаго отъ 7-го истекшаго мѣсяца, въ коемъ имѣлъ я счастіе увѣдомлять, что не имѣлъ чести застать у себя Его Превосходительство N. N., для врученія ему почтеннаго письма вашего, и къ крайнему моему прискорбію, нынѣшній-же день имѣлъ счастіе лично оное вручить, и былъ обласканный его милостями выше и паче чаянія, изволили о васъ спрашивать, и крайне интересовались, какъ о вашемъ здоровьѣ, какъ и о прочемъ, и за сіе долгомъ почитаю, милостивѣйшій государь, нарчувствительнѣйше васъ благодарить, что обязать изволили, къ услугамъ вашимъ навсегда, а о себѣ доложу, что милостію всещедраго Бога здоровъ, и по окончательности моихъ дѣлъ намѣреваюсь, чтобы къ выѣзду....»

Гришка! сними со свѣчи!

(*Гришка, снимая со свѣчи, погасилъ ее*).

Этакая скотина! Ну, вотъ, прошу тутъ дѣломъ заняться! Поди, зажги, да не разбей лба въ потьмахъ....

(дожидается огня).

ПРОЭКТЪ,

ИЛИ

ПРЕДПОЛОЖЕНІЕ,

О ТОМЪ,

ЧТОБЫ НЕВѢСТЫ НЕ ЗАСИЖИВАЛИСЬ ВЪ РОДИТЕЛЬСКИХЪ ДОМАХЪ, И НЕ ОСТАВАЛИСЬ ВѢЧНО НЕВѢСТАМИ; СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ ПРАКТИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ О ТОМЪ: ОТЪ ЧЕГО МНОГІЯ ДОСТОЙНЫЯ ДѢВУШКИ ЗА МУЖЪ НЕ ВЫХОДЯТЪ?

СОСТАВЛЕНО,

Sine ira et studio,

С. К. Затѣйкинымъ, Членомъ многихъ ученыхъ Обществъ, съ намѣреніемъ совершенно безкорыстнымъ, ибо Авторъ сего Проэкта *старъ, небогатъ* и *нежженатъ*.

ПРОЭКТЪ

О ТОМЪ, ЧТОБЫ НЕВѢСТЫ НЕ ЗАСИЖИВАЛИСЬ ВЪ РОДИТЕЛЬСКИХЪ ДОМАХЪ.

Извѣстно, что основанія общественнаго благосостоянія, заключаясь въ благоразумномъ исполненіи обязанностей каждаго изъ членовъ онаго, могутъ доводить цѣлое общество ко благу и счастію. Аббатъ Де-Льё-Коммюнъ, въ книгѣ своей: *Sur les origines des lois*, весьма благоразумно говоритъ: «Каждый долженъ прежде всего быть добрымъ человѣкомъ.» Аббатъ Беланже, въ книгѣ своей: *Trésor de la vertu*, прибавляетъ къ сему еще: «Обязанъ исполнять свой долгъ.» Не приводимъ другихъ мнѣній знаменитыхъ, древнихъ и новыхъ, писателей, изъ коихъ дѣлается ясно, что мужчина, остающійся неженатымъ, не исполняетъ своего долга, и дѣвушка, не вышедшая замужъ, также долга своего не исполняетъ. Если древ-

ніе Римляне, извѣстные своею мудростію, налагали пеню за безбрачіе, и давали награды женщинѣ, когда она была матерью многочисленнаго семейства, то само собою разумѣется, что безсемейное созданіе Божіе должно подвергаться какому либо штрафу, что подтверждаетъ и ученый Іоганнъ Христофоръ фонъ-Баусъ, въ книгѣ своей: *Vom Ursprunge des Zeltischen Volks*, доказывая, что Цельты справедливо подвергали холостяковъ большому наказанію, за то, что они не женятся. Но не одни Цельты — премудрая природа всѣхъ такихъ людей подвергаетъ сильному наказанію, ибо, говоря словами одного Русскаго Писателя, у холостяка «подъ ногами »шатко, въ головѣ перемѣнная погода, и »сердце со всего срывается.« Состояніе прекепріятное! Не говорю объ участи дѣвушекъ, не вышедшихъ за мужъ; но должно, кажется, послѣ всего сказаннаго мною, согласиться, что невѣстамъ выходить за мужъ, а женихамъ жениться слѣдуетъ непремѣнно.

Разсматривая предметъ съ сей стороны, и видя, что вопреки мнѣніямъ уче-

ныхъ людей и голосу природы, много остается на бѣломъ свѣтѣ невѣстъ и жениховъ, никогда не бывающихъ женами и мужьями, я старался разыскать причину, и наконецъ нашелъ ее, такъ неоспоримо, что устранивъ оную, мы никогда не увидимъ ни засидѣвшихся невѣстъ, ни старыхъ холостяковъ. Еще болѣе: въ моемъ открытіи заключается главнѣйшая причина несчастливыхъ супружествъ. Я готовъ восклицать, прыгая, какъ Архимедъ: *Нашелъ, нашелъ!* и спѣшу подѣлиться моею находкою со всѣми благомыслящими людьми.

Пересмотрите всѣ несчастныя супружества — отъ того, въ которомъ мужъ смиренно сгибается подъ башмакъ своей любезной половины, до противнаго полюса, т. е. супружества, въ которомъ любезный муженекъ заставляетъ жену свою ходить, что называется, по струночкамъ; отъ того, въ которомъ мужъ и жена даютъ другъ другу полную волю дѣлать что угодно, до того, въ которомъ мужъ коснѣетъ свою сожительницу, почему она безъ спроса его выгля-

пула въ окошко. Этого мало: переберите холостяковъ, отъ толстаго неженатаго волокиты, у котораго фракъ запачканъ пудрою, лепящею съ плѣшивой головы его, до тощаго какого нибудь холостяка, въ теченіе сорока лѣтъ корпящаго за бумагами. Вездѣ, и тамъ и здѣсь, вы найдете, что причиною худаго супружества и безженства, не на половину, а на девять десятичныхъ частей бываетъ —

ПРИДАНОЕ!

Такъ, ММ. ГГ., вотъ открытіе, которымъ горжусь я, въ которомъ, смѣло утверждаю, заключена причина зла.

Происхожденіе приданаго относится ко временамъ невѣжества, къ народамъ варварскимъ. Въ древнія, благословенныя времена не знали другаго приданаго, кромѣ красоты души и тѣла. Угодны-ли примѣры: вспомните Іакова, который работалъ четырнадцать лѣтъ за Рахиль, и не думалъ о приданомъ. Но когда нравы измѣнились, люди развратились, Добродѣ-

тель улетѣла на небеса, а Истина спряталась въ колодецъ, женщины упали въ мнѣніи мужчинъ, гордыхъ, несправедливыхъ: ихъ стали считать, нечеловѣками, равными мужчинѣ, а чѣмъ-то — ниже человѣка. Тогда явилась и пословица: *курица не птица, женщина не человѣкъ.* Проклинаю твою память, безсовѣстный мужчина, тебя, который въ первый разъ отъ начала міра потребовалъ придачи къ прелестному созданію, и произнесъ пагубныя слова: *дайте приданое!* Исторія приданаго весьма любопытна, и я намѣренъ издать ее особо, въ трехъ томахъ въ восьмушку, съ 2352-ю цитатами, изъ Конфуція, Платона, Гуго Гроція, Плинія, разныхъ знаменитыхъ Русскихъ Археологовъ, какъ-то: Н. В. Нехачина, Т. И. Мальгина, М. Т. Каченовскаго, и проч. и проч. — Много было всякой всячины: въ Скиѳіи, напримѣръ, дамы, оскорбленныя мыслью о приданомъ, рѣшительно возстали на мужчинъ, учили онѣ нихъ, и составили особое царство, бывшее извѣстнымъ подъ именемъ *Амазонскаго.* Въ Азіи, онѣ не только не согласились на

приданое, но требовали, чтобы мужчины платили за невѣстъ, и рѣшились отказаться отъ всего, только-бы удалить приданое. По взаимному условію, ихъ стали запирать, стеречь, закрывать, по за то *калымъ* утѣшаетъ Азіятскихъ дамъ.

У насъ, просвѣщенныхъ Европейцевъ, приданое вошло въ совершенный законъ. Безъ приданаго — будь у невѣсты во лбу свѣтлый мѣсяцъ, по косицамъ частыя звѣзды, будь она такъ хороша, чтобы видно было, какъ у нея изъ косточки въ косточку можжечекъ переливается — спокойно можетъ она сидѣть въ родительскомъ домѣ. Напротивъ, будь невѣста огромнѣе въ ширину, нежели въ вышину; не досчитывайся одного глаза, двѣнадцати зубовъ, и ковыляй на деревяшкѣ, будь притомъ у нея носъ, какъ руль корабельный; будь она еще при томъ тиха, какъ Ксантиппа, добродѣтельна, какъ Фрина, умна, какъ жительница дома сумасшедшихъ — женихъ не отобьется: давай только приданое! Дайте вѣсомъ за нее червонцевъ — хоть ас-

сигнацій по курсу — и о сборищѣ всего дурнаго будутъ вздыхать и молодой гусаръ, и шучный Генералъ, и ловкій купецъ, и даже какой нибудь Мулла не посовѣстившися поохать о прелестницѣ. Невѣстами идетъ нынѣ совершенный торгъ. Отецъ, котораго благословилъ Богъ дочками, горюетъ и говоритъ: »Охъ! раззорился: *семь* дочерей!« Матушка, у которой доматываютъ дѣтки послѣднія родительскія крохи, любуется ими, и говоритъ: »Перѣбесятся, а тамъ — *три* сына, *три* свадьбы, и на старости не уморятъ меня съ голоду.« — По Москвѣ рыскаютъ сотни потаскушекъ, сплетницъ, старушекъ, съ росписями приданаго, въ которыхъ все написано, кромѣ того, какова невѣста. Это въ *придачу*; такъ, что о придачѣ стараться?

Отцы, матери, тетки, дяди, бабушки и дѣдушки! Подумайте: до чего все это насъ доводитъ? Молодая дѣвочка не думаетъ учиться, не думаетъ быть хорошею хозяйкою. Отъ чего? Она знаетъ, что и безъ того будутъ за нею ухаживать. Потому не старается она быть

ни доброю, ни послушною; поэтому къ молоденькимъ богатымъ дѣвчонкамъ летаютъ письмецы, записочки; для этого выдуманы кошильоны, мазурки, вальсы. Замѣшанье, на нашихъ балахъ: за кѣмъ волокитство? Съ кѣмъ шептанье, разговоры? Съ *приданымъ!* А дѣвушка, прелестная, да безъ приданаго, сидитъ дома въ углу и вяжетъ чулочки нашенькѣ, между тѣмъ, какъ онъ ходитъ и думаетъ: «Что дѣлать? Дѣвочка-то у меня на возрастѣ!»

А юноши наши? Онъ чего, какъ не отъ мысли о приданомъ, они шалятъ въ училищахъ, повѣсничаютъ въ службѣ? *Приданое все поправитъ!* кричатъ они.

Взглянуте на супружества наши: *приданое*, вышедшее за мужъ, имѣетъ-ли право требовать къ себѣ уваженія, любви, привязанности? Его возятъ на балы, съ нимъ развозятъ визиты, берутъ отъ него деньги — и только! Возьмемъ другую крайность: если придача къ приданому держитъ мужелька на своркѣ; за чашку шоколада говоритъ ему: *ты дуракъ!* кусокъ бисквита заставляетъ проглотить

съ припоминаніемъ, что онъ искалъ только денегъ, и, звеня ему подъ ухо деньгами, награждаетъ щелчками.... каково супружество? Положимъ, что и супруга съ приданымъ, и мужъ, включившій себя въ роспись женскихъ вещей, поладили: онъ съ одной стороны, она съ другой, сводятъ домокъ, живутъ весело, встрѣчаются только въ гостяхъ, говорятъ другъ другу сперва только: *дай денегъ*, а потомъ: *подпиши вексель*, а потомъ: *убирайся къ чорту!*... спрашиваю: для этого-ли сказано: »*Недобро быти человѣку единому; сотворимъ ему помощницу.*»

Но ничто не научаетъ насъ. Девять изъ десяти дѣвушекъ живутъ отшельницами, и не *хотятъ* идти замужъ, потому, что ихъ не берутъ безъ придачи: это неоспоримо; но я обращаюсь къ холостякамъ. Развѣ не девять изъ десяти не женятся отъ того, что или ищутъ *приданаго*, или боятся взять безъ *приданаго*, говоря: «У нея ничего; у меня тоже, а чѣмъ-же намъ *жить?*» Жить значитъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ: *мотать*, также, какъ слово: *умеръ*, значитъ: *промотался*

Этотъ смыслъ произвело — *приданое*. Оно даетъ *средства жить*, а женщины, которымъ безъ приданаго удалось выйдти за мужъ, почитаютъ мужей приданымъ, и, точно какъ сундуку, говорятъ: «Дай шаль, дай фермуаръ, дай шляпу, дай денегъ на жемчугъ: я не виновата, что ты безъ *приданаго* взялъ меня; не хочу быть *хуже другихъ!*»

Не хочу продолжать далѣе своихъ объясненій. Думаю, и теперь каждый согласится, что худыя супружества происходятъ отъ того, что *есть приданое*, а безсемейная жизнь отъ того, что *нѣтъ приданаго*. Исключеній изъ сего правила такъ мало, что объ нихъ не стоитъ говорить. Легко послѣ этого понять, въ чемъ состоитъ мой проэктъ.

Отцы, матери, дядюшки, тетушки, бабушки, дѣдушки; тоноши, желающіе добра; дѣвушки, желающія быть счастливыми! соединитесь со мною, и закричимъ въ одинъ голосъ: » *Да уничтожится приданое! Да погибнетъ эта язва, убивающая счастіе на бѣломъ свѣтѣ!*»

Предлагаю: уничтожить, рѣшительно

и навсегда, всякое движимое и недвижимое приданое; положить, чтобы никто и никогда, ни по купчей, ни по рядной, ни по духовной, ни векселями, ни условіями, и никакъ, не смѣлъ давать за дѣвушкою приданаго, кромѣ души и сердца, которыя нынѣ, при отдачѣ приданаго, часто забываются. Всякое имѣніе принадлежитъ отцу, мужу, сыну, а не матери, не женѣ и не дочери....

Но, что если я своимъ проэктомъ не всѣмъ угожу? Диво-ли, когда я *никому* не угожу? Я хотѣлъ было войдти здѣсь въ подробное изложеніе своего проэкта: не буду-ли я пѣть пѣсню для глухихъ ушей? Такъ и быть! Погожу: не кричите промотавшіеся повѣсы, некрасивыя невѣсты! еще приданое не отнято у васъ! Но послушайте:

Если мой проэктъ будетъ принятъ.... золотой вѣкъ едва-ли не возвратится на землю. Сынки будутъ беречь батюшкины деньги, потому, что не будетъ имъ надежды поправиться женитьбою; богатые отцы будутъ заботиться о воспитаніи дочерей, потому, что не пучками ассигнацій будетъ цѣниться достоинство не-

вѣсить; бѣдныя дѣвушки не засидятся у отца и матери, потому, что достоинства будутъ рѣшать выборъ невѣстъ, и дочери и богатыхъ и бѣдныхъ будутъ равны, какъ на Страшномъ Судѣ; красавицы захотятъ отличаться душевными красотами, чтобы чѣмъ нибудь взять преимущество, а не красавицы — о, вы милыя созданія, которыхъ часто Провидѣніе съ избыткомъ награждаетъ за недостатокъ хорошенькаго личика! вы превзойдете иногда самихъ себя, и вы-то всего скорѣе иногда будете замужемъ, потому что смазливое личико.... Но я не смѣю быть неучтивымъ, и скажу только, что съ уничтоженіемъ приданаго, женщины будутъ истинныя владычицы душъ и сердецъ!

Безъ этого — скоро супружество сдѣлается у насъ.... Да, что я говорю? Наши невѣсты и безъ того уже совершенный товаръ; балы—биржи; свахи—маклера; женихи — покупатели, а отцы и матери что?

Совершенное безкорыстіе руководствуетъ мною. Я безденеженъ—это правда;

но за то я бездѣтенъ и старъ, слѣдственно: ни женатъ, ни женаться не имѣю надобности, а предлагаю свой проэктъ желая добра своимъ соотечественникамъ и соотечественницамъ, которыя конечно поблагодарятъ меня, если хорошенько подумаютъ о томъ, что́ я предлагаю.

С. Затѣйкинъ.

ВСЯКАЯ

ВСЯЧИНА.

ВѢРНЫЙ СПИСОКЪ СЪ ЗАПИСКИ,

ПОДАННОЙ СТОЛОНАЧАЛЬНИКОМЪ ЦЫПКИНЫМЪ СТРЯПЧЕМУ НЕГЛАГОЛИНУ, О ДѢЛѢ КУПЦА ШИЛОТЫЧКИНА СЪ КОЛЛЕЖСКИМЪ РЕГИСТРАТОРОМЪ ПРИЖИМАЕВЫМЪ, ПРИ ПОСЫЛКѢ ДѢЛА (*).

Въ 1798 году, Іюня 7-го дня, поданнымъ въ.... Градскую Полицію, съ приложеніемъ подлежащихъ документовъ, Коллежскій Регистраторъ Прижимаевъ, съ довѣренностію подалъ прошеніе Коллежскому Секретарю Ивану Пафнутьеву, на Еланомскаго купца Сидора Шилотычкина, прошеніемъ, принесъ жалобу о учиненіи побой и обиды онымъ Шилотычкинымъ ему Прижимаеву, и съ тѣмъ вмѣстѣ о пристрастномъ рѣшеніи, онаго-же

(*) Предлагаемъ сію записку, какъ образецъ юридическаго слога, которымъ до нынѣ пишутъ многіе приказные люди. Ж.

города N. N. Часнинаго Приснава Бѣсодурова, съ уличеніемъ его въ родственной связи съ онымъ Шилоньчкинымъ, каковая связь и хлѣбосольство побудили якобы рѣченнаго Бѣсодурова, при упомянутомъ побиніи кулакомъ и каменною натуральною палкою, при личномъ бытіи онаго города N. N. уѣзда, Семирѣчной волости, деревни Пусиновой крестьянина Филиппа Демьянова сына Какуцкина и N. N. Уѣзднаго Суда Регистратора Подсказова, бишіе и удареніе видѣвшихъ, о чемъ взятыми законными показаніями, утвердивъ побиніе рѣченнаго Прижимаева часто поминаемымъ Шилоньчкинымъ, оный Бѣсодуровъ отрекся, и по поданному Прижимаева прошенію и взятію со свидѣтелей отвѣта, относительно упомянутой уголовной ссоры и побитія палкою и кулакомъ, онаго Шилоньчкина объясненіе, препровожденное въ N. N. Градскую Полицію не только о не битіи упомянутаго Прижимаева, но и о небытіи въ означенное Іюня 7-го дня время въ городѣ N. N., изъявилъ сомнѣніе; коего дѣла съ выписками документовъ, и съ

приложеніемъ вырванныхъ Шилопычкинымъ у Прижимаева, завернутыхъ въ особую бумажку и утвержденныхъ печатями волосъ, всего 1219 нумерованныхъ листовъ и волосы, по принятіи оныхъ, по поданному прошенію въ высшей инстанціи, за сгорѣніемъ по случаю пожара изъ онаго дѣла — 486-ти листовъ, остальные при семъ представляются, и съ росписокою препровождаются.

Августа 1825.

ПРИКАЗНЫЕ АНЕКДОТЫ.

1.

Въ одномъ изъ городовъ святой Руси жилъ, былъ, а можетъ статься, и теперь еще живетъ (но мы будемъ говорить *въ прошедшемъ* времени), дѣловой человѣкъ. Онъ вертѣлъ дѣлами, какъ мячиками, игралъ товарищами, какъ бирюльками, передъ начальниками крѣпкими сгибался, говоря: *плеть обуха не перестегаетъ*, а мягкихъ самъ сгибалъ, какъ восковую свѣчку. Такъ жилъ онъ, жилъ и нажилъ домикъ и деревеньку. Отъ дѣлъ онъ никогда не отнѣкивался, а приказныя дѣла, извѣстно изъ Хемницеровой басни, точные комки масла: кто покатаетъ такой комокъ, у того на пальцахъ останется немного маслица. Вотъ бывало однимъ пальцомъ дѣлецъ нашъ помажетъ тѣлегу, чтобы она не скрыпѣла, а другими почему и себѣ головы не помазать?

Но злые люди не оставили его въ покоѣ; стали говорить, будто онъ такой,

и сякой, и когда пріѣхалъ новый Губернаторъ, то на дорогѣ этому Губернатору надули въ уши, что такой-то Совѣтникъ плутъ, ябедникъ, взяточникъ, обирала, и проч. и проч. — Умный нашъ Совѣтникъ — назовемъ его Фалелѣевымъ — тотчасъ, по пріѣздѣ Губернатора, увидѣлъ откуда и куда вѣтеръ дуетъ; сжался, замолчалъ, и помнилъ, что *капля по каплѣ пробиваетъ камень.*

Прошло недѣли двѣ. Губернаторъ глядитъ на него сердито. Вдругъ, однажды поутру, является къ Фалелѣеву подрядчикъ Низкопоклонитъ, и проситъ заступиться за его дѣло. »Нельзя, не могу: дѣло ваше неправое; Губернаторъ меня не послушаетъ!« — Батюшка — отвѣчаетъ Низкопоклонитъ вотъ 5000 доказательствъ, что я правъ — и пучекъ, новенькихъ, съ молоточка, бумажекъ скатился въ руки Фалелѣева. Какъ быть? Фалелѣевъ до новенькихъ бумажекъ былъ смертельный охотникъ; началъ онъ ходить по комнатѣ, думать, и — придумалъ такъ, что Низкопоклонитъ чуть не воскликнулъ:

Ну! экъ онъ вывернулъ! Бѣсовскій сынъ прямой!

Роли разданы. Низкопоклонинъ является на другой день къ Губернатору, кланяется, хнычетъ, плачетъ. »Что вы?« гордо спрашиваетъ его Губернаторъ, поправляя свой синій мундиръ и новую шпагу. Низкопоклонинъ объявляетъ, что у него есть дѣло, правое, но враги идутъ противъ него; что Совѣтникъ Фалелѣевъ проситъ съ него 5000 рублей, а въ противномъ случаѣ обѣщается уронить его дѣло, и проч. и проч. — «Хорошо!» былъ отвѣтъ Губернатора. Загремѣла карета; Губернаторъ сѣлъ въ нее, и поѣхалъ въ присутствіе.

Вотъ онъ за краснымъ сукномъ. »*Дѣло Низкопоклонина!*« — Приносятъ; Губернаторъ говоритъ докладчику — »Читайте!« И проницательный взоръ Губернатора устремился на Фалелѣева, безмолвнаго, тихаго. Губернаторъ видитъ гримасы негодованія на лицѣ Совѣтника, его нетерпѣніе, скрываемую досаду; чтеніе летитъ мимо ушей Губернаторскихъ; дѣло представляется ему на выворотъ; онъ увѣренъ въ злымъ умыслѣ

Фалелѣева, и рѣшился ниспровергнуть хитросить взяточника. Надобно судить. Боже правосудный! какъ краснорѣчивъ сдѣлался Фалелѣевъ! Онъ ясно, громко, сильно утверждаетъ, что *Низкопоклонинъ неправъ*, что дѣло его плутовское; что его надобно обвинить. Губернаторъ горячится, краснѣетъ, противорѣчитъ, острится на счетъ Фалелѣева, намекаетъ на 5000 доказательствъ, и съ торжествомъ видитъ, что Фалелѣевъ поблѣднѣлъ, заикнулся. »Знайте, М, Г!« продолжаетъ Губернаторъ, »мнѣ извѣстно, можетъ быть, многое,« и проч. и проч., что обыкновенно говорятъ начальники, если они думаютъ, что знаютъ что нибудь, когда въ самомъ дѣлѣ ничего не знаютъ.

Тяжба Низкопоклонина рѣшена въ его пользу; Фалелѣевъ съ 5000-ми; Губернаторъ въ восторгѣ отъ своей проницательности, а Повытчикъ и Секретарь тихонько посмѣялись, и — велѣли отнести дѣло въ архивъ.

2

Въ старое время торговалъ.... положимъ, хоть въ Москвѣ, въ лавочкѣ, человѣкъ небольшаго роста, но весьма ловкаго и хитраго ума. Лавочка, въ которой торговалъ онъ, принадлежала одному богатому человѣку, также не промаху, но— по старой пословицѣ, если *на плута будетъ полтора плута, то плуту не устоять.* Я не называю плутовствомъ хитрыхъ уловокъ, какими иногда люди прибираются къ чужому кошельку, но привожу пословицу по неволѣ, для объясненія сущности дѣла. Право я не виноватъ, что въ старину, когда составлялись пословицы, мало полагали различія между плутомъ и умнымъ хитрецомъ. Сколько мнѣ извѣстно, въ половинѣ прошедшаго вѣка различіе было уже утверждено, и покойный Княжнинъ уже сказалъ:

Узнай, старикъ, узнай: кто прежде звался *плутъ*,
Того ужъ нынче *искусникомъ* зовутъ...

Но я отбиваюсь отъ дѣла. Вотъ содержатель лавочки является однажды къ хозяину лавочки, кланяется, и начинаетъ

говорить, что онъ слышалъ, будто-бы съ Новаго года его милость хочетъ наложить на лавку, то есть: потребовать отъ содержателя болѣе денегъ за наемъ. «Точно такъ,» отвѣчаетъ хозяинъ. — Тутъ содержатель опять кланяется, хнычетъ, жалуется на худые торжишки, и объявляетъ, что онъ желалъ-бы и до окончанія годоваго срока выйдти изъ лавочки, ибо она ему дорога, а онъ нашелъ подешевле. »Этого нельзя сдѣлать,« отвѣчалъ хозяинъ. — Знаю, отецъ ты мой, и додержу, но съ Новаго года я не наемщикъ вашъ. — Онъ ушелъ.—Только что разстался съ нимъ хозяинъ лавочки, какъ является человѣкъ, видъ и одежда котораго показывали купца, идущаго въ гору: блестящее, веселое лицо, новый сюртучекъ, жидовскій жилетъ, закрывающій половину горла, цвѣтной галстучекъ, котораго концы торчатъ изъ подъ бородки, подстриженной трехъ-угольникомъ, лакированные сапоги, пуховая шляпа съ маленькими полями, зеленыя, новыя перчатки. Что угодно? И посѣтитель объявляетъ, что желалъ-бы нанять лавочку,

именно ту, о которой хныкалъ уходившій наемщикъ. »Съ Новаго года извольте,« говоритъ хозяинъ. — »Жаль, право-съ жаль; намъ-бы надобно-съ теперь-съ.« — Вотъ, мысль ярко блеснула въ головѣ хозяина лавки: тотъ радъ выйдти, этотъ войдти—славно! — Начинается торгъ. Лавочка ходила, положимъ 700 р.; новый наемщикъ даетъ 1000, съ тѣмъ только, чтобы тотчасъ вступить въ лавочку. Отсрочено до завтра; хозяинъ посылаетъ за старымъ наемщикомъ, объявляетъ, что онъ согласенъ тотчасъ уволить его отъ найма лавки; тотъ благодаритъ, кланяется. На завтра новый наемщикъ явился, отдалъ половину денегъ, написали условіе.... Дѣло кончено? Нѣтъ только начинается. На третій день прибѣгаетъ къ хозяину сторожъ лавки; говоритъ, что тамъ драка, шумъ, зоветъ его, хозяинъ бѣжитъ.... что такое сдѣлалось? —

Товарищки стараго наемщика разбросаны по землѣ, толпа народа, Кварталъный и Частный Приставъ судятъ. Открылось, что когда явился новый наемщикъ, старый наемщикъ объявилъ, что и

не думалъ выходить изъ лавки, что онъ имѣетъ условіе до Новаго года, что выходъ изъ лавки раззоритъ его. Начинается шумъ, бѣгутъ, одинъ за Квартальнымъ, другой за Частнымъ, выкидываютъ товаръ, и—*раздружи, Боже, народъ, накорми воеводъ*—началось дѣльцо, весьма плохое для хозяина лавочки. Каждый требуетъ убытковъ. Нѣчего дѣлать: стали мириться, и хозяинъ уступилъ лавочку старому наемщику за бездѣлку, на три года; заплатилъ и новому. Ему совсѣмъ была не шутка: обманъ, фальшивый поступокъ, условіе на условіе!

На другой день въ погребкѣ пировали три человѣка: старый и новый наемщики лавочки, и приказная строка, въ вытертой фризовой шинели. Новый наемщикъ оказался другъ а родня старому, и былъ только *селезень*, на котораго поддѣли хозяина лавки, а Макіавель въ фризовой шинели руководствовалъ всѣмъ дѣломъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

7 JU 64

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Письмо къ Живописцу въ Новый годъ (1830 й). . 1
Письмо къ Живописцу отъ Г-на Тимоѳеича, и отвѣтъ Живописца на письмо Г-на Тимоѳеича.
Письмо Г-на Тимоѳеича. 15
Отвѣтъ Г-ну Тимоѳеичу. 23
Этому, сударь, вы научитесь послѣ (разговоръ учителя съ ученикомъ). 33
Сумасшедшіе и несумасшедшіе. 47
Быть и казаться. Философическо-моральное разсужденіе. 69
Вѣнецъ педагогіи, или проэктъ воспитанія къ счастію и благоденствію общества человѣческаго. 93
Три дня въ двадцати годахъ. Сцены изъ обыкновенной человѣческой жизни. 119
Рекомендательное письмо. 187
Проэктъ, о томъ, чтобы невѣсты не засиживались въ родительскихъ домахъ. 208
Всякая всячина. 223

3740

D023903571
Duke University Libraries